

12+

Литературно-художественный журнал

4
2021
(114)

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ



Герой номера
Виктор Королев



На книжных полках
«Такая старая, как ты»
Михаила Гительмана

Тема номера
Экскурсы в историю

Редколлегия

Главный редактор **М. В. Соседко**

Редактор **Н. П. Гаврикова**

Литературный консультант
член **Союза писателей России**

И. И. Малкова

Дизайн обложки и вёрстка: **С. А. Чалый**

Корректор **Г. В. Донина**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС77-44356

от 21 марта 2011 г.

Учредитель и издатель

Суховойко Денис Александрович

Адрес редакции

654063, Россия, Кемеровская область,
г. Новокузнецк, ул. Рудокопровая, 30, корп. 4.

Адрес издателя

653039, Кемеровская область,
г. Прокопьевск, ул. Яворского, 24-44.

Для писем

654079, Россия, Кемеровская область,
г. Новокузнецк, а/я 170.

Тел.: 8-913-429-2503

E-mail: sp@izdat-kniga.ru

journalsp.ru

vk.com/journal_sp

izdat-kniga.ru

Все произведения и материалы, опубликованные в журнале, охраняются законодательством РФ об авторских и смежных правах. Воспроизведение публикаций журнала в каком-либо виде без письменного согласия редакции не допускается. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. За достоверность фактов несут ответственность авторы опубликованных материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Редакция оставляет за собой право на литературную правку рукописей, не вступая в переписку с авторами. Рукописи, присланные в редакцию, не рецензируются и не возвращаются.

Отпечатано в типографии издательства

«Союз писателей»,

Россия, Кемеровская обл.,

г. Новокузнецк, ул. Рудокопровая, 30/4.

Подписано в печать 09.08.2021

Журнал вышел в свет 19.08.2021

Формат 60x841/8. Бумага офсетная № 1.

Гарнитура «PT Serif».

128 стр. Тираж 3000 экз.

Цена договорная.

Литературно-художественный журнал

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ

№ 4/2021 (114)

Издаётся с 2011 года

Содержание номера

*История как культурное наследие
нации.....* 3

Литературный календарь

Юбилей..... 4

События..... 6

Конкурсы..... 7

Герой номера

*«Крах любой нации начинается с того,
что забывают историю». Интервью
с Виктором Королевым.....* 9

Диалог с писателем

*Ольга Дингес: первые шаги по стезе
писателя.....* 14

«Дорогу осилит идущий»..... 17

Нашу жизнь украшают простые вещи..... 20

На книжных полках

*Военная реальность вне пространства
и времени и символ героизма в повести
Дмитрия Сарвина.....* 23

*История, о которой можно говорить
вечно.....* 24

*Прощение в жизни Владимира
Черноморского.....* 26

*Сказочная страна писательницы
Натальи Шарповой.....* 28

*Любимая сказка от Василисы Кошкиной ..
«Самозанятый ребёнок», или Зачем
откладывать жизнь на старость?.....* 31

Рецензии и критика	
<i>Стилистические доминанты прозы Art Dalyna (на примере фэнтези-сериала «Внутренняя Звезда Земли»)</i>	32

Психология творчества	
<i>Метафорический интеллект, или За что мы любим иносказание</i>	34

Тема номера	
Елена Белоусова	
<i>Стихотворения</i>	36
Ольга Веселова	
<i>Стихотворения</i>	38
Виктор Королев	
<i>Самый страшный день войны</i>	40
Алла Кречмер	
<i>Стихотворения</i>	44
Антонина Кухтина	
<i>После Великой Отечественной войны</i> ...	46
Надежда Мохина	
<i>Стихотворения</i>	50
Алекс О.	
<i>Folly</i>	52
Лариса Полубоярова	
<i>Стихотворения</i>	55
Ольга Севостьянова	
<i>Как хороши, как свежи были розы</i>	57
Кристина Тюрккаева	
<i>Благословение</i>	59
Рената Юрьева	
<i>Стихотворения</i>	61

Поэзия	
Владислав Бусов.....	63
Виктория Никитина.....	65
Ирина Савченко.....	69
Вера Степная.....	71

Проза и публицистика	
Лариса Агафонова	
<i>Лидочка</i>	73
Геннадий Бабкин	
<i>Степная рапсодия</i>	76

Ольга Горбунова	
<i>Сказка</i>	85
Игорь Екимов	
<i>Шаги смерти</i>	88
Вячеслав Злобин-Алтайский	
<i>Мой друг</i>	90
Татьяна Зубарева-Гурина	
<i>Не пустила. Баня</i>	97
Ася Кузьмина	
<i>Миниатюры</i>	99
Елена Нестерова	
<i>Сказы мудрого зайца</i>	102
Ирина Столярова	
<i>Последнее письмо</i>	108
Игорь Щепёткин	
<i>По северной ветке</i>	110

Неординариум	
Зоя Видрак-Шурер	
<i>Златка</i>	116

Комната отдыха	
Владимир Гуляев	
<i>Прости, Мурзик!</i>	119

МДЛК «Озарёнок»	
<i>IV Всероссийское совещание молодых литераторов Союза писателей России</i>	121
<i>Поздравляем лауреатов и финалистов Всероссийского литературного конкурса с международным участием «На благо Родины» 2020/2021</i>	122
<i>По итогам Всероссийской литературной акции «Книжкины именины — 2021»</i>	123
Марк Садыгов	
<i>«Гарри Поттер» Дж. К. Роулинг</i>	124
Вадим Новрузов	
<i>Удачная охота</i>	124
<i>Литературные встречи в Уфе</i>	124

Цветные зонтики	
Наталья Шарапова	
<i>Сказка про лентяя Принеси-Подая</i>	125

История как культурное наследие нации

Последние летние дни приносят с собой осеннюю прохладу и ностальгию о былом. Страницы журнала «Союз писателей» встретят своих читателей произведениями о прошлом, расскажут удивительные истории от наших авторов, которые готовы поделиться своими неповторимыми воспоминаниями.

Традиционно выпуск начинается с «Литературного календаря». В нём рассказывается о памятных литературных событиях и датах, юбилеях писателей и актуальных литературных конкурсах, в которых может принять участие любой желающий.

Герой номера, писатель и историк Виктор Королев, расскажет читателям о том, почему важна история для нашей жизни и зачем её необходимо помнить. Автор поведаёт о настоящих героях, которые нашли своё место на страницах его книг. Невыдуманные рассказы, основанные на событиях прошлого, стали его вдохновением. Именно экскурс в историю был выбран темой нового выпуска, и о прошлом с читателями поделятся такие прозаики, как Виктор Королев, Антонина Кухтина, Алекс О., Ольга Севостьянова, Кристина Тюркаева, а также поэты Елена Белоусова, Ольга Веселова, Алла Кречмер, Надежда Мохина, Лариса Полубоярова, Рената Юрьева.

В рубрике «Диалог с писателем» корреспонденты пресс-службы «Союз писателей» поговорят с Ольгой Дингес, Дмитрием Долговым и Асей Кузьминой. Читатели смогут узнать много новых интересных фактов из личной и творческой жизни авторов.

В раздел рецензий попал проект художницы и писательницы Art Dalyna — фэнтези-сериал «Внутренняя Звезда Земли», на основе которого читатели разберут стилистические доминанты прозы.

Колонка «Психология творчества с Ларисой Агафоновой» порадует интересной статьёй от психолога о метафорах и их влиянии на жизнь и творчество, а также покажет несколько упражнений для развития метафорического видения мира.

Выпуск порадует любителей поэзии стихами таких поэтов, как Владислав Бусов, Виктория Никитина, Ирина Савченко, Вера Степная, Борис Ясногородский. А в рубрике «Проза и публицистика» опубликованы новые захватывающие произведения Ларисы Агафоновой, Геннадия Бабкина, Ольги Горбуновой, Игоря Екимова, Вячеслава Злобина-Алтайского, Татьяны Зубаревой-Гуриной, Аси Кузьминой, Елены Нестеровой, Ирины Столяровой, Игоря Щепёткина.

Мистическое произведение «Златка», написанное писательницей Зоей Видрак-Шурер, ожидает своих читателей в рубрике «Неординариум». А «Комната отдыха» порадует забавным рассказом про Мурзика от Владимира Гуляева. Необычную сказку для детей подготовила Наталья Шарапова в рубрике «Цветные зонтики».

МДЛК «Озарёнок» и его руководитель Нина Гаврикова расскажут о прошедшем Всероссийском совещании молодых литераторов Союза писателей России. А также читатели узнают итоги литературного конкурса «На благо Родины» и последние новости по итогам Всероссийской литературной акции «Книжкины именины — 2021».

Первые холодные ночи наполняются тайнами и загадками, которые хочется узнать, разобраться в них. В этом читателю поможет журнал «Союз писателей». Познавательные рассказы покажут, что история ещё никогда не была такой интересной, как на страницах литературного журнала.

Литературный календарь

Юбилеи

2 сентября — 115 лет назад в Акмолинске родился российский писатель-фантаст **Казанцев Александр Петрович**. Дебютировал в фантастике в 1936 году, заняв первое место на конкурсе киносценариев, написанным в соавторстве с И. С. Шапиро сценарием «Аренида». Наиболее известные книги: «Против ветра», «Гость из космоса», «Пылающий остров».

3 сентября — 80 лет назад в Уфе родился **Довлатов Сергей Донатович** — русский писатель и публицист. Являлся одним из создателей русской газеты «Новый американец», позже стал её главным редактором. Его работы «Компромисс», «Зона», «Не только Бродский» были опубликованы в известных американских газетах и журналах.

4 сентября — 125 лет назад в городе Марсель родился французский писатель, поэт, драматург, актёр театра и кино **Антонен Арто**. Писатель посвятил жизнь и творчество вопросу искусства и его места в мире. Сыграл роль монаха Массье в легендарной картине Карла Теодора Дрейера «Страсти Жанны д'Арк».

6 сентября — 110 лет назад в Новониколаевске родился русский советский поэт **Островой Сергей Григорьевич**. Работал в московском журнале «30 дней» и газете «Гудок». В 1941 году ушёл добровольцем в народное ополчение. На его стихи были написаны песни «Жди солдата», «Зима (Потолок ледяной)», «Есть на Волге город».

95 лет назад в Токио родился японский писатель-фантаст **Хоси Синъити**. За свою жизнь писатель написал более тысячи рассказов, за что его прозвали королём коротких рассказов. Наиболее известными

произведениями являются «Когда придёт весна», «Тоскливая работа», «Очарованная лисой».

7 сентября — 80 лет назад в селе Кильмезь родился русский прозаик **Крупин Владимир Николаевич**. Начинал с публикации стихов и повестей «Варвара», «Ямщицкая повесть», «Живая вода». Являлся секретарём правления Союза писателей России.

12 сентября — 100 лет назад во Львове родился **Станислав Лем** — представитель польской научной фантастики, философ, автор реалистической прозы и сатирических текстов. Его книги были переведены на 40 языков. Наиболее успешными произведениями являются «Астронавты», «Магелланово облако», «Эдем».

13 сентября — 105 лет назад в городе Кардифф родился **Роальд Даль** — британский писатель, автор романов, сказок и новелл. Рассказы автора знамениты неожиданным финалом, а детские книги — отсутствием сентиментальности и чёрным юмором. Известными произведениями являются «Ведьмы», «Матильда», «Гремлины», «Джеймс и гигантский персик».

17 сентября — 180 лет назад в Екатеринбурге родился **Решетников Фёдор Михайлович**. Писатель и очеркист дебютировал в печати с очерками в «Пермских губернских ведомостях». Был первым автором русской литературы, кто описал в произведении забастовку. Его произведения: «Ставленник», «Между людьми», «Свой хлеб».

105 лет назад в городе Сандерленд родилась **Мэри Стюарт** — английская романистка, наиболее известная своей трилогией о Мерлине. В произведении пи-

сательница совместила черты исторического романа и истории в стиле фэнтези. Также сказка писательницы «Мэри и ведьмин цветок» была экранизирована режиссёром Хиромасой Ёнэбаяси.

19 сентября — 110 лет назад в деревне Сент-Коламб Майнор родился **Уильям Джералд Голдинг** — английский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе 1983 года. Наибольшую популярность автору принёс первый из романов «Повелитель мух». Произведение считается одним из самых выдающихся в мировой литературе.

21 сентября — 155 лет назад в Бромли родился **Герберт Джордж Уэллс** — английский писатель, публицист, сторонник фабианского социализма. Автор известных научно-фантастических романов «Война миров», «Машина времени», «Человек-невидимка». Являлся представителем критического реализма. Первым ввёл в фантастику понятие параллельных миров.

22 сентября — 180 лет назад на хуторе Кейраны родился латышский поэт **Пумпур Андрей Индрикович**. Являлся ярким представителем «народного романтизма». Автор классического произведения латышской литературы — эпоса «Лачплесис». Издал сборники стихов «На родине и на чужбине», «От Даугавы до Дуная».

23 сентября — 120 лет назад в Жижкове родился **Ярослав Сейферт** — чешский писатель и журналист, лауреат Нобелевской премии по литературе 1984 года. Являлся лидером чешского авангарда. Наиболее известные произведения автора — «Почтовый голубь», «Восемь дней», «Веер Божены Немцовой», «Каменный мост».

24 сентября — 125 лет назад в городе Сент-Пол родился **Фрэнсис Скотт Кей Фицджеральд**. Американский писатель, крупнейший представитель «потерянного поколения». Придумал термин «эпоха джаза» — период американской истории с момента окончания Первой мировой войны до Великой депрессии 1930-х годов. Наибольшую известность автору принёс роман «Великий Гэтсби».

25 сентября — 140 лет назад в уезде Куайци родился китайский писатель **Лу Синь (Чжоу Шужэнь)**. Оказал большое влияние на развитие литературы, считается основоположником современной китайской литературы. К наиболее известным произведениям относятся: «Записки сумасшедшего», «Подлинная история А-Кью».

27 сентября — 150 лет назад в Нуоро родилась **Грация Деледда** — итальянская писательница, лауреат Нобелевской премии по литературе. Принадлежала к веристской школе. Наиболее известные романы писательницы — «После развода», «Элиас Портолю», «Пепел». В её честь назван кратер Деледда на Венере.

28 сентября — 115 лет назад в Самарканде родился русский советский писатель, драматург и сценарист **Штейн Александр Петрович**. Был корреспондентом и начальником отдела культуры газеты «Красный флот». Наиболее известные пьесы — «Закон чести», «Между ливнями», «Пролог».

30 сентября — 115 лет назад в Эдинбурге родился английский писатель и переводчик **Джон Иннес Макинтош Стюарт** (известный под псевдонимом **Майкл Иннес**). Вёл детективную деятельность, что сказалось на его литературных произведениях. Широкую известность ему принёс детективный роман «Смерть в доме ректора».

1 октября — 230 лет назад в Уфе родился писатель и литературный критик **Аксаков Сергей Тимофеевич**. Работал цензором в Московском цензурном комитете. Основной деятельностью автора были переводы, театральная и литературная критика. Первым серьёзным произведением был очерк «Буря».

4 октября — 205 лет назад в Париже родился **Эжен Потье** — французский революционер, анархист и автор гимна «Интернационал». Писал на социальные темы под влиянием утопического социализма.

80 лет назад в Новом Орлеане родилась американская писательница и сценарист **Энн Райс (Говард Аллен О'Брайен)**. Известность писательнице принёс роман

«Интервью с вампиром», по которому был снят одноимённый кинофильм.

6 октября — 140 лет назад в Носовке родился **Кочерга Иван Антонович** — украинский драматург, лауреат Сталинской премии и Заслуженный деятель искусств УССР. Известные произведения: «Часовщик и курица», «Чаша», «Имя», «Ярослав Мудрый».

8 октября — 90 лет назад в Москве родился **Семёнов Юлиан Семёнович** — русский советский писатель, сценарист, прозаик и поэт. Заслуженный деятель искусств РСФСР, основатель журнала «Детектив и политика» и газеты «Совершенно секретно». Был одним из пионеров жанра «журналистские расследования». Написал ряд произведений, обличающих сталинизм: «Репортёр», «Тайна Кутузовского проспекта», «Ненаписанные романы», Процесс-38».

9 октября — 85 лет назад в Варшаве родилась **Осецкая Агнешка** — польская поэтесса и автор стихов к многочисленным песням, которые стали классикой польской музыки. Наиболее известные произведения — «Баллада о танкистах», «Быть дамой», «Влюблённые с Каменной улицы».

10 октября — 115 лет назад в Мадрасе родился **Нарайан Разипурам Кришна-свами** — индийский писатель; считается одним из самых выдающихся индийских англоязычных писателей XX века. Известен благодаря своим произведениям о вымышленном южноиндийском городе Мальгуди («Савим и его друзья»). Основной темой его творчества стали социальные проблемы индийского общества.

12 октября — 185 лет назад в Екатеринодаре (Краснодар) родился **Аверкиев Дмитрий Васильевич** — драматург, беллетрист,

критик и переводчик. Наибольшим успехом пользовалась его пьеса «Фрол Скобеев». Получил половинную пушкинскую премию за теоретическую работу «О драме».

15 октября — 105 лет назад в селе Балта родился ингушский народный поэт, член Союза писателей СССР **Яндиев Джемалдин Хамурзаевич**. Считался одним из самых талантливых ингушских поэтов, при жизни был признан классиком ингушской литературы. Автор более 20 поэтических сборников, в которые вошли произведения «Горская песня», «Лавина», «Утренние мысли», «Сердце матери».

18 октября — 280 лет назад в Амьене родился французский политик, военачальник и писатель **Пьер Амбруаз Франсуа Шодерло де Лакло**. Посмертную известность автору принёс роман «Опасные связи», написанный с применением эпистолярного стиля.

19 октября — 75 лет назад в Норидже родился **Филип Пулман** — английский писатель, известный своей трилогией «Тёмные начала» и тетралогией «Таинственные расследования Салли Локхарт». Является приверженцем Британской гуманистической ассоциации и почётным членом Национального секулярного общества.

30 октября — 215 лет назад в Саратове родился русский литературный критик, поэт и общественный деятель **Шевырёв Степан Петрович**. Был ведущим критиком журнала «Московский наблюдатель», где опубликовал свою нашумевшую статью «Словесность и торговля», обличающую «торговое направление в литературе». В стихах являлся приверженцем романтизма и ратовал за поэзию мысли.

События

1 сентября — День знаний. Государственный праздник, начало нового учебного года.

8 сентября — Международный день распространения грамотности, отмечается по решению ЮНЕСКО.

9 сентября — 135 лет назад (1886) в столице Швейцарии Берне была подписана Конвенция об охране литературных и художественных произведений — первое международное соглашение в области авторского права.

14 сентября — 280 лет назад (1741) немецкий композитор Г. Гендель завершил работу над ораторией «Мессия».

18 сентября — 135 лет назад (1886) французский поэт Жан Мореас опубликовал в газете «Фигаро» статью, ставшую манифестом литераторов-символистов.

5 октября — 100 лет назад (1921) был основан Международный ПЕН-клуб.

Также в этот день отмечается Всемирный день учителя.

7 октября — 100 лет назад (1921) было написано стихотворение «Голод» Велимира Хлебникова.

9 октября — Всероссийский день чтения. Отмечается с 2007 года.

Также в этот день 30 лет назад (1991) была учреждена Букеровская премия за лучший роман на русском языке.

14 октября — 95 лет назад (1926) в Лондоне была выпущена книга «Винни-Пух» Алана Милана.

15 октября — 20 лет назад (2001) открыт первый «Форум молодых писателей России» в подмосковных Липках.

25 октября — Международный день школьных библиотек. Учреждён в 1999 году по инициативе ЮНЕСКО.

Конкурсы

IV Международный конкурс литературной фантастики «Кубок Брэдли — 2021»

Актуально до **1 сентября**

Могут участвовать все желающие от 16 лет.

Принимаются сюжетные фантастические рассказы в жанрах: научная фантастика, социальная фантастика, фэнтези, мистика/хоррор.

Обладатель Гран-при выиграет профессиональный контракт на выпуск авторской книги с продвижением в книжной сети. Победители по номинациям — сертификат на услуги издательства номиналом 20 000 рублей

Подробности: ficwriter.info/konkursy-i-turniry/28-konkursy/anonsy/8421-bradburys-cup-2021.html

Десятый (юбилейный) международный конкурс «Open Eurasia — 2021»

Актуально до **5 сентября**

Могут участвовать все желающие.

На конкурс принимаются рассказы в любом жанре по категориям: проза, малая проза, поэзия, публицистика, рецензия, литературный перевод и иллюстрация.

От одного конкурsanта принимается одна работа.

Призовой фонд конкурса составляет 20 000\$.

Подробности: www.awardslondon.com/rules2021

XXVII «Осенний Пролёт Фантазии 2021»

Актуально до **20 сентября**

Могут участвовать все желающие. В рамках конкурса принимаются произведения в жанре фэнтези, размером от 7000 до 40 000 знаков без учёта пробелов.

Главный приз — 100 долларов США и именной памятный знак с символикой конкурса.

Подробности: fancon.ru

Конкурс детского творчества «Зажги свою звезду!»

Актуально до **30 сентября**

Могут участвовать все желающие от 6 до 15 лет.

К участию в конкурсе принимаются работы в категории прозы, поэзии, рисунков, фотографии.

По итогам конкурса будет издан прекрасный качественный сборник детских работ с конкурсными рисунками и фотографиями (твёрдый переплёт, цветной блок).

Подробности: msrp.ru.com/articles/719-konkurs-detskogo-tvorchestva-zazhgi-svoyu-zvezdu.html

II Международный литературный онлайн-конкурс

«Читаем. Понимаем. Переводим Р. М. Рильке»

Актуально до **1 октября**

Могут участвовать все желающие.

Конкурс проводится в трёх номинациях: чтение, понимание, переводы.

По итогам конкурса определяются победители в каждой номинации.

Победители будут награждены дипломами и ценными подарками.

Подробности: vk.com/concursrilke

Пятый литературный конкурс им. И. И. Савина для учащихся средних и высших учебных заведений

Актуально до **15 октября**

Могут участвовать все желающие, учащиеся в средних и высших учебных заведениях.

Работы могут быть написаны как в прозаической, так и в стихотворной форме. Допускаются различные жанры.

Избранные произведения будут опубликованы в журнале «Голос Эпохи» и на сайтах — партнёрах конкурса.

Подробности: golos.ruspole.info/node/13620

Конкурс «Когда мама и папа были маленькими»

Актуально до **27 октября**

Могут участвовать все желающие.

К участию в конкурсе принимаются короткие рассказы собственного сочинения, объёмом не более 16 000 знаков.

К рассказу могут быть приложены фотографии (не более трёх) в формате jpg или png и/или иллюстрации (не более трёх) в формате jpg или png.

Лучшие рассказы, отобранные компетентным жюри, будут включены в сборник «Когда мама и папа были маленькими», и все участники сборника получают по одному авторскому экземпляру.

Подробности: www.plahu.fi/wp/ru/когда-мама-и-папа-были-маленькими-ме



«Крах любой нации начинается с того, что забывают историю»

Интервью с Виктором Королевым

Прошлое — это головоломка со множеством неизвестных. Мы можем льстить себе мыслью, что узнали тайны, погребённые под ворохом столетий. Можем думать, будто разобрались в менталитете предков, составили правильный событийный ряд, анализируя их жизни, и даже разгадали причины тех или иных знаковых поступков. Но так ли это? Сколько обмана, недомолвок, искажений в современных учебниках?

Поговорить об этом корреспондент пресс-службы издательства «Союз писателей» решила с Виктором Владимировичем Королевым, автором книг «Пушкин и Аракчеев», «К Элизе, “бессмертной возлюбленной”», «Генерал Милорадович», «По следам Пушкина», «Донна Соль и все её мужья», «Шляпа камер-юнкера», «Жизнь и удивительные приключения Арчибальда Керра, английского дипломата», «Шкатулка, полная историй о героях» и других.

— Виктор Владимирович, почему современникам важно изучать историю? Какая от неё практическая польза?

— А какая польза от философии? От Венеры Милосской? От музыки? Всё чаще слышу: «Что ему подарить — носить, есть или любоваться? Нет, лучше деньгами!» С историей так прагматично не получится. Хотя бы потому, что она — часть культуры. Вот вам ситуация. На турецком пляже семейка из бывшей союзной республики кидает



друг в друга сланцами, все пятеро счастливы донельзя. До матерных слов, естественно, по-русски. Жена мне говорит с грустью: «Крах нации начинается с падения культуры». Это очень правильно. Забыли наши вчерашние братья историю. Крах любой нации начинается с того, что люди забывают историю, а она — часть культуры.

В человеческой жизни три составляющие: Прошлое, Настоящее и Будущее. Любой скажет, что история — это Прошлое.

Но ведь Настоящее, оно только сейчас Настоящее, а секунда прошла — и оно уже Прошлое. Логика простая: необходимо сегодня сберечь Прошлое, потому что без него нет Будущего. Сатирик Михаил Задорнов как-то сказал: «Россия — великая страна с непредсказуемым прошлым». Но ведь всё от нас зависит, правда же?

— **Нередко можно услышать выражение «История — это сказки для взрослых». Как Вы относитесь к данному утверждению? Правдиво ли оно? Поясните свою точку зрения.**

— «Для взрослых», потому что там везде возрастной ценз? Странно. Мне не попадалось такое выражение. Согласен, нет у нас таких рассказов и повестей про войну (да и не только про войну), которые были бы интересны ребятишкам, даже самого младшего возраста. Наверное, это и к лучшему: война — это ужас, грязь, кровь. Но героизм, он не только на войне. Можно писать о доблести русского человека, о его бесстрашии и преданности Родине, о том, как перебороть страх в экстремальной ситуации. Сказки о битвах волшебников за престол вряд ли этому научат.

— **Из Вашего ответа сам собой напрашивается вопрос: как преподавать историю детям в школах, чтобы она им была интересна, ведь едва ли учителя по профильным дисциплинам будут читать им рассказы вместо учебников? Предложите свою идею, как пробудить любопытство малышей и подростков, чтобы они по собственному желанию, а не по принуждению, посмотрели не только в будущее, но и в прошлое.**

— Почему-то раньше вообще не возникало вопроса, «как преподавать детям, чтобы им было интересно». Детям всё интересно. Особенно то, что можно потрогать руками, в чём можно поучаствовать. Интерактивное, как и сами дети. Специально обученные методисты помогали учителям, подсказывали, какие игры будут интересны в таких-то классах по таким-то предметам. И сам учитель был уважаемым чело-

веком. Сейчас уже и не вспомнят в школе, что такое чтение по ролям, рисунки или сценки по рассказам, костюмированные балы и прочее. И песен детских было больше, и писателей, и мультипликаторов. Никакие денежные дотации этого не заменят. Раз своего нет, значит, дети будут играть в чужие куклы Барби, сходить с ума от японских комиксов и ждать очередной серии инородных фэнтези.

— **Назовите причины, по которым история чаще всего искажается. Как исследователю понять, когда это искажение произошло, и восстановить историческую справедливость?**

— Вы эти причины знаете не хуже меня. И то, что «историю пишут победители», и про снесённые памятники, и про «параллельную историю» и её сказителей-искажителей. Когда это произошло? Да всегда так было. Откройте «Жизнь двенадцати цезарей». Каждый новый правитель считал своим долгом если не всю статую снести, так хоть нос предыдущему императору на ней отбить. Конъюнктура вечна, как мир. Беречь историю, не искажать её — это обязанность как раз больше литераторов, чем политиков.

Очень правильно, что у нас законодательно повысили ответственность (вплоть до уголовной) за унижение чести и достоинства ветеранов. Будем надеяться, что прекратятся дикие пляски у Вечного огня. Иначе скоро начнём друг в друга сланцами кидаться...

— **Есть ли у Вас любимая историческая эпоха, которая привлекает Вас больше всего, как писателя? Почему именно она?**

— Наверняка Вам тоже приходилось слышать: «Как бы я хотела родиться в XIX веке — балы, гардемарины...» Все девушки мнят себя принцессами. Лягушкой никто быть не хочет. Но 90 % из родившихся в XIX веке — это крестьяне. Они и обслуживали кучку богачей. Помните, как Пушкин удивился бедности ямщика? И тот ответил: «Потому мы бедно живём, что вы богато живёте...»

Слава богу, сейчас не так. Всё-таки лучшая эпоха — которая сейчас, и не важно, хорошо в ней или плохо. Хотя никто не спорит, что в XIX веке в России было много интересного. И я о дворянском семействе Киселёвых писал с удовольствием — массу ранее не известного для себя открыл. Как сказал в отзыве один читатель, фактуры в этой книге хватит на несколько романов...

— И всё же, если бы Вы могли выбрать былую эпоху не только, чтобы писать о ней книги, но и родиться там, какую Вы бы предпочли? Кем бы хотели быть в прошлом? С кем свели бы знакомство? Почему именно эти люди Вам интересны? О чём бы Вы их спросили?

— Я и так родился в прошлом, в прошлом веке. Ещё и телевизоров-то не было. Стал журналистом, как и хотел. И за свои пятьдесят лет трудового стажа общался с тысячами людей, писал о них в газеты. Спрашивал, как они живут, о чём мечтают. И не было ничего интереснее их судеб, их историй. объездил всю страну, от Калининграда до Комсомольска-на-Амуре, жил в десятках городов и честно скажу: люди интересовались прошлым ничуть не меньше, чем светлым будущим. Была у всех какая-то гордость, что это они сами пишут историю, оставляя в наследство детям любовь и уважение к тому, что создано предыдущими поколениями. И лучшим подарком тогда считалась книга. Это была прекрасная эпоха!

— По какому принципу Вы отбирали героев и события для своего сборника «Шкатулка, полная историй о героях»?

— «Шкатулка...» вышла три года назад. После этого у меня были опубликованы ещё две книги: «Жизнь и удивительные приключения Арчибальда Керра, английского дипломата» и «Киселёвы: три брата, две сестры. Век XIX». Причём «Жизнь...» вышла в моём переводе и на английском языке, а он, как Вы догадываетесь, не родной для меня.

Дипломат Арчи Керр — человек с фантастически интересной биографией. Начи-



ная с юношеского его романа с нынешней королевой Великобритании и заканчивая подарочным портретом Сталина с надписью «Другу Советского Союза...». Об этом дипломате мало кто знает сегодня. Даже в Англии о нём вышла всего одна книга, и то двадцать лет назад. Свой английский вариант я послал её автору, профессору Шотландского университета. Он высоко оценил книгу, было приятно.

Сейчас верстается мой роман «Самый страшный день войны», посвящённый 80-летию Сталинградской битвы. Этим книгам и было отдано немало сил за три минувших года.

Но если говорить конкретно о «Шкатулке...», то определение «сборник» — очень правильное. Туда попало всё лучшее (на мой взгляд), так что принцип отбора был глубоко эгоистичный: что нравилось автору, то и было под крышечку положено. Наверное, в любую шкатулку люди складывают самое дорогое: письма, локоны, старую брошку и памяти немножко. Разве не так?

— Какое произведение из сборника, на Ваш взгляд, стало самым удачным? Чем оно выделяется?

— Скажу без сомнений и хвастовства: лучшее в «Шкатулке...» — это повесть «Ге-



нерал Милорадович». И даже не потому, что за неё я получил диплом победителя Всероссийского литературного конкурса им. генералиссимуса Суворова. Просто я писал о генерале с явным сочувствием. С симпатией и внутренним возмущением: как можно забыть такого человека?! Единственный полный кавалер всех высших орденов не только Российской империи, но и европейских держав. Лучший ученик Суворова. Кутузов после Бородино обнимал его со словами: «Ты, братец, считай, всю Россию от француза спас!» И такого человека подло, в спину убил на Сенатской площади отставной поручик. Перед казнью четверо декабристов ему руки не подали, но до сих пор в честь этого убийцы улицы названы...

Когда писал повесть, симпатию мою к Милорадовичу мало кто разделял. А позже встретил мнение директора Эрмитажа Михаила Пиотровского: «Это был один из самых ярких людей в истории России XIX столетия».

— Откуда Вы брали фактическую информацию для сборника? Поделитесь своими источниками.

— Это очень простой вопрос. И ответ будет простым. Вот, к примеру, человек строит дом. Что нужно? Просчитать, какой будет фундамент, из чего будут стены, поинтересоваться, сколько стоят необходимые стройматериалы. Начинать их подкупать. Коллекционерам, собирателям любых мастей это знакомо — все начинают одинаково: появляется первый предмет (в нашем случае — интересная информация или личность), тебе хочется узнать, что ещё есть похожее на белом свете, что или кто находится рядом. Опрашиваешь всех знакомых, они с удовольствием тебе помогают. Но на первом месте сегодня, безусловно, — поисковые системы Интернета. В Сети есть всё, надо только уметь заглянуть под корни дерева, где под листвой как раз и прячутся самые лучшие грибы. Важно только отличать их от поганок...

— Проведите допустимую для Вас границу между реальными фактами и художественным вымыслом на страницах книг. Где она проходит в «Шкатулке...»?

— Один мой приятель спросил как-то: «Знаешь ли ты, что Чайковский просил взаймы у императора Александра III?» Да, это известный факт. Но мне было интересно, что он дальше скажет. А приятель дальше взхлёб: «Император денег дал. Но попросил композитора написать оду в честь озера, на котором любил рыбачить. Да такую, чтоб на века. И даже если власть в стране поменялась бы, народ всё равно эту оду слушал бы и слушал...» Стоп, говорю приятелю, не надо выдумывать небылицы про исторических личностей, да ещё с политическим привкусом! Давно известно, что бревно с Лениным на субботнике несли десять тысяч человек — и почти все из них до сих пор живы. Это, говоря современным сленгом, — дешёвый хайп, ничего общего с историей не имеющий. Когда я в вузе преподавал журналистику (ого, почти сорок лет назад!), то всегда пытался предостеречь студентов от погони за сенсацией. От красного словца, от вымысла. Реальная жизнь реальных людей намного интереснее!

Граница между реальными фактами и художественным вымыслом очень чёткая. Историческая литература должна основываться на факте. Иначе это фэнтези, совсем другой жанр. Домысел позволителен лишь тогда, когда автор намекает читателю: «Так, может, и не было, но именно так могло быть. А если кто-то считает, что так не было, пусть докажет...»

В моей «Шкатулке...» есть место, где князь Феликс Юсупов пробирается в родовой дом и, вооружившись стамеской и молотком, прячет бриллианты в стуле. А после выхода книги один читатель меня поправил: «Не было этого и не могло быть! Князь Юсупов никогда не держал в руках молотка и стамески». Прав мой читатель, не учёл я классового менталитета.

— Посоветуйте, что почитать Вашему читателю, которого заинтересуют Ваши произведения из сборника, чтобы полнее раскрыть тему и узнать больше?

— Если честно, не знаю. Сколько людей, столько и мнений. Всю литературу можно разделить на две большие части: одни произведения читаешь ради стиля, словесной музыки, образности. Другие — ради новых знаний. Пусть читатели сами выбирают, кому что интересно. Понравятся мои книги — буду счастлив. Пусть интересуются, ищут. Как говорится, только на пути к счастью начинаешь понимать, что сам путь — это и есть счастье.

— Есть ли ещё «истории о героях», которыми Вы хотели бы поделиться?

— Конечно, есть. Например, русские жёны известных личностей — это же чрезвычайно интересно! Например, Анжелика Балабанова (1878–1965). Ещё в 1900 году, будучи студенткой, она вступила в Итальянскую партию социалистов. Под влиянием Плеханова стала убеждённой сторонницей марксизма. Была лично знакома с Лениным. Одно время работала членом

исполкома и секретарём Коминтерна. За критику была изгнана из секретариата, навсегда покинула Россию и порвала с коммунизмом, который до конца жизни считала «кровавой карикатурой на власть трудящихся». Вошла в историю как «русская жена дуче», хотя связь с Муссолини отрицала.

А русские жёны Маннергейма, Иосифа Броз Тито и других? Про сына Чан Кайши могу сказать пока только одно: от моего дома до озера, где он с будущей женой, токарем Уралмаша Фаиной Вахревой, отмечал день рождения, не больше трёх километров. Они там посадили 24 жёлудя, по числу лет будущего президента Китайской республики. Мы нашли это место, все дубы прижились. Разве это не интересно?

Мой папа был военным журналистом. Писал очерки о неизвестных героях. О майоре Гаврилове, последнем защитнике Брестской крепости. О сержанте Михаиле Калашникове... Папа переписывался с писателем Сергеем Смирновым, который очень много сделал для того, чтобы не было «белых пятен» в истории Великой Отечественной войны. Потом это поколение ушло. Но было приятно, что сын С. С. Смирнова однажды в интервью вспомнил и моего отца, и их переписку. Кстати, Андрей Сергеевич Смирнов — режиссёр прекрасного фильма «Белорусский вокзал», и не только. А у меня выходит книга про первый день Сталинградской битвы. Так что дело наших отцов-фронтовиков теперь мы продолжаем...

— Уверена, читатели, которым нравятся непридуманные истории и полное погружение в прошлое, будут с нетерпением ждать Ваших новых произведений, тем более Вы так увлекательно их анонсировали.

Екатерина Кузнецова, корреспондент пресслужбы издательства «Союз писателей»

Читайте отрывок из книги Виктора Королева на с. 41



Ольга Дингес: первые шаги по стезе писателя

Говорят, современная молодёжь живёт в мире фантазий. Делая такие заявления, взрослые закатывают глаза и тяжело вздыхают. Они-то, умудрённые опытом и не раз обжигавшиеся, точно знают — на грёзах далеко не уедешь. Но так ли это? Что если найти фантазиям, даже самым смелым, практическое применение? Например, написать и опубликовать книгу, на страницах которой сны становятся явью?

Именно так поступила Ольга Дингес на страницах фэнтезийного романа «Сквозь врата реальности». В её истории оборотни и вампиры — это реальность. Но чувства и отношения между персонажами — отражение действительности, а вовсе не авторский вымысел. Вот и получается, что пи-

сательница сумела построить воздушные замки и наполнить каждый их закоулок смыслом, важным для понимания реальных устремлений, целей и желаний молодёжи двадцать первого века.

Чем руководствовалась Ольга, когда работала над своей книгой? Как она относится к современной и классической литературе? Насколько её взгляд типичен для подростков нашей эпохи? Об этом и многом другом спросила у Ольги корреспондент пресс-службы издательства «Союз писателей».

— Ольга, книги в каких жанрах предпочитает современная молодёжь? Как Вы думаете, почему именно их?

— На данный момент я вижу, что мои сверстники увлекаются книгами по психологии, а также фэнтезийными и детективными романами. Я считаю, это связано с современной модой на знания в области психологии и высокой оценкой нестандартного мышления, когда речь идёт о понимании человеческой натуры. Фэнтези же интересно само по себе в плане исследования других миров, а также, как и в случае с психологией, — понимания мира с позиции автора.

— А что насчёт самых любимых тем: какие социальные проблемы стоит иллюстрировать в литературе, рассчитанной на читателя от подросткового возраста до 30 лет? А какие лучше оставить на потом?

— Думаю, в подростковой литературе не стоит затрагивать чрезмерно сложные вопросы, такие как политика, глобальные мировые проблемы или тяготы взрослой жизни. Чаще подростков привлекают книги, описывающие ситуации, похожие на их собственную жизнь, а не на чью-то чужую или абстрактную. А это: отношения со сверстниками и родителями, лучшие моменты молодости, их личные переживания, связанные с пониманием современного мира.

— Назовите авторов, которые Вам наиболее интересны. В чём их привлекательность?

— Моими фаворитами являются Н. Щерба, Дж. К. Роулинг, Дж. Р. Р. Толкин, братья Стругацкие и Ли Бардуго. Книги этих авторов отличает довольно понятный стиль, без лишних научных слов, которые бы только мешали в легко развивающихся сюжетах.

— Что лично Вы думаете о классике? Когда и в каком формате её нужно изучать? Не рано ли делать это в школьные годы? Если уж уроки литературы в школах и вузах всё равно есть, какие книги Вы бы оставили в программе, а какие заменили бы и на что? Аргументируйте свой ответ.

— Моё отношение к классике нельзя назвать исключительно положительным. Как правило, если брать русскую классику, которую изучают в школе, то в ней мало каких-либо приятных моментов. Темы, что отмечаются на уроках литературы, связаны с войной, страданием человеческой души, тяготами бедной жизни и смертью. Такие смыслы отбивают у школьников желание читать и понимать суть произведений, ведь они попросту не видят в них хороших концовок.

Мне кажется, русскую литературу стоит читать, когда человек уже точно представляет, что такое взрослая, самостоятельная жизнь.

Знакомиться с русскими классиками действительно нужно ещё в школе, но начинать, как мне кажется, лучше с более лёгких произведений, в которых тёмные стороны бытия не так сильно выделяются на фоне полноценной жизни.

Семья, друзья, любовь, увлечения — всё это может стать отличным толчком по направлению к цели для подростка, которому кажется, что жизнь стала плохой.

— Как Вы поняли, что хотите стать писателем, и не просто писателем, а публикуемым автором? Было ли это осознанным стремлением или сюжет Вашей книги «Сквозь врата реальности» родился сам по себе?

— Желание стать профессиональным писателем появилось исключительно благодаря моим родителям, друзьям и преподавателю в школе — Дериглазовой Елене Александровне. Они беспрерывно мотивировали и поддерживали меня на протяжении всего написания первой части романа «Сквозь врата реальности». Я начала работу над ним, когда мне было двенадцать лет, и это случилось совершенно спонтанно.

Тогда я пробовала себя в разных сферах деятельности, пытаюсь отыскать то, чем мне нравится заниматься.

Написав пару «сырых» глав, я приостановила это занятие, ведь была ещё недостаточно опытна в построении сюжетов,

а ещё мне не хватало простых знаний в области орфографии.

Итак, продумав весь сюжет за три года и набравшись опыта, я смогла за несколько месяцев написать весь роман. Когда я заканчивала последнюю главу первой части, я осознала, что это именно то дело, которым я хочу заниматься.

— Что для Вас источник вдохновения? Есть ли у Вас какие-то писательские ритуалы?

— Как и у всех творческих людей, вдохновение приходит ко мне только при определённых условиях. На первом месте по степени важности стоит абсолютное спокойствие и отсутствие других людей вокруг в момент работы. Фоном я включаю, как правило, эмоциональную музыку без слов, чтобы настроиться на атмосферу того эпизода, который описываю. Это может быть фортепиано, скрипка, равномерный шум воды или дождя. Неотъемлемым условием для написания главы является ночь. В это время бурная жизнь как бы останавливается, позволяя погрузиться в искусство.

— Ваша книга начинается с войны между вампирами и оборотнями. И те, и другие персонажи пришли к нам из фольклора. Использовали ли Вы канонические характеристики, создавая их? Чем Ваши герои похожи на тех, что можно увидеть в старинных мифах и легендах, и чем отличаются от них?

— Создавая персонажей своей книги, я руководствовалась как старинным, так и современным фольклором, а также личным видением мифических существ. Во многих произведениях вампиры враждуют с оборотнями, и данное, привычное для читателей, противостояние помогает людям легко влиться в сюжет книги. Своё предпочтение я отдала оборотням, показав

их с разных сторон, уделив внимание их физиологии, которую придумывала сама на основе знаний о реальных волках. Вампиры на данный момент не появлялись в романе как отдельные «особи», поэтому пока что сложно сказать о них что-то конкретное.



— Чему читатели, и прежде всего читательницы, могут научиться на примере Вашей героини, если, конечно, отбросить все сверхъестественные «плюшки»?

— Главное, чему можно научиться у героини книги «Сквозь врата реальности» — это стойкость и рассудительность. Равенна очень сильная духом девушка, которая, не смотря на большую ответственность, справляется со всеми преградами и при этом мыслит разумно, руководствуясь чистой логикой и обдумывая каждый свой шаг.

— Можно ли сказать, что на страницах произведения «Сквозь врата реальности» живёт Ольга Дингес? Насколько много Ваших личных чувств, переживаний, эмоций, реального опыта в книге?

— Да, на страницах книги действительно можно заметить некие мои личные переживания и чувства. Например, взаимопонимание между Рэйвен и Кэти основывается на моих отношениях с сестрой. Помимо этого, некоторые черты характеров персонажей были взяты у окружающих меня людей.

— Книга вышла. Её можно купить. О Вас пишут. У Вас берут интервью, Ваше фото — на обложке журнала. Самое время поделиться с другими начинающими авторами Вашим секретом. Как вы преодолели страхи и сомнения, присущие всем начинающим литераторам, и оказались в этой точке Вашего творческого пути?

— Вначале у меня был страх, что моё произведение посчитают несерьёзным и вто-

росортным». Опять же не обошлось без поддержки дорогих мне людей.

Мои друзья максимально мотивировали меня, семья поддерживала идею писательства, а преподаватель помог с уверенностью закончить роман. Уже потом, имея при себе готовую рукопись, я поняла, что все сомнения и страхи растворились и впереди меня ждёт только уверенная дорога в мир писательства.

— Дорога писателя всегда трудная, но и очень интересная. Она проходит по мирам фантазий и устремляется к вершинам успеха. Важно не терять энтузиазм и наслаждаться каждым мигмом этого увлекательного пути.

Екатерина Кузнецова, корреспондент пресслужбы издательства «Союз писателей»

«Дорогу осилит идущий»

Наш мир многогранен и удивителен, наполнен такими разнообразными событиями, что в них сложно не потеряться. И для всего происходящего у человека есть свои мысли и свои рассуждения. Что есть мир и какова наша задача в нём? Может ли один человек повлиять на судьбу всего человечества? Да и в целом, что представляет собой наша реальность? Ответы на эти вопросы можно найти в книгах «Ничего особенного, просто жизнь, просто люди», «Дорогу осилит идущий», «Я проверил на себе» и многих других, автором которых является Дмитрий Долгов.

Пресс-служба издательства «Союз писателей» решила поинтересоваться у Долгова Дмитрия Ивановича, каким он видит наш мир и где находит время для написания своих уникальных произведений.

— Дмитрий, в Вашей биографии сказано, что Вы являетесь внештатным корреспондентом газеты «Эрзянь Мастор». Актуальна ли эта информация?

— Да, конечно, помимо этого я также нахожусь в трудовой деятельности с ООО «Инфо-контент», как специалист по работе с клиентами, и являюсь рецензентом экономического направления Межрегионального гуманитарно-технического университета.

— Вы очень занятая личность, но всё же находите время для занятий не только публичной деятельностью, но и для написания произведений различных жанров. Как Вам это удаётся?

— Если у меня находится свободное время, я обычно посвящаю его творческой деятельности, в основном — это художе-

ственные произведения в прозе, такие как «Долгая дорога к очагу» или повесть «Падали, но поднимались», но встречается и публицистика, например, «Серьёзные люди». Моё жизненное кредо ответит на Ваш вопрос наиболее точно: «Если даден талант, то его нельзя скрывать, иначе можно считать, что его выдали в неумелое пользование».

— Почему Вы выбрали именно писательство, как своё, с Вашего позволения, хобби?

— Мне нравится заниматься писательством и передавать свои мысли и рассуждения широким массам. Не буду скрывать, мои произведения, в большинстве своём, носят своеобразный характер, где я переносил на бумагу то, что меня тревожит, и не только меня, проблемы нашего мира стали моим, если так можно выразиться, вдохновением. Я стараюсь писать так, чтобы в моём творчестве не было ненормативной лексики, призывов к расовым, национальным или любым другим конфликтам. Цель моего творчества — сделать мир лучше, хотя бы немного.

— Очень смелое заявление, и вместе с тем нам интересно узнать, с чего начинался Ваш творческий путь.

— Первый опыт писательства у меня случился, когда мне было шесть лет, я сидел и внезапно решил попробовать что-то написать. Первый мой рассказ был о том, как человек ехал в поезде. Мне понравилось, и я сразу понял, что у меня есть к этому предрасположенность — талант. В дальнейшей жизни я просто развивал свой дар и теперь могу писать в любое время, не ожидая, пока на меня свалится муза.

— Где Вы публикуете свои произведения чаще всего?

— Сложно перечислить все источники, где я публиковался. Это были литературные альманахи: «Спутник», «Литературная

столица». Различные литературные журналы, включая и «Союз писателей». Но, как по мне, наибольшее количество моих произведений можно найти на порталах «Проза.ру» и «fabulae.ru», куда я регулярно выкладываю свои новые повести, романы или стихи. Я не пишу под псевдонимом, поэтому любой интересующийся моим творчеством человек может вписать моё имя в поисковик и найти то, что ему наиболее интересно. В целом, мне нравятся интернет-сервисы, на которых можно выкладывать своё творчество, я с этого начинал и наибольшее количество читателей нашёл там.

— Кроме художественной литературы, Вы пишете что-то ещё, может быть, связанное с Вашей деятельностью, как учёного?

— Так как я кандидат экономических наук, магистр психологии и академик Международной академии социальных технологий, я пишу ещё и много научных и учебных трудов, на данный момент их, мне кажется, около двухсот, помимо этого, я пишу статьи в научные журналы. Уже успел написать и защитить кандидатскую для соискания учёной степени кандидата экономических наук, а также занят написанием докторской диссертации по теме «Управление конкурентоустойчивостью услуг в сфере послепродажного обслуживания на железнодорожном транспорте». Для меня — тема достаточно интересная, и я надеюсь в скорейшем времени закончить диссертацию.

— Как долго Вы занимаетесь преподаванием и почему Вы решили пойти по этой тропе?

— Когда я перешёл на пятый курс Рузевского института машиностроения, это был филиал Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва, я начал тесно общаться со своим директором,



мы часто разговаривали, и он посоветовал мне пойти в преподаватели. Я в тот момент задумался над его советом, но работать в том же месте, где и учился, не хотел, поэтому после окончания института устроился на работу в педагогический институт имени Евсевьева.

— Мы знаем, что Вы волонтер МРОО «Право на жизнь». Как это повлияло на Ваш творческий путь и повлияло ли?

— Безусловно, этот факт из моей жизни оказал влияние на моё творчество, я уделяю много времени вопросам борьбы человечества со своими пороками и страстями, часто освещаю различные мировые проблемы в своих книгах, пытаюсь донести до людей идею той самой борьбы, в надежде, что вместе мы сделаем мир лучше. Также я проводил творческие вечера в «Мордовской республиканской библиотеке для слепых», «Социально-реабилитационном центре для несовершеннолетних “Солнышко”», «Саранской общеобразовательной школе-интернате для детей с нарушениями слуха», «Ялгинском детском доме-школе» и собираюсь проводить такие вечера и в дальнейшем, делая своё творчество доступным для всех и показывая на своём примере и примере своих героев, что каждый может в жизни чего-то достичь.

— Помимо Вашей волонтерской деятельности Вы участвуете в каких-либо клубах или союзах?

— Я член более десяти организаций, среди которых хотелось бы выделить членство в общественном движении «Общероссийский народный фронт», членство в полити-

ческой партии «Единая Россия», членство в Российском союзе писателей и Международном союзе писателей «Новый современник». Помимо этого, я состою в редколлегии научного журнала «Cognitio rerum» и научного журнала «Ceteris paribus». А вот совсем недавно удостоен почётного звания «Заслуженный писатель Республики Мордовия».

— А что насчёт Ваших творческих планов, чем бы Вы хотели поделиться с Вашими читателями?

— Мне бы хотелось написать роман, в котором будет только правда, о нашей жизни, её реалиях, проблемах и борьбе человека со своими пороками. Я считаю, что люди должны видеть все аспекты нашей реальной жизни без украшений и розовых очков. Можно сказать, что правдивый роман — это моя цель в дальнейшем творчестве, и я надеюсь, что он подойдёт не только узкому кругу читателей, но и пойдёт в широкие массы.

Книги Дмитрия Долгова открывают для читателя ширму понимания взаимоотношений между людьми, рассказывают не только о глобальных проблемах, но и таких, о которых люди стесняются говорить. Одиночество, любовь, вера, эмоции, которые скрываются под маской, — автор пытается раскрыть читателям то, насколько всё сложно устроено, и каждая книга автора напоминает откровение человека, который познал мир чуточку больше, чем остальные.

Тамара Брославец, корреспондент
пресс-службы издательства «Союз писателей»





Нашу жизнь украшают простые вещи

Ася Кузьмина — психолог, эксперт в сфере охраны психического здоровья, независимый исследователь процессов эмоциональной регуляции, автор книг и публикаций по вопросам развития детей и родительства. Она расскажет читателям журнала «Союз писателей» о том, как книги могут быть важными помощниками в психотерапии и почему она выбрала для себя формат малой прозы.

— Расскажите немного о себе, своей профессии.

— Я родилась в Кемерово, а мои детство и юность прошли в Новокузнецке. Я училась в Москве в аспирантуре, исследовала проблемы сферы формирования спроса и предложения на образовательные услуги. После получения учёной степени осталась

работать на кафедре вуза. Но параллельно с преподаванием повышала и расширяла свою психологическую квалификацию, открыла частную практику. Вот так, постепенно, столица стала моим вторым родным городом.

Работаю психологом, консультирую, провожу арт-терапевтические сессии, творческие мастерские. Наш внутренний мир по своей структуре сложен. Но есть методики и технологии, помогающие увидеть, услышать, почувствовать это многообразие. Например, арт-терапия. Если рисование воспринимать не как проявление художественного таланта, а как разновидность деятельности воображения, то создаваемый человеком образ является мостом между миром фантазии и реальностью. Рисунок будет включать в себя элементы того

и другого, создавая некий синтез. Поэтому в процессе арт-работы психологу желательно никак не вмешиваться: не комментировать, не уточнять, не объяснять, чтобы не нарушить этот сокровенный процесс общения человека с самим собой.

— То есть к Вам приходят рисовать и познавать себя?

— Необязательно это может быть рисование. Лепка из глины и пластилина, создание масок, рисование мандал, сочинение сказки, работа с фотографиями, проигрывание различных ролей, как в театре, и многое другое. Но, да, мне импонирует изотерапия, она относится к «инсайтовым» техникам. Например, рисуя, человек понимает и открывает для себя — пути, выходы, ресурсы, которые «работают» на разрешение его проблемы. Особенно важна изотерапия в работе с детьми, ведь они практически «говорят» рисунками! И, конечно же, из множества техник арт-терапии я особо выделяю библиотерапию — «лечение словом».

— А что подразумевает под собой «библиотерапия» и действительно ли чтение книг помогает разрешать психологические проблемы?

— Процесс библиотерапии — это не просто «чтение рассказов», а осознанное творческое изучение художественных произведений для того, чтобы понять ситуации, взаимоотношения людей, ощущения, чувства, влечения... или поразмышлять на основе литературных сюжетов и о своём жизненном пути.

Дело в том, что наше восприятие текста уникально. Мир книг — это не только типографские строчки, но и то, что мы представляем, читая. Поэтому в одном и том же абзаце книги каждый из нас «увидит» что-то своё, опираясь на опыт, чувства, особенности жизненного пути. Смысл библиотерапии как раз в этом — найти актуальную (самую подходящую здесь и сейчас) историю для конкретного человека, которая вызывает эмоции и резонирует с его состо-

янием больше всего. Такие сюжеты, пусть и выдуманные, помогают справиться с ситуацией, например, через сопереживание, когда герой сталкивается с похожими проблемами, идентификацию с персонажем при разрешении конфликта или противопоставление своих обстоятельств жизни «книжным».

Ещё один благотворный эффект связан с проговариванием, вербализацией. Под книжной обложкой могут быть полезные метафоры, точные наблюдения героев, глубокомысленные замечания автора. То есть в книгах есть большой потенциал, чтобы помочь понять, как человек себя ощущает, чувствует, действует в разных жизненных ситуациях. И не только понять, но и найти подходящие слова для себя, чтобы выразить свои сложные чувства и спутанные мысли.

Но не каждая книга подходит для библиотерапии. Обычно используются такие жанры, как фантастика, драма, поэзия, биографическая литература. Основная идея состоит в том, чтобы текст книги как можно точнее отражал ситуацию, в которой находится человек.

— Давайте поговорим о творчестве: о чём Вы пишете?

— Основная часть моих изданий — это популяризация психологических знаний. У меня больше ста научных статей и пять брошюр для родителей. Направления моих текстов: процессы воспитания, развития в семье; проблемы и ресурсы семей с особыми детьми; эмоциональное благополучие. Последнее издание отличается тем, что связано с вопросами самореализации, творчеством.

В основном я пишу миниатюры. И это непростой для меня опыт. Умение уловить в малом большое, в случайном — неслучайное, в небольшой вещи — весь мир. Как говорят о мастерстве миниатюры: надо постараться показать «солнце в малой капле воды». И я искренне стараюсь создать «картинку в рамке», изящно выписать

состояние или действие — несколькими очень точными фразами или словами.

— **Ваша профессия влияет на выбор идей о новых публикациях?**

— Это сложно оценить. Но моя профессия очень тесно связана с творчеством. Встречи в кабинете психолога — это не только про тревоги, дисфункции, проблемы, но и поиск ресурсов, открытие новых возможностей и раскрытие красоты своего внутреннего мира. В процессе консультирования я использую материалы мифов и сказок, сновидений, фантазийные образы, метафоры, афоризмы. Я акцентирую внимание на том, что несомненно важен текущий момент (что происходит сейчас). Но важно задуматься и порассуждать о жизни как об уникальном творческом путешествии. О том, что человек в любом возрасте может узнать о себе что-то новое. Например, новые впечатления, события, новые проблемы и новые пути их преодоления, новый опыт... И чем больше мы узнаём о себе, тем интереснее становимся для себя и других. И важно не забывать о том, кто мы сейчас и кем мы были

«в своём путешествии» по разным периодам жизни. И важно принять, что всё это — и тогда и сейчас — «это Я».

— **Почему Вы выбрали для себя малую прозу в формате миниатюр?**

— В таком формате я пишу регулярно, уже много лет. Наверное, со студенчества. Возможно, миниатюры стали неким качественным результатом моих ежедневных письменных практик. Я «отдаю» бумаге свои мысли, чувства, ощущения, чтобы разгрузить свою голову от внутренних процессов. Это, конечно, не напрямую связано с рождением миниатюр, но способствовало овладению навыком увидеть, «схватить» образ. Более глубоко и детально «рассмотреть» какие-то ежедневные события и моменты, осознать ценность пережитого и ценность настоящего. И, конечно, опыт популяризации знаний помог мне лаконично и ёмко излагать свои истории — создавать собственный мир в виде таких вот миниатюр. И я буду рада, если они найдут отклик у читателей.

Интервью подготовила Ольга Чичкова

Читайте произведения Аси Кузьминой на с. 103



Жизнетворчество

Жизнетворчество — это навык, которому можно обучиться и который можно развивать в любом возрасте. Поэтому автор предлагает читателю побывать в психологической мастерской — более полно узнать и раскрыть свой потенциал. В брошюре популяризируется идея о том, что любой человек способен найти подходящий именно для него вариант житнетворчества, самовыражения и образа жизни.

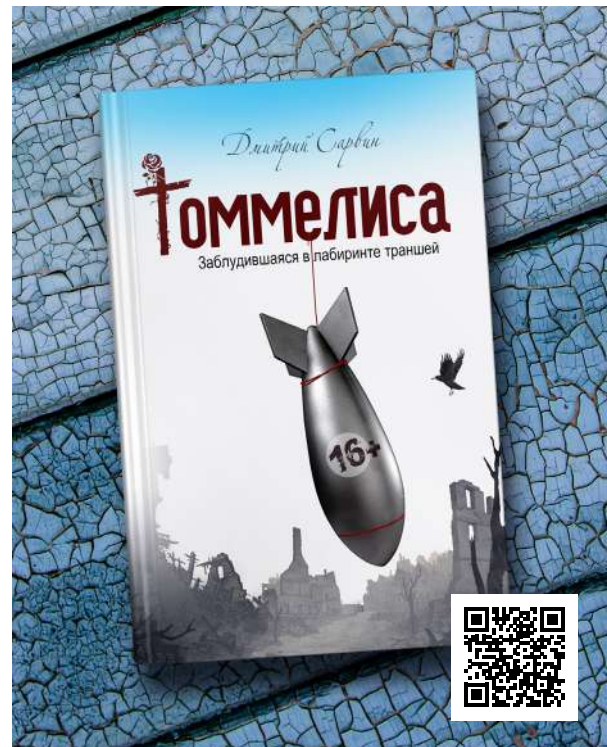
Электронная книга

50 страниц

Военная реальность вне пространства и времени и символ героизма в повести Дмитрия Сарвина

Война. В какой бы исторический период, в какой бы стране или даже в каком бы мире она ни происходила — картина всегда одна. Кровь. Боль. Смерть. Разрушения. «Она бежала мимо подбитых танков, убитых солдат, запинаясь и падая на обгоревшие стебли пшеницы, а по ней, захлёбываясь от злости и ярости, стрелял вражеский пулемёт...» Это распавшиеся семьи. Разбитые судьбы. Торжество пороков. Пробуждение всего самого изменчивого в людях. Но на этом фоне, состоящем из всполохов депрессивного серого и пугающего багряного, ярким, как никогда, пламенем горит надежда, которая рождается в сердцах героев и становится путеводной звездой к победе.

Повесть Дмитрия Сарвина «Томмелиса» — это фантазия и реальность, утопия и антиутопия одновременно. Это книга об ужасах военного времени, которая по своему колориту перекликается с эпохой Первой мировой войны, но имеет множество событийных, идейных и концептуальных расхождений, что позволяет причислить её к жанру фэнтези. Но главное тут вовсе не то, что автор придумал, чтобы сделать своё произведение более эффектным и ярким. Наибольшее значение имеет то, что он заимствовал из настоящей истории человечества. А это, прежде всего, драма, пережитая каждым отдельным героем, как и многими обывателями, попавшими в историческую мясорубку, в действительности. Она-то и легла в основу повести, окрасила сухое перечисление неких фактов, ставших отражением давно минув-



шей реальности в фантасмагорическом зеркале авторского воображения, в насыщенные оттенки неподдельных эмоций и переживаний, в конечном итоге определяющих людские поступки, как хорошие, так и плохие.

Неожиданным бонусом книги является выраженный антиутопический компонент, подразумевающий размышление над социальными аспектами бытия и расставляющий акценты в фантазиях, утопически-романтических рассуждениях, воспоминаниях, модифицированных под формат художественной литературы. Дмитрий Сарвин разделяет мир на страницах на два. Это условно верхний и нижний миры. Он рисует устройство

каждого из них, создаёт для обоих уникальную идеологию и нерушимый свод правил, а потом предлагает им по пути к спасению. Читателю предстоит понять, какой из них более правильный, а затем вместе с главной героиней принять важное решение, что определит судьбу.

«Томмелиса» — это история обычного ребёнка, которому не повезло родиться накануне кровавых событий. Это рассказ об участии девочки, вырванной из лона семьи и оставленной в огромном жестоком, не знающем сострадания мире. Это повествование о девушке, которая нашла в себе мужество выжить и бросить вызов Злу. О той, что попыталась отстоять свою правду и, невзирая на бесконечные

ужасы, окружавшие её, на все потери, неизбыточные горе и осознание людских недостатков, вступила в неравную борьбу против врага, чей масштаб куда больше, нежели человек с автоматом в руках напротив. Она выступила защитницей самой человечности, подразумевающей, что такие понятия, как взаимная привязанность, любовь, дружба, взаимопомощь, ещё не канули в Лету. И стала символом множества безымянных мужчин и женщин, что дрались и гибли на полях сражений по всему миру со времён появления на Земле разумной жизни.

Екатерина Кузнецова, корреспондент пресслужбы издательства «Союз писателей»

История, о которой можно говорить вечно

Такие разные истории, но все повествуют об одном — о жизни, её проблемах, трудностях, свершениях и личных победах. Книга, которой есть что рассказать, чему поучить и предоставить темы для размышлений. Именно такой хотел увидеть её автор Михаил Гительман, не просто проза, которая забудется со временем, а яркая, красочная и сочная история, расписанная в небольших рассказах и зарисовках.

«Такая старая, как ты» — название, что бросается в глаза своей неоднозначностью и экспрессивностью. Слова, которые можно трактовать по-разному, но именно они отражают всю суть повествования.

Начало встретит читателя традициями библейского народа — евреев, которые лаконично и органично вплетаются в сюжеты рассказов и воспоминаний автора. Его размышления и думы, которые он пронёс через всю жизнь. Михаил Гительман расскажет не столь о себе, сколь о своём окру-

жении, с теплом вспоминая свою семью и знакомых, которые повстречались ему на жизненном пути в солнечной и жаркой стране Израиль. Но здесь описываются не только радостные моменты из жизни, несколько зарисовок посвящены тяготам войны и тяжёлой работе медицинских работников. Очень тонко и душевно автор описывает этот временной отрезок, и кажется, что он ещё надолго застрянет в памяти, вставая перед глазами длинными больничными коридорами с неестественно ярким белым светом.

Второй блок книги встречает читателя рассуждением-воспоминанием о детстве и взрослении в приморском городе Одессе, где Михаил провёл свою молодость. Он описывает это время с юмором, большинство зарисовок рассказывают про одесский быт, уютные дворики, где даже чужие люди становились семьёй. Минорные нотки грусти по прошедшему времени

проскальзывают сквозь рассказы, принося с собой вечернюю ностальгию и лёгкую улыбку на губах.

Михаил Гительман является руководителем брачного агентства, и свой многолетний опыт знакомства с различными людьми он перенёс в третий блок книги, где собрал всевозможных персонажей своей личной истории, которые запомнились ему больше всего. Ненавязчивые рассуждения, скользящие от истории к истории, непринуждённо подтолкнут читателя к мысли о том, что семья — одна из главных ценностей в жизни каждого и её стоит беречь, пускай и не всё в жизни может пойти гладко. Расставания и любовные неудачи — это не повод сдаваться и ставить крест на своих мечтах о взаимной любви, она придёт, может, не сразу, но ей ничего не помешает ворваться в жизнь, словно ураган, сметая всю боль на своём пути, уступая место новым чувствам, переживаниям и светлой радости.

Отдельное место в книге занимает глава «Рецензии и пародии», в которых автор высказывает своё мнение по поводу наиболее интересных для него фильмов и книг. Его рецензии вышли добрыми, интересными и увлекательными, с лёгким юмором, который никого не обижает, наоборот, подчёркивает достоинства каждого творения и привлекает к просмотру или прочтению.

И куда же без старых добрых пародий, которые поднимут настроение всем любителям жанра! Зарисовки, что не оставят равнодушными, но в себе они несут не только смех, но и глубокие мысли о ве-



щах, которые встречаются в нашем мире и в современности. К слову, автор не обошёл стороной и карантинные ограничения, высмеивая саму ситуацию в интересном формате, показывая читателям своё видение того, что будет через несколько лет с человечеством и кто станет настоящим спасителем мира.

Книгу нельзя назвать однозначной, но это её достоинство, в ней каждый читатель сможет найти что-то своё, а после надолго задуматься о своей собственной прожитой жизни.

**Тамара Брославец, корреспондент
пресс-службы издательства «Союз писателей»**



Прощение в жизни Владимира Черноморского

Только ли в его жизни? К каждому человеку однажды приходит момент, когда необходимо прощать и быть прощённым, чтобы мочь жить дальше или... да — умереть, но так, чтобы

*В последний раз себя коря,
увидеть можно удивлённо
на добром сердце октября
сутулый лист большого клёна.*

Это концовка программно, одноимённого с книгой Владимира Черноморского стихотворения «Прощение». А сама книга — результат многолетнего жизненного и творческого поиска автора. Он, человек интереснейшей судьбы, известный последние десятилетия в США русскоязычный журналист, побывавший в десятках стран, знакомый с многими выдающимися деятелями современности, на сей раз рассказывает о глубоко личном, самом сокровенном, что только в стихах и можно выразить.

Владимир Черноморский — имя в поэзии вроде новое... Но, если разобраться, — совсем старое: из полузабытой «оттепели» 60-х прошлого века, когда он, совсем мальчишка, выступал с маститыми литераторами на популярных тогда вечерах поэзии и изредка имел возможность что-то опубликовать во второстепенных изданиях. А после он напомнил о себе как о поэте в перестроечном 1990 году, когда была издана победившая в творческом конкурсе его книжка «Фотосинтез». Но практически все годы он писал стихи только «в стол», поскольку для советской идеологии был лишним, да и вредным именно в жанре осмысления души и её взаимодействия с окружающим миром.



*Ты хочешь правде заглянуть в лицо?
Тебе слепцы подарят щит Персея.
На том лице всё то, что ты посеял,
Растёт, как волосы на лицах мертвецов.*

Советская власть в лицо правде старалась не заглядывать, В. Черноморский признаёт, что и сам предпочёл хождению «босиком» по толстым журналам сытое по тому времени бытие.

*Я служу на полставки у правды
и ещё на полставки — у лжи.
Содержание платят исправно,
чтоб вполсилы меня ублажить...*

Крайний Север, где В. Черноморский в молодости жил и работал в качестве военного инженера, хотя и наградил его путеводной к правильным людям и отношениям Полярной звездой, но также испортил

«большим рублём». И это было его болью, которая отражена здесь:

*Стаи сытых гусей,
приумножив потомство,
тянут меридиан.
Он гудит как струна.
И несёт Енисей
тяжело и жестоко
ширь воды в океан...
где замёрзнет она.*

Речь вроде о природе, не так ли?.. Но такова особенность метафоричности автора, когда свои мысли и чувства, свою философию он передаёт описанием явлений природы. Стихи Владимира Черноморского вообще метафоричны, насыщены образами, которыми подчас он будто бы играет, а в результате получается нечто глубокое, как в таких строках:

*Так вот жил и грешил.
А кто должен простить?
Вот, кого мне молить, —
и сейчас я не знаю (ей-Б-гу)...
Но бывает, что страх
проберёт до продрога кости,
и бегу от него, как медведь от мороза, —
в берлогу.*

Столь же метафоричен и глубок автор в любовной лирике:

*Органы рук твоих с регистрами артерий
как слышу я горящими щеками,
грудь твоей торжественность я пью.
И каждый вздох, исторгнутый тобой,
вольётся в парус моего восторга.
И я шепчу:
любимая моя!*

А что самое главное: во всех отобранных в эту книгу произведениях Владимир Черноморский предельно откровенен. Но как может быть иначе, если речь идёт о... Прощении.

В сборнике чуть более 60 стихотворений и две небольшие поэмы — всё, за что, как Владимир Черноморский говорит, «ему не стыдно», и всё скомпоновано так, что читатель сможет увидеть и понять душу автора. Это — единый рассказ о том, как он жил и любил и как он эту жизнь понимает. Но нет в нём самолюбования — только правда, которой ему теперь пришлось «посмотреть в лицо» и больше ужаснуться, нежели возликовать.

Остаётся только добавить, что автор обладает отменным арсеналом современной поэтической техники, позволившим ему донести до читателя своё восприятие мира, со всем его драматизмом и комичностью, любовью и ненавистью, и... равнодушием. Истинных любителей поэзии книга «Прощение» не может оставить равнодушными. Это очень серьёзная работа зрелого мастера.

Александр Фитц, писатель, журналист, Мюнхен (Германия)



Сказочная страна писательницы Натальи Шараповой

В современном мире бытует мнение, что детская литература интересна только детям и поэтому многие писатели отдают предпочтение лишь серьёзным художественным произведениям, забывая, что даже взрослым нужны добрые и светлые сказки.

Наталья Шарапова стала тем автором, который не боится показать сказочную страну всему миру, доказывая, что даже книжки для детей могут быть увлекательными и интересными широкой аудитории. «Сказочная страна Шарапуния» — это уникальная смесь фольклора, поэзии и приключений, и в них принимают участие любопытные и смелые дети, которым не страшны никакие опасности.

Каждая отдельная история рассказывает читателю об увлекательных событиях, происходящих в необычной сказочной стране Шарапунии, где обычные люди живут вместе со сказочными пер-

сонажами. На страницах книги читателю встретится добрая Баба-яга, любопытный Змей Горыныч, обворожительная Зубная Фея, которая помогает всем детям, и многие другие персонажи сказочного мира, что найдут отклик в сердцах читателей.

*Исполнились капризы,
Сменились адреса...
Жить скучно без сюрпризов,
Без веры в чудеса.*

Озорники друзья Макарка и Тимоша принесут читателю отличное настроение и действительно подарят веру в чудеса. Они повстречают верных друзей и соратников, помогут злым персонажам стать добрее и докажут, что для настоящих подвигов возраст не важен, главное — вера в свои силы и смелость перед лицом любых трудностей.

Книга Натальи Шараповой позволит окунуться с головой в удивительный мир, где добрые колдуньи помогают девочкам стать настоящими принцессами, а сказочный филин рассказывает истории, услышанные от волшебника.

Каждая небольшая сказка имеет в себе не только увлекательную задумку, но и мораль, которая аккуратно вплетается между строк, показывая детям и взрослым, что такое хорошо, а что — плохо. В книге читателей ждут познавательные и полезные истории, в которых рассказывается обо всём на свете.

«Сказочная страна Шарапуния» — это целый сказочный мир, в котором дети найдут для себя то, что ищут и о чём мечтают. Серьёзные сказки будут чередоваться с лёгкими и развлекательными, которые



скрасят любой вечер и подарят отличное настроение.

Помимо чудесных сказок в книге есть красочные и красивые иллюстрации, которые позволяют представить героев во всей красе. Художник Алиса Дьяченко передала чарующие сюжеты невероятно точно, погружая читателей в атмосферу чудес.

*Встреча важная в судьбе,
Видно, неслучайно...
Быть волшебником тебе!
Только это — тайна!*

В мире Шарапунии каждый читатель может стать добрым волшебником, побе-

ждающим зло. А сама Наталья Шарапова в роли хозяйки сказочного царства поделится чудесами и поможет даже самым маленьким читателям открыть в себе удивительные способности.

Детская литература очень сложна в написании, так как автору необходимо создать интригующий и в то же время простой сюжет, который будет понятен для любого читателя. Можно смело заявить, что «Сказочная страна Шарапуния» — это достойный представитель в разделе книг для детей, который никого не оставит равнодушным.

**Тамара Брославец, корреспондент
пресс-службы издательства «Союз писателей»**

Любимая сказка от Василисы Кошкиной

Среди всего разнообразия книг иногда читателям хочется отбросить сложные и серьёзные произведения, отдавая приоритет лёгким и весёлым. Такие книги приносят хорошее настроение, помогают расслабиться и дарят маленькую сказку. Читатели переносятся в другие миры, или эти миры появляются в нашей современности. Персонажи оживают на страницах книг, чтобы передать нам свои увлекательные истории.

Так случилось и в книге «Няня для Кошечки» от писательницы Василисы Кошкиной. Маленькая любопытная девочка Василиса очень хотела попасть в сказку. Она любила читать и искать чудеса. Но со временем девочка перечитала все книги, сказки закончились. Однако персонажи всеми любимых сказок всегда были рядом.

Одним утром сонная Василиса открыла дверь незнакомцу, которым оказался сам Кошечка Бессмертный. И девочка — настоя-

щая внучка Василисы Премудрой, не побоялась Кошечки. Она решила изменить злого и беспощадного персонажа, окружив его заботой и теплом.

Тонкий, ненавязчивый юмор, понятный и детям, и взрослым, делает книгу увлекательной и весёлой. Автор умело смогла обыграть и переплести удобства современного мира с миром сказочным. Любимые персонажи сказок сидят в социальных сетях, бегают в супермаркет за продуктами и пользуются всеми преимуществами Интернета.

Василиса Кошкина в своей книге смогла показать на примере героев, что реальный мир намного интереснее виртуального, стоит всего лишь добавить чуточку фантазии. Помимо этого, книга учит добру и хорошим манерам.

Героиня Василиса покажет читателю, что благодаря заботе можно изменить челове-

ка к лучшему. А в этом ей помогут верные друзья: домовой Кузьмич, мышка Норушка и Петя Ванечкин. Весёлой компанией они пройдут через забавные приключения, в которых Кощею придётся узнать много чего интересного и нового.

Увлекательный сюжет, в котором автор раскрывает Кощею как типичного жителя современности, поможет родителям показать своим детям, что нельзя всё время пропадать в компьютере. Книга станет настоящей помощницей, рассказывая о здоровом образе жизни и о том, как он может повлиять на будущее.

Кощей преобразился до неузнаваемости: мыл за собой посуду, полюбил овсянку, носил «гавайку» и, самое невероятное, — играл с детьми во дворе в жмурки. Он перестал быть одиноким, нашёл новых друзей и стал Васей Кошеевым, который принёс свои новые знания в Сказочную страну. А там его уже ждёт Баба-яга с последними новостями.

Заключительная часть книги встретит читателя небольшим рассказом, в котором Василиса уже выросла и вышла замуж за друга детства Петю. Но даже возраст не помешал ей любить сказки. Она про-



должает дружить с Кошеем и Бабой-ягой, помнит, где находится Сказочная страна, и узнаёт сказочные новости от мышки Норушки.

«Няня для Кощея» — это современная сказка, которую можно перечитывать много-много раз, находя в ней всё новые увлекательные детали. Она пропитана духом чудес и веселья, немного наивная, но бесконечно добрая.

Тамара Брославец, корреспондент пресс-службы издательства «Союз писателей»



Игорь Щепёткин Под куполом Римана

Эта книга — ниточка между поколениями. Между миром за окном и тем, что был реальностью ещё несколько десятилетий назад. На страницах оживают картины прошлого, радуются и грустят герои. Они могут стать читателю родными, ведь в них запечатлены знакомые с детства образы. Их истории разворачиваются на фоне живописной природы, среди невысоких домиков на берегу Оби, там, где кронами шумят деревья, переговариваются травинки, склоняясь друг к другу под дуновением ветерка, поют птицы...

«Самозанятый ребёнок», или Зачем откладывать жизнь на старость?

«Если делаешь, делаешь, делаешь, то просто не может не получиться». Логично? Тогда почему до сих пор существует много людей, которые не построили карьеру и даже не определились, чем хотят заниматься, «когда вырастут»? Ответ лежит на поверхности. Им мешают страхи, отсутствие доступной информации о многочисленных возможностях и, главное, недостаток упорства. Антон Кайзер, автор книги «Самозанятый ребёнок», доказал на практике — если очень захотеть, можно любую мечту превратить в жизнь. Неважно, сколько лет мечтателю, где он живёт, чем увлекается, для чего ему нужны деньги. Всё может стать плюсом и принести плоды.

На страницах своего дебютного произведения семнадцатилетний писатель рассказывает о своём пути к успеху. Да, именно к успеху. Ведь, ещё не окончив школу, он сумел создать собственный бизнес и научился зарабатывать на том, что знает, любит и умеет. Сегодня веб-студия Антона Кайзера выполняет сложные задания по разработке сайтов и имеет клиентов во всех уголках страны. НО! Был ли его путь простым? Встречал ли он неудачи? Проигрывал ли, делая ошибочные ставки? Конечно! «Ощущение, что всё против меня. Вся планета настроена так, чтобы я не зарабатывал, а просто учился в школе и никуда не лез. Кого винить? Не знаю...»

Несмотря на мимолётные сомнения, Антон ни разу не опустил руки и шёл к своей цели. Он хотел стать человеком, кото-

рый занимается настоящим делом и получает за это реальные деньги, а не тем, кто до сорока лет сидит на шее у родителей. Попытка. Ещё одна. Ещё. И снова... Как там говорилось в народной мудрости? Упорство и труд всё перетрут!

«Самозанятый ребёнок» — книга, которая будет полезна подросткам, если они всерьёз задумываются о том, что им делать уже сейчас, а не когда-то в далёком будущем, когда

у них появятся морщины, кредиты и прочие прелести. Её необходимо читать родителям амбициозных ребят, чтобы направить их на верный путь, дать грамотный совет в спорной ситуации и предостеречь от неизбежной встречи с мошенниками. А их, к сожалению, в современном Интернете очень много. Их действия трудно предугадать и даже просто заметить.

Итак, какие предложения нужно рассматривать, а от каких следует отказываться сразу? Кому до-

верять, а от кого держаться подальше? Как строить общение с потенциальными клиентами? Что можно предложить, чтобы это было актуально, востребовано и приносило доход? Когда лучше изменить свои планы, а когда надо лишь подождать, чтобы всё получилось? На эти и многие другие вопросы честно и прямо отвечает Антон Кайзер — один из первых подростков в России, который стал самозанятым в 2019 году.

Екатерина Кузнецова, корреспондент пресслужбы издательства «Союз писателей»



Стилистические доминанты прозы Art Dalyna

(на примере фэнтези-сериала
«Внутренняя Звезда Земли»)

Как известно, основной функцией художественного стиля является эстетическая. Выстраивая систему образов, отбирая языковые средства, эмоционально насыщая текст, писатель воздействует на воображение, чувства читателя, старается вызвать у него эстетическое наслаждение.

В произведении художественная индивидуальность и особенности мировидения писателя проявляются через отношение к отбору средств. При этом важную роль в произведении играют стилистические доминанты — намеренно выдвигаемые автором на первый план читательского восприятия совокупности средств.

Художественный мир современной писательницы Art Dalyna поражает с первой страницы. Фэнтези-сериал «Внутренняя Звезда Земли» написан с глубиной и страстью. Читателя почти сразу затягивает омут безумия, смешение чувств, калейдоскоп мыслей, складывающихся в извитые переходы внеземных пространств, оторванных от реальности.

Одной из основных доминант идиостиля писательницы Art Dalyna является насыщение текста прецедентными феноменами, которые образуют своего рода систему, включающую прецедентные имена, прецедентные тексты, аллюзии. Эта система обеспечивает связность и цельность произведения, усиливает эстетическую значимость. В произведении мы находим узнаваемые имена Зевс, Будда, Русалочка, Дэвид Линч и др., а также места Нибиру, Марвел, Твин Пикс. Яркие аллюзии, связанные с широко

известными высказываниями, легко воспринимаются читателями и помогают автору ярко представить важные детали, образно охарактеризовать соответствующую ситуацию и её активных субъектов. Например, фраза *И это была Наташа — спасенье наше* вызывает прочные связи с высказыванием «Маша — радость наша»; а выразительность предложения *Затем она сквозь пространство и пробки во времени помчалась...* объясняется трансформацией расхожего выражения «сквозь пространство и время». Целый клубок ассоциаций связан с фразой *Обычное для нас с ней дело — ловля чёрных котов на автомобильных стоянках после шабаша и по пятницам тринадцатого числа...* Здесь и чёрные коты, и шабаш, и пятница тринадцатого...

Каждый прецедентный феномен в произведении — это знак диалога различных сфер культуры, показатель интеллектуального уровня автора и того, насколько он доверяет эрудиции читателей.

Следующая стилистическая доминанта — креативность, проявляющаяся в использовании креатива — преднамеренно отобранных или преобразованных средств, нацеленных на создание эстетического впечатления, обладающих свойством окказиональности. Поражает необычностью жанр произведения — фэнтези-сериал. Значение слова «сериал» не предполагает именно книжное издание, так как его семантика — «фильм, состоящий из многих частей (серий)». Кроме того, в названии произведения необычно сочетаются пространственные координаты: слово «звезда» («небесное тело») устремлено ввысь, а слова «внутренняя» (т. е. находящаяся внутри Земли, как мы узнаем далее, — в самом её центре), «Земля» обращено вниз и вглубь. Произведение Art Dalyna насыщено индивидуально-авторскими выражениями: «рассказ, связанный на спицах из атмосферных переживаний», «сквозь сновидения росы», «тело усиливает функции души», «парад купающихся красавиц» и под.

С языковой креативностью тесно связана ещё одна особенность — образность,

метафоричность текста. Эта стилистическая доминанта ожидаема, поскольку автор признаётся, что «является Художником в прямом смысле сего слова... пишет... словно красками по холсту, создавая литературные лессировки и мастерски используя приёмы световых импровизаций и чудес...» Чтобы почувствовать образную вязь стиля писательницы, достаточно обратиться к следующему предложению: *И если съехать с трассы на ту дорогу, придерживаясь определённого направления, можно даже увидеть, как дикая свинья, проснувшаяся от зимнего сна, идёт искать свою тень — на тропинке, покрытой голубыми каплями росы, которая отзеркаливает микроскопические произведения искусства — паутинки, сотканые лесными многоногими обитателями из ритмов научных инстинктов...* Здесь читатель находит почти имажинистское образотворчество. Тропеическая доминанта в произведении связана с установкой на использование образного потенциала языка и речи. Среди тропов особенно выделяется сравнение, которое чаще всего выражается сравнительными оборотами, включающими прецедентный феномен: *«Как и известная всем Русалочка, Буддийская Дева, проникшись благами человеческими, жить осталась в мире, на Земле...», «Затем она... помчалась, подобно герою киновселенной Марвел, на поиски сумки и, найдя её, уже подобно футболисту, забившему победный гол в ворота противника, подбрасывая найденную вещь в воздух, прокричала громкое “ура!”».*

Цветовые лексемы немногочисленны, преимущественно находятся в диапазоне «чёрное — белое» (чёрные коты, тень, просветы, белокурый, ясное небо, сияющая тропинка). Другие цвета либо единичны (красный кирпич), либо приглушены (голубоватый цвет росы), либо обозначены опосредованно (яркие, насыщенные фан-



томы). В последнем случае наблюдается оксюморон: значение слова «фантом» не соотносится с представлением о ярком цвете.

Как можно заметить, тропы — один из мощных эстетических элементов авторской стратегии стиля Art Dalyna. Тропы в произведениях писательницы, вступая в семантические и синтаксические связи друг с другом, выполняют единую функцию — создание индивидуального авторского стиля.

Обозначенные в статье стилистические доминанты удачно вписываются в систему постмодернистской парадигмы, типичными признаками которой служат интертекстуальность, языковая игра, метафоричность, знаковость, сложная диалектика реального и виртуального.

Произведение Art Dalyna «Внутренняя звезда Земли» — это книга, в которой волшебные сюжеты переплетаются с философией жизни, романтические образы ложатся на реалистичную основу, поучительный смысл соседствует с типично сказочными чудесами.

Л. А. Калинина, канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Глазовский государственный педагогический
институт имени В. Г. Короленко»

ПСИХОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА

с Ларисой Агафоновой

Метафорический интеллект, или За что мы любим иносказание

• «Я чувствую себя чайником, из которого со свистом вырывается пар!» — с негодованием восклицаете вы, захлопывая блокнот или крышку ноутбука.

• «Моему герою снесло крышу от любви. Ума не приложу, что с ним делать, ведь он портит мне все декорации. Задумка была совсем другая», — жалуется вы на страницах социальных сетей на непослушного персонажа.

• «Ну они тянут резину в этом издательстве. Могли бы уже давно ответ дать и не травмировать мою творческую душу. Я и так чувствую себя сдувшимся шариком», — вздыхаете вы, в сотый раз открывая почту, в надежде увидеть долгожданный ответ, и прижимаете к себе всё понижающего кота.

В обычной жизни мы часто осознанно, но чаще неосознанно используем в своей речи метафоры — слова или выражения, которые употребляются в переносном значении, создавая у того, кому адресуем послание, целый спектр образов и ассоциаций.

Эта особенность очень развита у творческих людей, поскольку процесс создания художественного образа направлен на художественное освоение действительности, в основном, через художественное мышление.

И как раз яркой особенностью художественного мышления и является метафоричность.

Творческие люди обладают так называемым метафорическим интеллектом — способностью креативно решать задачи и отражать на бумаге свои мысли и персонажей с помощью метафор.



Лариса Агафонова — кандидат психологических наук, доцент, практикующий психолог, коуч

А у вас он есть? Готовы проверить?

Сейчас замечательная летняя пора, и вокруг огромное количество ярких образов.

◆ Начнём с простого: детская забава разглядывать облака станет для нас полем для поиска метафоры.

Сколько образов вы можете увидеть в облачном небе за 5 минут? Что они делают? Как меняются? Что значат для вас? Почему?

Запишите свои мысли и чувства. Прочитайте и наблюдайте за собой, когда будете читать.

◆ Выгляньте в окно, выйдите во двор, в сад, в лес. Ваша задача — раз-

глядеть образы среди растений (цветов, листьев, причудливо растущей травы).

Какие образы вы увидели? Почему именно их? Как эти образы связаны с вашим нынешним состоянием? Какую роль они играют в вашей жизни и в жизни ваших персонажей?

Уверена, что вы уже успели разглядеть пару идей для новых историй. Отправляйте их в свою творческую копилку.

♦ В нашей жизни кроме творчества есть масса других дел (не всегда приятных, но необходимых).

Какие домашние дела вы любите делать больше всего? Гладить рубашки? Печь пироги? Копать грядки? Строгать доски для забора?

Придумайте метафору для этого занятия. На что оно похоже? Кем вы себя ощущаете, когда выполняете механические привычные действия?

Зафиксируйте эти метафоры-ощущения. Как они вам откликаются? Для какой сказки, детектива или любовной истории могут стать замечательным дополнением? Или, может быть, это начало абсолютно новой истории?

♦ Хорошенького понемножку: теперь в дело пойдут нелюбимые домашние или рабочие дела?

Не любите писать отчёты и чувствуете себя надутой мышью, когда приходится? Изю всех сил сопротивляетесь мытью полов? Откладываете на потом поход за картошкой, ощущая себя в роли ослика, да что там, — настоящего осла?

Запишите получившиеся метафоры. Сделайте их максимально яркими, чтобы тот, кто наткнётся на них, мгновенно почувствовал на своей спине тяжёлую поклажу и захотел сбросить этот груз.

***Вы ведь уже поняли,
что выполняли упражнения
не просто так?***

Суть метафоры в том, чтобы читатель не просто пролистал вашу историю, узнавая биографию персонажа и знакомясь с его приключениями, а погрузился в сказку, нырнул в легенду или прожил любовный роман, став на несколько часов одним из них, героев внутри истории.

Метафора позволяет мысли бежать быстрее, чувствам — оголяться, а эмоции делает ярче.

Представьте, если бы в арсенале писателя не было метафор? Скорее всего, он был бы похож на человека, переводящего с одного языка на другой, имеющего под рукой только технический словарь.

***Друзья! Называйте окружающие предметы другими словами!
Подбирайте метафоры для всего, что случается вокруг вас! Оживляйте
события и чувства! И читатель оценит это с благодарностью.***





Елена Белоусова

Перелюб,
Саратовская обл.

«Солдат-удача»

Основано на реальных событиях

На фронте Ленинградском
свою судьбу солдатскую
в войну боец Мурзаев
на прочность проверял.

Со слов и в документах
Владимир стал легендой.
В них, как «солдат-удача»,
прописан однозначно!

Неравный изначально.
Непропорциональный.
Зачем играть со смертью?
И в бой зачем вступать?

Рассвет испорчен дымом.
Бойцы — невозмутимы.
Вскипело небо ранее,
и почернел рассвет.

Страницы автора
www.facebook.com/100024093893689
ok.ru/belousovay

Скрипят от злобы зубы.
На хвост советской группе
Присели «мессершмитты»,
и в венах кровь кипит!

Но скорость уступала,
и дело гиблым стало.
Их «Ил», конечно, лучший!
И думы прочь о худшем!

И вот несут потери
своим глазам не веря,
уже три самолёта
дают отбой пилотам!

Приказано покинуть
пилотские кабины.
Осиротели в небе
машины боевые.

По сердцу полоснули,
предательски блеснули
от злой досады слёзы.
Печальные прогнозы.

Прыжки из самолётов
запомнили пилоты.
Владимир был последним.
Лишь помнит одноцветной

земля ему предстала.
Подумал он сначала:
— Белым-бело вокруг меня!
Что ж птички не поют?

Обломки фюзеляжа,
в раю огня нет даже!
Наверно, адский круг!
ТАМ пташки не поют!

Прыжок из самолёта
не пощадил пилота.
В себя придя несмело,
Владимир вспомнил всё.

Глаза налиты кровью,
и всё сковало болью.
На счастье, оказался
вблизи от блиндажа.

Боец к аэродрому
вмиг поспешил, как к дому.
Сил нет, но километр
шагал он против ветра.

* * *

Солдат прибыл с докладом,
свой парашют, как надо,
на пол аэродрома
устало положил.

Глядят однополчане,
глазам не верят сами —
белее, чем полотно,
и верят неохотно.

Событье вон из ряда:
он вырвался из ада!
И сам того не зная,
бойцов собой пугает!

А парашют под пломбой —
лежит в углу спокойно.
Так как же приземлился
и насмерть не разбился?

Последние минуты,
солдатами как будто
прокручены, прожиты,
спешили доложить все.

Обшивка самолёта
по голове пилота
предательски скользнула,
Владимир вниз нырнул.

Он с высоты огромной
летел, того не помня,
с закрытым парашютом
вниз несколько минут.

Чудес на свете много,
на счастье — есть сугробы!
Владимир приземлился
как раз в один из них.

Солдатское везенье?
Чудесное спасенье?
Ответ никто не знает.
Везунчика качают!



Лев Альтмарк Грустные и весёлые песни старика Харона

Из года в год, из века в век, из тысячелетия в тысячелетие человечество неизменно живёт в апокалиптическое время... Радость всегда неразлучна с печалью, счастье — с бедой, встреча — с расставанием. Люди поют песни, играют свадьбы, растят детей, прощаются с ушедшими — бесконечный круговорот жизни...

Харон, перевозящий по реке Стикс наши души из царства живых в царство мёртвых, наверное, многое мог бы поведать, если бы его захотели услышать. Поведать нам — о нас...



Ольга Веселова

Великий Новгород

Ники и Элис

Есть призраки прошлого
 в Зимнем дворце...
 Когда эрмитажный охранник наткнулся,
 Не просто застыл, изменился в лице —
 Хватаясь за сердце, споткнулся.

Пред ним в полумраке музейном ночном
 И в лунном ворвавшемся свете
 Влюблённая пара стоит пред окном
 Пронзительным зовом ушедших столетий.

Как ветер, вдруг трепет по залу прошёл —
 Шуршанье муара на девичьем платье,
 И юноша губы любимой нашёл,
 Впервые в их жизни — объятья.

Откуда они? Это платье — аж в пол,
 Мундир с золотым эполетом...
 И понял охранник, куда он вошёл:
 Торнадо веков, завихренье столетий...

А те, что мерцали сейчас у окна,
 Картинным застыв силуэтом, —
 Когда-нибудь выпьют страданье до дна...
 Вот тут, на стекле, будут их имена...
 Ушедших монархий несчастные дети...

— Отец твой не хочет невестки такой!
 Меня он считает больною...
 — Но, Элис, женюсь я, и выбор — лишь мой!
 Господь нас спасёт, от невзгоды укроет.

Глаза старика увлажнились слезой.
 Зашаркал скорее свидетель несмелый.
 А ветер гнал тучи пред полной луной,
 И зал наполняла живую волной
 Любовь, что минует земные пределы.

Крым. Связь времён

Пространство-время тут
 смещается порою:
 Повеет Киммерии зычный зов...
 В пыли степей промчатся конным строем
 Полки античных гуннов — звон щитов...
 И дальше, дальше... Древних поселенья,
 Их паруса, их города,
 торговли шумный век.
 Впервые Митридат презрел веленья,
 Восстал он против Рима, гордый грек!
 Там, на горе, мечом себя пронзил он —
 И отдал душу всем морским ветрам!
 Так стал он символом непобедимым,
 Свобода понеслась, бурлящая, в века...
 Текли столетия под игом ханским,
 Татарская тут правила орда.
 Казалось, вечно в мусульманстве
 Славянским пленникам влачить года.
 Мечети, минареты и унылость,
 Тоска гаремная, пресытившийся хан...
 Но ветер воли дул — и вот, свершилось:
 Пехота русская и флот тут появились,
 С Россией земли те соединились.
 С времён Владимирских
 Крым Богом отдан нам!
 О, сколько войн русского упорства!..
 О, сколько крови в севастопольских боях!..
 И турок тут, и немцев били черноморцы,
 За Крым, за наш, Российский, жизнь отдав.
 А вольный ветер снова торжествует
 Над Крымским, над взметнувшимся мостом.
 Грядущее несёт и буйно дует,
 Попутный — на пути святом.

К 200-летию Ф. М. Достоевского

Мы в тысячелетье новое ступили...
 Ну а что забрали ценного сюда?
 Образ гуманизма время не размыло:
 Классики поныне учат сострадать.

С мониторов или со страниц шуршащих
 Будет, как глашатай, совесть к нам взывать.
 И, спустя столетья, кто искал — обрящет,
 Кто просил — получит нужные слова.

Родион, не ты ли кинул вызов миру?
 И убийца тоже может быть прощён.
 Достоевский — вечный адвокат для сирых,
 Угодивших духом в жернова времён.

Новгород. Кремль

Идёшь вокруг Кремля —
 Остановилось Время...
 Кирпичных стен
 Былое громадьё —
 Наивное, высокое,
 Как души поколений,
 Щемящее, как прошлое
 Твоё...

Кольцо из рыжих стен,
 Бойницы башен грозных,
 Под ними — вал
 В белеющем снегу.
 Ты слышишь
 Свист тех стрел
 В тумане дней морозных,
 Победы клич и шквал
 Наперекор врагу?!

Икона, что наш город
 Защитила,
 Икона, повреждённая
 Стрелой...
 Растаяли те полчища,
 Вся вражеская сила...
 Всё это было! Было!
 Видишь? Вот под этой вот
 Стеной...

О, сколько ж эти
 Стены повидали
 Надежд, упорства,
 Ярости, смертей!
 Мерещатся им снова
 Звоны стали,
 Нетленной веры взлёт
 В сверкании мечей.

Кремлёвский вал
 Изгибом величавым
 В метельной исчезает
 Белизне,
 И сломанная ветка
 Клонится устало.
 Под звон колоколов
 Ты из легенд восстала
 Стена — как Вечность,
 Вдруг открывшаяся мне.



Виктор Королев

Екатеринбург

Самый страшный день войны

Отрывок из романа

В тот страшный день, 23 августа 1942 года, армада вражеских самолётов методично, час за часом уничтожала волжский город. Зенитчицы не могли стрелять по фашистским стервятникам — не было такого приказа. Им приказ — во что бы то ни стало остановить стремительно мчащиеся к Волге танки. Поэтому что в тот час задержать немцев больше оказалось некому.

Это правдивая история. В своём первом и последнем бою восемнадцатилетние девушки выстояли против целой ди-

визии вражеских танков. Они победили ценой собственной жизни. Выжить удалось единицам. Лишь спустя годы имена всех погибших станут известны. Очень многие до сих пор считаются пропавшими без вести, потому что их тела так и не были найдены.

О подвиге юных зенитчиц мало кому известно. А знать должен каждый. Мы все обязаны поклониться этим девушкам за тот великий бой, с которого началась наша победа в Сталинградской битве.

В районе Тракторного завода 16-я танковая дивизия натолкнулась на ожесточённое сопротивление зенитной артиллерии. В пригородах находились русские зенитки, обслуживаемые женщинами. Они встретили наступающих огнём. Некоторые гнёзда не были подавлены до ночи...

Из журнала боевых действий 6-й армии вермахта

Мы в Гамбурге до глубины души возмущены упрямством и бессовестностью русских, которые не хотят прекратить своё бессмысленное и глупое сопротивление на Волге.

Из письма жены немецкого солдата, убитого в Сталинграде

— Что, взяли? Взяли, да? Пять девчат, пять девочек было всего, всего пятеро! А не прошли вы, никуда не прошли!..

Борис Васильев. «А зори здесь тихие...»

...Снаряд разорвал гусеницу немецкого танка. Конечно, это не значит, что он уничтожен. Он не горит. Но из-за этой поломки остановились идущие за ним машины. А зенитчицам только это и надо.

— Давай, Зочка! Давай, родная! Теперь по третьему! Или лучше по четвёртому! Сделай им кучу-малу!

Выстрел, второй, третий... От осколков фугасных снарядов падают фрицы, пытающиеся подцепить тросом подбитую машину. А рядом ещё танк крутится с повреждённой гусеницей.

— Снаряд!

— Ярослава, это последний!..

Та смотрит на свои часы. Не верится: весь боезапас расстрелять за пятьдесят минут?! И что теперь? Погибать, как соседки справа и слева, — оттуда ни одного выстрела давно уже, живые ли?

Странно, но по позиции девятого расчёта больше никто не стреляет. И танков на бруствере городского рва что-то не видно. Ан нет, стоят штук пять. Остальные, наверное, испугались, отошли подальше. А горит сколько? Ого, шесть штук дымят чёрным пламенем.

Кто-то подползает к окопу. Тяжело дышит.

— Лена, кто там, глянь!

— Это товарищ старшина!

Тот, мокрый как мышь, сполз в окоп, придерживая ящик со снарядами.

— Комбат приказал доставить, метко, говорит, стреляете! Вы все целы?

— Катю тяжело ранило. Без сознания. Санитары придут?

— Если честно, девчата, вряд ли придут. Там два танка прорвались. Прямо на санчасть. Заградотряд пытался их остановить, да не равны силы-то. Командира ихнего убило сразу, зам его, сержант уса-тый, бросился под танк с гранатой, подбил. Второй танк подавил всех их, а дальше пушку свою наставил на санчасть. Если метров с тридцати выстрелит — всё разнесёт. Только тут медсестра на крыльцо вышла и давай с ними по-немецки раз-

говаривать. Да ты, Ярослава, знаешь её, землячка твоя. Что-то им рассказывает, убеждает, а сама кричит не оборачиваясь: «Уходите все, я их задержу! Уходите через заднее окно к реке!»

Старшина достал с ремня фляжку, отхлебнул, продолжил:

— Короче, она руки раскинула, не пускала. Так они ей руки прострелили и вошли в палаты. А там уже — никого. Геройскую смерть приняла... Чуть-чуть мы не успели со штабом и ополченцами. Но всё равно отомстили за неё. Комбата нашего в том бою ранило. Перевязал я его, лежит в землянке. Связи нет, где-то провода перебиты. Так что приказал вам снаряды доставить.

— Ой, спасибо, товарищ старшина! Мы их танки до ночи будем бить — не пустим!

— Вот и славно! Ночью подмога придёт! Пойду ещё ящик притащу!

— Зоя, помоги старшине! Два ящика лучше, чем один!

Они ушли. В окопе сразу стало тихо. Только слышно, как Лена плачет:

— Катя умерла...

Подошли. Катино лицо осколки не тронули. Оно было спокойным и красивым. Прямо как у киноактрисы. Ярослава закрыла глаза Кате. У остальных девушек не было сил, они дышали так тяжело, со всхлипами, словно это их посекло насквозь осколками.

— После боя, ночью похороним. У главных ворот Тракторного завода. Война кончится, а люди будут знать и всегда будут помнить, кто здесь геройски погиб, защищая город.

Те фашистские танки, что перешли ров, утюжили гусеницами позиции первой и второй батареи. Из своих пушек танки не стреляли, а по ним стрелять было уже некому.

— Ну что, лежебоки? — Ярослава снова глянула на часы. — Так и будем смотреть молча, как наши сёстры погибают? Сейчас

вам кукушка накукует вторую жизнь. Зоя, наводи! Снаряд!

— Выстрел!

Они били по гусеницам, по слабым местам этих бронированных каракатиц. Жалко, что нет бронейных снарядов, а то бы уже с десяток этих чудищ вонючими кострами горело бы. Но и обездвигить их — тоже дело. Вон, бегут на помощь рабочие ополченцы с Тракторного. Обещали целый отряд. Правда, у них ничего нет, кроме винтовок и бутылок с горючей жидкостью.

Жаль, что, даже обездвиженные, немцы всё видят через смотровые щели своих стальных коробок. В наступающей темноте крутят башни во все стороны, нащупывая стволами стреляющую по ним зенитку. Нащупали...

Недолёт. Ответить нечем, снарядов нет.

Есть снаряды! Два ящика — один старшина притащил на плече, второй Зоя волоком по земле тянет. Заряжай!

— Выстрел!

Ещё один обездвиген. Зенитчицы наши быстрее. Немецкие танки как-то залпами стреляют. У них перелёт.

— Ложись!

Ухнуло прямо на бруствере. Опять осколки звенят, калеча зенитку-спасительницу. Комья земли, мелкие камушки стучат по голове, спине, ногам. Господи, спаси и сохрани!

— Все целы? К орудию!

Есть ещё пять снарядов. Танки уже в двухстах метрах. Зоя, наводи!

— Ярослава, старшину убило!

— О господи! Родной ты наш, как же так?..

Оглянулась, чтобы хоть взглядом проститься, а там прощаться-то и не с кем, нет человека — прямое попадание.

— Ярослава, очнись, готово!

— Выстрел!

Попали. Они почему-то в ответ не стреляют. А-а, вот почему. Из ворот Тракторного катятся на немцев два наших танка.

Странные, один без башни, а второй с башней, но без ствола. Просто на испуг хотят фашистов взять. И три трактора, стальными листами обшитые. Высокие и оттого малоустойчивые. Это заводчане на себя огонь перевели, чтобы дать зенитчицам возможность прицелиться.

С четвёртого выстрела остановили и этот танк. Нет больше снарядов. Озираясь, немцы вылезли из люков, застучали кувалдой, поправляя разбитую гусеницу. Ярослава подобрала с земли винтовку, хотела снять хотя бы одного фрица, но плюнула со злости: ствол трёхлинейки погнут, затвор разбит.

И тут вдруг она вспомнила, что в окопчике, который мужички-окопченцы для боеприпасов выкопали, должно быть ещё два ящика снарядов. Оглянулась на подруг. Глаша сидит с Леночкой на дне окопа, что-то шепчет ей, а малышка, похоже, с трудом понимает. Ранена? У Любушки только перебинтованная голова в сумерках светится белым, остальное всё чёрное от пыли и грязи. Похоже, действительно конец нам пришёл. «Ладно, девочки, я поползла за снарядами. Повоюем ещё. Господи, спаси и сохрани!»

Фашистский танк издали расстрелял три наших трактора. Двух в лоб, а третий от близкой взрывной волны набок завалился. Двое наших ополченцев успели выскочить, спрятались и теперь ждали, когда танк подойдёт поближе, чтобы закидать его коктейлями Молотова.

Почему обмотки всегда разматываются, когда ползёшь по-пластунски? Хорошо, что старшина подсказал через каблук их намотать. А вот галифе всё равно дал большие — граната в кармане болтается, словно бульжник.

Канавка, по которой ползла Ярослава, вырыта неглубоко. Ей даже голову не надо было приподнимать, чтобы видеть. Вот оба ополченца вскочили одновременно и бросили свои бутылки с горючей смесью. Пламя тут же стало растекаться по танковой

броню. Оба одновременно и упали, сражённые пулемётной очередью.

— Молодцы! Герои! — вслух сказала Ярослава.

В окопчик со снарядами она свалилась как-то неловко, головой вниз. Зато целых два ящика с радостью увидела. Видеть вообще ей было легче теперь. Слух-то выбит начисто. Кровь из ушей идёт.

Сложила ящики на бруствере. Открыла верхний проверить...

Она не услышала, как сзади подобрался танк. Немцы видели её — большую, мощную, высокую — и видели, что оружия у девушки нет, и опасности для них нет. А она увидела их слишком поздно. До танка, который мчался прямо на неё, оставалось метров тридцать. Это где-то пять секунд. А граната взрывается через четыре. Секунды ей хватило, чтобы сунуть руку в карман галифе, вырвать кольцо из запала «лимонки» и положить гранату на снаряды так, чтобы чека свободно отлетела...

...Леночка по-прежнему сидела на дне окопа. Еле слышно шептала:

— А как хорошо день рождения начинался, да же, девочки? И такой длинный оказался день, никак не кончается...

— Да, — согласилась Глафа. — Жизнь уже кончается, а день всё никак.

Она помогла Лене подняться. Люба подошла к ним. Стояли втроём обнявшись, ждали, когда вернётся Ярослава. Она принесёт снаряды, и боевой расчёт третьей батареи начнёт опять стрелять. Она вот-вот вернётся, появится из темноты. И всё будет

хорошо. Обязательно. В восемнадцать лет жизнь только начинается.

Они ещё успели увидеть, как страшный взрыв в том месте, куда уползла Ярослава, заставил подпрыгнуть многотонную вражескую машину. Взрыв был такой силы, что танк завалился набок и тут же вспыхнул.

Больше они ничего не увидели, не успели. Прорвавшийся с другой стороны немецкий танк ударил осколочно-фугасным по их окопу. Снаряд разорвался в метре от них.

Рекомендуем книгу автора



Самый страшный день войны

Художественно-исторический роман



Алла Кречмер

Нетания, Израиль



Февраль 1917-го

Император один. И над городом ночь,
Расстелилась холодная мгла.
На исходе зимы ждать рассвета невмочь,
И тревога на сердце легла.

Электрический свет из дворцовых окон
Виден через метель далеко.
Греет душу лампада у старых икон,
Греет кровь из подвалов «Клико».

Что гадать — не узнать, мы покорны судьбе:
Ждёт конец — возвышенья и казнь.
Светлый ангел взлетел и застыл на столпе,
Охраняя верховную власть.

А в России зима, и царят холода,
И в Сибири, и в залах дворцов.
Снег сойдёт через месяц и смочет тогда
Позолоту с двуглавых орлов.

Подновим, как и раньше. Тяжёлые дни
Миновали и прежде не раз.
Не забыть записать за сегодня дневник —
Жизнь продолжит сама свой рассказ.

Скоро утро, но давит по-прежнему мрак,
И виденья роятся внутри.
Разогнать бы незванный, непрошенный страх —
На Дворцовой горят фонари.

Я теряю себя, моё имя — Никто...
Вновь тот странный предутренний сон.
Словно серая мышь, пробежало авто,
И гудит одинокий клаксон.

Распахнуть бы окно и вдохнуть наконец
Тот морозный бензиновый смрад.
Побежать, поскользнуться с высоких крылец,
Усмирив свой внутренний ад.

Распахнуть, только рамы двойные крепки,
Сохраняют тепло и угар.
Эта слабость пройдёт. Ожидают полки.
Не потухший военный пожар.

Сибирский тракт

Переселенцы и колодники,
Вы грязь в распутицу месили.
Шли переходами короткими,
Пересекая всю Россию.

В дороге трудной, многомесячной
Вы голод коркой утоляли.
Стояли у калиток женщины,
Украдкой слёзы вытирали.

С сольцою подавали хлебушко
И отходили прочь, смущаясь.
Смотрели в небо покрасневшее,
Рукой от солнца закрываясь.

Ох, как болели ноги стёртые,
Натруженные кандалами!
Но враз открылась даль просторная —
Сибирь, покрытая лесами.

Когда ж дойдут? Зимой, летом ли?
В острог ближайший или дальний?
И сколько лет в земле неведомой
Прожить в томительной печали?

Вдогонку псы зубами клацали
И заходились громким лаем.
В дома добротные, кержацкие
Их на постой не впускали.

Сибирский тракт — дорога торная.
Рекой людскою полноводной
Текла. А в небе тучи чёрные
И невесомы, и свободны.

Поэты русского Харбина

Поэты русского Харбина —
Непонятый ушедший мир.
Приютом стала вам чужбина,
Воспетая созвучьем лир.

Вам снилось по ночам приволье,
Где на полях искрился снег.
Учились дети в русской школе,
Оставшись русскими навек.

Вам виделся в просторе синем
Амур границей двух миров.
Вы увезли с собой Россию
В словах написанных стихов.

А жизнь была полна скитаний
По странам и материкам.
Прошедших лет воспоминанья
Порой во сне являлись вам.

А сердце как стрела летело
Туда, на север, где Москва.
И в строчки на бумаге белой
Сплетались рифмы и слова.

Язычник

Повержен Перун. Отошла безвозвратно
Эпоха старинных знакомых богов.
Кому-то позор, а другому утрата,
А третий прислуживать новым готов.

На берег днепровский, крутой и высокий,
Весь съехался город, и князь впереди.
Судьба разделила нас на два потока —
Упорных казнить, остальных окрестить.

Там крест был поставлен, навек перечёркнут
Уклад наш привычный в тот век перемен.
Сожжённое капище завесой чёрной
Нам застило солнце, и мрак взял всех в плен.

Я тоже язычник и делаю выбор
Отречься от прошлого и навсегда.
Как хочется жить: мир согласия зыбок
С собой и с судьбой. А внутри пустота.

Мне страшно: утопят, как тех, несогласных.
Не лучше ль смирение, крест и купель?
Нет с мёртвого спроса, жизнь может быть разной.
В крестильной рубахе ступаю на мель.

Крещусь неумело я с новой молитвой.
Чтоб казни не видеть, я взгляд отверну,
Но знаю: душа моя ложью убита
И с идолом вместе уходит ко дну.

Антонина Кухтина

Комсомольск-на-Амуре



После Великой Отечественной войны

Воспоминания

Кто-то, возможно, спросит: какие могут быть воспоминания у ребёнка, родившегося через три года после окончания Великой Отечественной войны? У ребёнка, жившего в небольшом сибирском городке, который никогда не подвергался бомбардировке, мирные жители которого не видели воочию фашистов, не провожали бесконечные вереницы людей с нашитыми жёлтыми звёздами в никуда, которые при первых звуках сирены не бежали, бросив всё, в ближайшие бомбоубежища, бессонными ночами не прислушивались к бесконечной канонаде. Но сейчас, как мне кажется, это уже не просто мои личные воспоминания, это история нашей страны, история нашей Родины, увиденная глазами ребёнка. А что может вспомнить ребёнок? Тут судить вам, а не мне.

Очередь за хлебом

Самое первое и самое яркое воспоминание детства — это очереди за хлебом. Мне тогда было четыре года, а брату — два. Карточки на хлеб к тому времени уже отменили, а вот очереди...

Отец поднимался в четыре часа утра. Наскоро перекусив и выпив чаю, он шёл в ближайший магазин занимать очередь. А к восьми часам ему нужно было идти на работу. К этому времени мама поднимала нас, хныкающих и невыспавшихся, умывала, кормила, и мы шли на смену отцу.

Он сообщал нам номер очереди, записанный химическим карандашом на ладони, затем громко объяснял стоящим сзади, что это вот и есть его семья, на которую он занимал очередь и о которой он их предупреждал. Только тогда мы равноправно вливались в это временное сообщество, а отец уходил на работу.

У магазина уже не просто стояла, а клубилась огромная толпа: женщины, дети, старики. Стояли здесь и мужчины, почему-то всегда уже успевшие подружиться и «сообразить». Кто-то вязал носки, кто-то монотонно и однообразно рассказывал всем желающим каждый день одно и то же о тяжёлой, беспросветной жизни и о погибших кормильцах. Тут же завтракали, матери кормили грудничков. Однажды женщины, собравшись в кружок, даже пели песни.

Ближе к обеду подвозили хлеб. Он мог быть белым, пшеничным, ржаным или пеклеванным. Что означает слово «пеклеванный», не знаю до сих пор. И тут начиналось настоящее светопреставление. Очередь «строилась», и дети, несмотря на их слёзы и протесты, также запикивались в неё. Ведь норма продажи — булка в руки, иногда полторы. И тут уж бдительно считались даже наши детские ручонки.

Огромная очередь выплёскивалась далеко за пределы магазина. Слышались бесконечная ругань и выяснения, кто здесь стоял, кто не стоял. Чем ближе к прилавку, тем ожесточённее проходили баталии, ведь первые обычно занимали очередь с вечера.

Добровольные блюстители порядка торжественно закрывали двери, и не дай Бог, если кто-то в этот момент отошёл по делам

или просто зазевался, а его честно выстоянная очередь оказывалась внутри магазина. «Занимай снова!» — вот и весь сказ.

Тут-то и вступал в своё решающее действие номер, написанный на ладони. Когда очередной распаренный счастливый обладатель хлеба выбирался из магазина, только этот номер очереди служил находящемуся на улице законным пропуском туда, ближе к хлебу.

Причём с завидным постоянством находились «любители» подделывать этот несчастный номер, и с таким же завидным постоянством они тут же вычислялись почти сроднившейся за полдня толпой и торжественно изгонялись из её временно дружных рядов. А иногда даже маленько избивались под одобрительные возгласы окружающих. Драки, смех, ругань, маты...

Как только очередь добровольного наблюдающего исчезала в магазине, ему тут же находилась достойная смена. Желаящих почему-то всегда было больше, чем нужно. Купленный хлеб расходовался очень экономно и растягивался на несколько дней. Если хлеба на всех в магазине не хватало, а такое частенько случалось, то на следующий день всё повторялось сначала.

Однажды, когда моя счастливая мама, держа на руках братишку и подталкивая вперёд меня, сказала продавщице: «На троих», та вдруг заартачилась:

— Нет, только на двоих! Пацан маленький, он не считается!

— Как это не считается? Он ведь тоже полдня толокся в этой очереди!

— А вот так! Не считается и всё! Да он и хлеба-то столько не съест! Бери на двоих и уходи! Не мешай работать!

Толпа загудела. Одни, с малыши на руках, истерично закричали:

— На всех! Давайте на всех!

А стоящие без детей, конечно, приняли сторону продавщицы:

— Не давать! Не давать! А то соберут всех соседских сопляков и хапают, хапают!

Честно говоря, было и такое. Иногда, купив хлеба по своей очереди, матери по договорённости тихонько передавали своих детей соседям или родственникам, стоящим сзади. Ребёнка ведь легче подсунуть в очередь, у него нет номера на ладони, а научить громко называть соседку или тётю мамой, чтобы купить лишнюю булку хлеба, было не так уж и сложно. Один-два раза это могло сработать. Короче, продать хлеб на братишку нам категорически отказались, несмотря на горячие заверения сочувствующих знакомых:

— Да её это пацан, её!

Это был первый и последний раз в жизни, когда я видела, как громко и безутешно плакала несчастная мама, как истошно кричал перепуганный братишка. А вокруг были глаза, глаза! Одни — заплаканные, несчастные и сочувствующие, другие — озлобленные, торжествующие и довольные. А вечером, рассказывая о происшедшем отцу, мать в сердцах сказала братишке слова, о которых жалеет до сих пор:

— Видишь, Петенька, хлеба на тебя не дали, значит, и кормить тебя не будем.

Двухлетний братишка не очень-то и понял, о чём она говорит, а вот со мной случилась ужасная истерика, после которой я несколько дней не могла подняться с постели.

Инвалиды

Наш небольшой сибирский городок Боготол во время войны, разумеется, находился в глубоком тылу, поэтому несколько школ были отданы под госпитали. Конечно, когда я, послевоенный ребёнок, уже стала осознавать себя, школы опять были школами, а госпитали перевели в другие города. Но в Боготоле осталось много инвалидов. Одним просто некуда и не к кому было возвращаться. Другие не хотели стать обузой в своих семьях. А кому-то уже было всё равно, где доживать свою искорёжен-

ную жизнь. Вот и прижились они в нашем городке. Возможно, их было не так уж и много, но безрукие, безногие, на самодельных деревянных тележечках, на грубо сколоченных костылях, с обожжёнными, изуродованными лицами мужики — в те годы для нас, детей, это было привычное явление на улицах нашего города.

Кто-то сам был родом из наших мест, кого-то приютили сердобольные женщины, сами в войну, как говорится, нахлебавшись горького до слёз. Кто-то обрелся неизвестно где. Но днём все они были на улицах. Умело или не очень играли на гармошках, пели жалобные песни или разухабистые частушки, просили или требовали милостыню. Но чаще всего они предпочитали сидеть у магазинов. Причём у каждого магазина был свой постоянный «сиделец», а иногда даже два или три.

Изуродованные, в затрапезной одежке, они целыми днями сидели на земле у крыльца магазина. Сидели под дождём и на солнцепёке, молча тянули руки или громко кричали что-то вслед: то благодарность за поданную монетку, то проклятия проходившим мимо. Милиция их не трогала, люди относились по-разному. Кто-то жалел, старался подкормить, посочувствовать. Кто-то громко ругался, что от этих пьяниц проходу нет, что пора бы очистить от них город. Но таких было меньшинство.

Иногда инвалиды ходили друг к другу в гости, а иногда между ними случались драки, если кому-то, как казалось, перепадало больше, чем другим. Ползая по земле, страшно матерясь, они размахивали костылями, хватали друг друга за ветхую, заплатанную одежку — в общем, зрелище было ужасное, но, повторяю, привычное.

После обеда картина кардинально менялась. Те, кому хватало пожертвованных медяков, покупали вожделенную бутылку и тут же в одиночку или в компании распи-

вали её. Затем страшно плакали или располагались на отдых, иногда перекрыв вход в магазин. Во сне они стонали, вскрикивали, отдавали команды или что-то несвязно бормотали, как будто жаловались кому-то. Люди, а особенно дети, опасливо обходили их стороной, стараясь не задеть. Мало ли что пьяному придёт на ум.

Хотя, честно сказать, не помню ни одного случая, чтобы они кого-то обидели без причины, а детей они жалели и при случае даже защищали. Огромный и когда-то, наверное, очень красивый Стёпка-Обрубок, ноги которого были ампутированы по самый пах, напившись, громко плакал во сне и всё время звал маманю.

Когда-то эти люди любили, строили дома, работали не покладая рук, потом честно воевали, защищали свою Родину, а теперь это были несчастные калеки, потерянные и потерявшие себя, оказавшиеся никому не нужными человеческими обрубками.

Это сейчас участникам и инвалидам той войны оказывается всяческое внимание и поддержка, а в те времена, видимо, их было очень уж много, и каждому приходилось выживать в одиночку. Но в течение десятка лет эти несчастные, обездоленные калеки потихоньку исчезли и с улиц, и из нашей жизни.

Они быстро умирали, умирали от ран, от водки, от собственной заброшенности и ненужности...

Мир Вашему праху, низкий поклон, и, если можете, простите нас!

Взрыв

Это была замкнутая и уже довольно пожилая чета. Они не очень-то жаловали окружающих, особенно хозяин. Однажды, в минуту откровения, он сам кому-то и рассказал, что до войны отбывал срок, а когда началась война, то специально что-то натворил, чтобы не попасть на фронт

после освобождения. Срок ему продлили, и всю войну он провёл в местах не столь отдалённых. Разумеется, эта история не добавила ему уважения у соседей.

Детей у них долго не было, но, наконец, появился Вася. Однажды проходящая по улице цыганка сказала его матери, что «твой пацан не доживёт и до десяти лет». Для них это была настоящая трагедия. Уж как они его берегли и лелеяли! К счастью, десятилетний рубеж он всё-таки пережил, и выжил, и вырос, женился, сейчас у него уже двое давно взрослых дочерей.

Работал сосед шофёром в автороте, каждый день что-то привозил и, довольно посмеиваясь, нёс или перемещал домой. Дровами, углём, сеном (основная головная боль всех жителей частных домов) — они всегда были обеспечены в избытке. Но он всё что-то вёз, и вёз, и вёз.

И вот однажды часов в десять утра вдруг послышался звук, очень похожий на взрыв, донёсшийся из их дома. Встревоженные соседи бросились туда, несмотря на злобную собаку. Уже на крыльце их встретили хозяин с хозяйкой, какие-то закопчённые, растерянные, но в дом никого не пустили, уверяя, что у них всё в порядке. И лишь потом, спустя довольно продолжительное время, хозяйка по секрету

кому-то рассказала, что же произошло в тот страшный день.

Она стряпала на кухне. Десятимесячный Вася находился рядом. Она подкинула дров в печку и отошла зачем-то к окну. А ребёнок, к счастью, выполз из кухни. И тут раздался взрыв. Кастрюли, сковородки, обломки печной плиты разлетелись по кухне, разворотило топку и закоптило весь дом...

Мир слухами полнится. Позже узнали соседи и начало этой истории. В ближайшей деревне жила-была семья. Мать, детишки, мал мала меньше, и отец-инвалид. Он с войны пришёл без руки. Но мужик серьёзный, работающий, изо всех сил тянулся, чтобы не стать обузой в семье, а быть полноценным отцом, кормильцем, хозяином. Так, сделав специальное приспособление, он в одиночку пилил деревья на дрова, распиливал их, колол и складывал в аккуратную поленницу неподалёку от дороги, чтобы легче было потом вывозить. И деревенские, и даже городские знали, чьи это дрова, и несколько лет никто не посягал на них. Но однажды дрова пропали. На следующий год — опять. И тогда хозяин привселюдно поклялся, что ворюга его ещё попомнит. А на третий раз и произошёл вышеупомянутый взрыв.



ВоенКор

Сборник стихотворений и рассказов

Произведения в этом сборнике — это память героев, каждый из которых навеки вписал своё имя на страницы истории. Людей, сильных духом, кто собственными руками выковал Великую Победу, принеся её в дар сыновьям и внукам. В книге звучат нотки тоски и отголоски давней боли. В стихах и рассказах отражены личные подвиги и воскрешены образы обычных ребят, знающих не понаслышке, что такое честь, долг и совесть. О храбрости и доблести советских солдат с благоговением говорят потомки, отдавая им дань уважения и признавая величайшие заслуги перед всем миром.



Надежда Мохина

Киров

Бабушка Ульяна

Мне бабушка запомнилась немногим:
Лежит в кровати, не поднимет глаз.
На тумбочке — лекарства, и тревога
Повисла тяжело в комнате у нас.

Потом мой день рождения — шесть лет мне.
Не праздник, нет. Мы на погост идём,
Прохладен и неласков ветер летний,
И свежий холм осыпало дождём.

Подумать только: с этих пор — полвека!
Но вспышкой из прошлого тот миг
И не уходит, и цепляет крепко
Такою болью, что из сердца крик!

Ах, бабушка Ульяна, жаль, что сказок
Твоих я слышать в детстве не могла,
А что о жизни — то для чёрных красок
И после много лет — была мала.

А может, просто говорить об этом
Все взрослые не смели с той поры,
Когда они и сами были дети,
А над судьбой висели топоры.

И всё витает отзвук давней драмы,
Хотя отрезок времени велик,
Когда моей десятилетней маме
«Врага народа дочь» пришит ярлык.

А как же ты жила все эти годы
Средь шёпотно расставленных сетей:
Мол, может ли жена врага народа
Учить в деревне грамоте детей?

Как всё перемогла? И что спасало
В той череде неотвратимых бед?
Прости, что о тебе я знаю мало.
И не узнать — ведь мамы тоже нет.

Ах, бабушка Ульяна, без ответа
И твой вопрос остался (твой секрет).
Ушла в шестидесятых ты, а деда
Лишь через тридцать оправдали лет.

Сквозь призму многолетнего обмана
Нам виделись не так страны пути.
Прости за всё нас, бабушка Ульяна,
Твоих потомков и... страну — прости.

Девяностые. Мечты и реальность

Какой корабль летел на парусах!
Как был влюблён и в море он, и в ветер!
И юноши в восторженных мечтах
Искали путь, что радостен и светел.

Девчонки, пусть не каждая — Ассоль,
Но каждая с большою верой в счастье...
Откуда на губах морская соль?
Ещё вчера казалось небо ясным.

Но грянул гром на стыке двух веков,
И матери грустят не понарошку
И платья шьют из алых парусов,
Чтоб обменять на рынке на картошку.

Детство семидесятых

На жердяной деревенской ограде
Стайкой воробушков детство сидело.
Мальчики, девочки. Кто-то с бравадой
Взрослую чушь говорил неумело,

Кто-то смеялся и семечки щёлкал.
Вечер был ласков, беспечна беседа.
Кто-то, тряхнув непричёсанной чёлкой,
Спрыгнул с ограды — и к велосипеду.

Следом вся стайка вспорхнула — и мчится.
Ярко сверкая на солнце закатном,
Крутятся, крутятся резвые спицы,
Катится детство семидесятых.

Катится детство — девчонки, ребята.
И не беда, что коленки в коростах...
Будет гораздо больнее когда-то:
Взрослыми быть им в лихих девяностых.

Превратности судьбы

Мы так стараемся найти
В пучине жизни счастья остров,
Но от себя нам не уйти
И внутрь себя взглянуть непросто.

Освобожденье от оков
Не называется свободой,
И всё сплетается из слов:
Памфлет, донос, признание, ода.

Пусть звонко возвестит труба
Освобождение от плена,
Но улыбнётся вдруг судьба
Тебе улыбкой Гуинплена.

Льняное небо

Я помню картину цветущего льна.
(Сейчас на полях этих — сосенки),
Как будто бы небо плеснуло сполна
На землю лазури и просини.

Пред взором видение давних времён,
И воздухом прошлого дышится,
И крошечных этих цветов миллион
При ветре, как море, колышется.

Ах, светлая грусть, ты меня не покинь...
(Но как по живому всё режем мы!)
А небо над полем раскинуло синь,
Такое льняное по-прежнему.

Страница автора
ok.ru/profile/538350591557





Алекс О. Москва



Folly (Отрывок из книги)

Помпеи, 13 мая 1828 г.

Неожиданно для самого себя он никак не мог понять, как здесь очутился. Он был в полном здравии и знал, как физически он добрался до этого места, как прежде посетил ещё несколько приятных городков. С Ней. Это было не просто путешествие. Он растворился в чувствах к Ней, и Она отвечала ему взаимностью. Более того — с нежностью. Он просто не мог поверить в те невероятные процессы и химические реакции, которые вызывала в нём эта женщина. Ранее он мог испытывать подобные чувства, находясь на лоне природы или открывая для себя неизведанные артефакты во время всё тех же раскопок. Но чтобы женщина... Он очень опасался, даже боялся при-

знаться себе, что теперь она является его вдохновением, его путеводной звездой, его музой. Ведь это всё равно что признать, что он от неё зависим. Зависим от женщины! Как такое могло с ним произойти? Но больше всего он боялся потерять эту связь, и это чувство снова и снова посещало его. Это было как наваждение. Но он постоянно гнал эти мысли прочь. Лёгкие касания, кроткие взгляды, равно как и жаркие объятия, также способствовали гармонии в его душе.

Особенно ему нравилась её непринуждённость в общении, граничащая даже с некой бесцеремонностью. Бывало, как скажет что-то неожиданное, а Карл не находит слов для ответа.

— Мне всё не даёт покоя твой набросок. Как ты там его планируешь назвать?.. Что-то с водой связано.

— Во-первых, это вообще-то законченная картина, которую я уже отправил на рассмотрение в Общество, — насупился Карл. — И называется она «Прерванное свидание».

— Да, вот эта. Так, что я хотела?.. Ах да, я разгадала твою тайну, Карлуша.

— Любопытно послушать, учитывая, что никакой загадки, тем более тайны в ней не скрывалось.

— Она явилась прообразом твоих картин «Итальянское утро» и «Итальянский полдень». Может быть, для «Девушки, собирающей виноград» тоже, но я не уверена.

— Вот как! Поясни, — ухмыльнулся Карл.

— Я уверена, что это было твоё личное жизненное переживание. Ты сначала изобразил девушку рядом с источником в «Утре». Эта же девушка собирает виноград в «Полдне». А потом ты не сдержался и просто нарисовал целиком всю картину, на которой присутствуют и виноград, и источник. Нет-нет, даже и не думай сознаваться или протестовать. Давай лучше заключим пари: ты перерисуешь любую из этих трёх картин, но уже со мной... А знаешь, почему я догадалась?

— Ну и почему же? Хотя я по твоей просьбе ничего подтверждать или опровергать не буду. Считаю, что это просто интерес.

— Да ты же себя нарисовал в «Свидании»! Посмотри на волосы, эти широкие плечи. Но самое главное — это твой лукавый взгляд и улыбка. Ты как будто смеёшься над теми, кому показываешь эти картины.

— Ну, смеюсь — это слишком громко сказано...

— Остановись, мы же договорились.

Они нежно улыбнулись друг другу.

Улочки Помпей теперь имели более-менее чёткие очертания. С каждым новым днём раскопки приносили новые открытия, новые антики. То и дело пара останавливалась около той или иной фрески, чтобы получше изучить, разгадать мысли авторов. Порой оба смеялись над своими выдумками. Карлу было приятно, что с Ней он мог быть собой, без всей этой шелухи показушности. Они действительно были как брат и сестра, только их связывало намного более глубокое чувство взаимопонимания. Юлия — это было имя его музы — дополняла Карла, привнося в его жизнь свои фантастические идеи из мира мистики и заговоров. Он отвечал ей рационализмом и сдержанностью.

— Всё-таки мне жаль, что такое несчастье постигло этих волевых, открытых для перемен ребят, — говорила она об участниках событий тысяча восемьсот двадцать пятого года.

— Я тоже разделяю твоё сожаление, но хочу также отметить, что тогда их мужество и решимость опережали время. Люди просто не были к этому готовы. План был обречён на провал. Жаль простых зевак, которые сложили головы за то, что просто наблюдали за происходящим. На деле приход к власти нового императора был навсегда запятнан кровью, и ему придётся многое сделать, чтобы отвлечь внимание от этого печального события.

— Но ведь во Франции удалось же? И Александр Павлович не был ярким противником новых идей. Уж я-то не понаслышке знаю, дорогой друг. Сколько раз он приглашал к себе этих масонов, квакеров, сторонников радикального христианства!.. У меня лично создалось впечатление, что он был готов их выслушать и, главное, поверить им. Разве нет? — Она уже не смотрела по сторонам, её взгляд был сейчас прикован к Карлу. Ей было необходимо знать его мнение.

— Во Франции все эти общества подогревали ненависть людей, пользуясь наплевательским отношением властей к своим подданным. Когда вопросы о собственной исключительности становятся важнее уверенности в ежедневном обеде, всегда легко завладеть умами. Как ни странно, людей, которых волнует второй вопрос, всегда больше, и их легко использовать. В России была другая ситуация. Вопрос о тарелке с супом не стоял так остро. Декабристы решали вопросы чести и справедливости, а их кровопролитием не решить — ведь они для каждого свои.

— А как же, изволь сказать, они решаются? Ведь революция — это самое эффективное и быстрое решение. Чтобы полакомиться яичницей, нужно сначала разбить яйца.

— Забавно, что ты цитируешь своего родственника. Может, средство и быстрое, но вот по эффективности... — Карл не закончил фразу: мимо проходила какая-то пара, вряд ли из России, но рисковать лишней раз не стоило. Когда они свернули на Strada dei Sepolcri, он продолжил: — С эффективностью сложнее, взять хотя бы твою Францию. Да, они казнили короля; да, у них появилась конституция с правами. Но стали ли они жить лучше? Появилась ли возможность у крестьянина стать бароном? Даже если и появился маленький шанс, хотел ли сам крестьянин этого? Каждый хочет быть богатым, здесь вопросов не возникает. А вот хочет ли сделать

что-нибудь конкретное для этого? В этом я очень сомневаюсь, моя дорогая. Посему своей миссией я избрал изменение мира не через разрушение, а через созидание. Это намного эффективнее, а главное, является побудительным мотивом для изменения поведения человека. А с ним меняются и процессы в обществе, ведь их создаёт человек.

Они шли дальше по камням, которые насчитывали более полутора тысяч лет. Эти булыжники как лежали здесь нетронутыми, так и продолжали лежать. Людская суета была им не просто чужда, а абсолютно неинтересна. Единственная сила, которая могла бы их потревожить, называлась Везувием и находилась в десятке километров.

— Жаль, что мы не можем никак повлиять на его активность. Ведь буквально два

дня назад дымил. А сейчас ничего. Опять уедем, как и все эти зеваки, ни с чем.

— Ошибаешься, Карлуша, — тон Юлии стал загадочным. Казалось, она только что приняла одно из самых важных решений в своей жизни. — Эти дни, что я провела с тобой, открыли мне глаза на многое. А также этот итальянский воздух, эти монументы, природа, энергия — всё в целом повлияло на моё решение, которым я хочу с тобой поделиться. Обещай, что не будешь со мной слишком строг. Твоя рассудительность поможет сделать тебе правильный выбор.

— Юленька, милая, ты можешь всецело на меня положиться. К чему опять загадки? Только не говори, что мне придётся опять что-то для этого сотворить. Не многовато ли пари для одного дня?

— Возможно, — ласково ответила она.



Пожар, произошедший в типичном панельном доме, не смог вызвать панику. Вместо этого он послужил началом цепной реакции, которая навсегда изменила и запутала жизни главных героев. С другой стороны, это происшествие помогает раскрыть их истинные мотивы и желания. Ведь события, влияющие на их выбор, произошли сотни лет назад.

«Folly» пытается разговаривать с читателем, погружая его в стремительное повествование. На страницах можно найти скрытый подтекст событий, действий или даже размышлений, которые неминуемо приведут к непредсказуемой развязке. События прошлого удивительно тонко переплетаются и перекликаются с сюжетами наших дней. Это книга-приключение, призванная не только развлечь вас, но и вызвать желание обнаружить что-то новое или даже по-другому посмотреть на мир.

О КНИГЕ

Лариса Полубоярова

Санкт-Петербург

Щенки взбесившейся волчицы

*Народ, не помнящий своего прошлого,
не имеет будущего.*
В.О. Ключевский

По улицам горящая река течёт
под громкий рёв лужёных глоток.
Пылают жарко факелы в руках —
эффектны будут красочные фото
на фоне флагов, лозунгов и рож,
недавно бывших лицами, а ныне
от их оскалов пробирает дрожь,
а дежавю, потоком чёрным хлынув,
отбросит на десятки лет назад,
вернёт к таким же юношам плечистым,
разлившим по земле нацистский яд
во имя высших людоедских истин.

Из низких туч посыплется не снег,
а серый пепел заживо сожжённых:
на алтаре, воздвигнутом войне,
распяты дети, матери и жёны.
Свинец сшивает намертво с землёй
«недолюдей с нечистой кровью в жилах»,
разносит ветер обречённый вой
расстрелянных за то, что просто жили.
За лесом вознесённых к небу рук
Освенцим с ненасытными печами,
а эти снова славят волчий крюк —
короткой слишком оказалась память?

Предателей в герои возведя, молясь
на палачей, как на иконы,
врагов с безумной скоростью плодят
арийцев искорёженные клоны.
Взбесившейся волчицы молоко
глотают жадно и господством бредят,
плюют на человечность и закон
сошедшие с ума «онижедети».
Вопят с трибун о славе и войне,
забыв о том, чем кончилась Вторая.
Сверхчеловеки? Полубоги? Нет.
Облезлых шавок лающая стая.

Они забыли сорок пятый, май
и Трибунала приговор суровый.
Нацистская кровавая чума
из старых схронов выползает снова.

Питерское поатомное

Ты вливаешься утром в глубокие вены метро,
ощущая себя клеткой крови огромного города.
В ритме пульса несешься его полутемным нутром,
вспоминая, как ветер трепал белоснежные бороды
кучевых облаков высоко в синеве над Невой,
как ложился туман одеялом на плечи Дворцового.
Оглушило тогда понимание — Питер живой:
дышит, любит, мечтает и верит — всё будет по-новому.
Он открылся тебе, признавая частицей своей,
принимая со всеми грехами, долгами и ранами,
изумляя таинственной магией белых ночей —
это было до дрожи интимно, пронзительно, странно и

ты на миг онемел, осознав, что едины теперь
и бескровно нельзя разделить — вы поатомно смешаны:
город, силу черпающий в горькой настойке потерь,
и вчерашний чужак, опьяневший от радости бешеной.

Техномагия

Техномагия. В каждой руке персональный портал,
горизонты открыты и личное тут напоказ.
От реальности серой и скучной безумно устав,
в паутине сверкающей ты добровольно увяз.

Здесь распахнуты двери и окна, замки не в чести,
сотни масок и тысячи образов, ворох чудес.
Безуспешно пытаюсь себя в отраженьях найти,
забретаешь всё глубже в хештегов нехоженный лес.

Перекрёстные ссылки ведут на горячий контент,
инстаграмные дивы улыбками сводят с ума,
а тройное обвитие избранных публичных лент
совершенно не душит, пьянит виртуальный дурман.

Техномагия. Мир без границ, расстояний, табу,
пальцы гладят экран, как любимой манящий изгиб.
Улетают мгновения, месяцы, годы в трубу.
Настоящая жизнь? Где-то там... Для неё ты погиб.



Николай Переяслов «Дело» Нарбута-Колченого Биографическое исследование

Тем, кому довелось родиться и жить в конце позапрошлого — в начале прошлого века, выпало множество испытаний. Каждая судьба, которая разворачивалась в лихую годину нескончаемых войн и революций, — подвиг, совершённый во имя будущего. В 1888 году пришёл в этот мир поэт, прозаик, критик Владимир Иванович Нарбут, которому позже дали прозвище Колченогий. Данная книга рассказывает о судьбе выдающейся личности, чьё имя воскресло из забвения в семидесятых годах двадцатого века, а также эпохе, кровавой и героической, пугающей и романтической, которую он называл своей.



Ольга Севостьянова Александров, Владимирская обл.

Как хороши, как свежи были розы...

Мы очень расстроились, когда из школы ушла наша классная руководительница и учительница литературы Тамара Германовна. Теперь она работает в центральной библиотеке. После уроков мы бежим к ней. И ей ничего не остаётся, как по-прежнему с нами дружить. Она приглашает нас на всякие интересные встречи, устраивает вечера поэзии. Недавно мы выступали со стихами в прозе Тургенева. Я, конечно, свою любимую «Собаку» читала:

*«Нас двое в комнате: собака моя и я.
На дворе воеет страшная, неистовая буря.
Собака сидит передо мною — и смотрит
мне прямо в глаза. И я тоже гляжу ей в глаза.
Она словно хочет сказать мне что-то. Она
немая, она без слов, она сама себя не понимает
— но я её понимаю...»*

Ещё я выучила и рвалась рассказывать «Как хороши, как свежи были розы...», но Тамара Германовна отдала стихи другой девочке. И вот теперь я не спускаю с одноклассницы глаз — и беззвучно повторяю за ней завораживающие строки:

*«Летний вечер тихо тает и переходит
в ночь, в тёплом воздухе пахнет резедой
и липой; а на окне, опершись на выпрям-
ленную руку и склонив голову к плечу, сидит
девушка — и безмолвно и пристально смо-
трит на небо, как бы выжидая появления
первых звёзд...»*

Как хороши, как свежи были розы...»

На вечер Тамара Германовна пригласила свою приятельницу, театрального режиссёра Надежду Степановну Аронецкую. Несколько лет назад она создала в Кишинёвском институте искусств свою мастерскую и ведёт там факультет актёрского мастерства. Ребята учатся уже на последнем курсе. Поставили спектакль «О времени и о себе», с которым и к нам в школу приезжали. Мне очень понравилось. Я обожаю театр.

После вечера поэзии Тамара Германовна познакомила меня с Надеждой Степановной.

— Хочешь актрисой стать? — спросила меня режиссёр.

— Нет. Я учительницей буду. Как Тамара Германовна, — ответила я.

— Ну, всё равно приходи к нам на занятия, — улыбнулась Надежда Степановна. — Может, и передумаешь ещё...

Я удивилась, конечно, но пошла. Надежда Степановна велела мне при всех читать стихи — и я читала. Только стеснялась очень, хотя ребята на меня и внимания не обращали. Они уже взрослые, им уж, наверное, больше двадцати лет, они без пяти минут настоящие артисты — а тут я, школьница.

Месяца три, наверное, я ходила к ним на репетиции, слушала их разговоры. Узнала, что в их группе учится актриса, которая снимается в кино. Недавно вышел фильм с её участием, «Красные поляны» называется, а теперь она в «Живом труп» снимается, по произведению Льва Толстого. Поэтому на занятиях бывает редко. Я, конечно, ждала её прихода, хотелось посмотреть на настоящую актрису, но при мне она так ни разу и не появилась.

Между тем в труппе началась подготовка к выпускному спектаклю. Сегодня у ребят читка. Они читают по ролям пьесу, которую будут ставить. Совсем как мы на уроках литературы с Тamarой Германовичей читали. Я слушаю. И вдруг Надежда Степановна хлопает в ладоши и говорит:

— Всё, всё, ребята, перерыв...

А потом мне:

— Вот тебе задание: представь, что ты находишься на балу, объявляют белый танец — и тебе надо пригласить того, в кого ты тайно влюблена.

Кажется, кровь отхлынула у меня от лица. Или наоборот. Не знаю. Помню только, что выполнить такое задание было невозможно. Один парень мне очень нравился. Я его заприметила ещё тогда, когда они у нас в школе выступали. Конечно, главный герой. Высокий красавец с пышной шевелюрой светлых волос и благородным лицом. И очень талантливый. Точно будущая звезда. Я уже знала, что зовут его Олег Лачин. И как это, интересно, я сейчас на глазах у всех подойду к нему и приглашу его на танец? Я долго толкалась по сцене, ходила кругами, переминалась с ноги на ногу. Ребята разошлись на группки, разговаривали, занимались своими делами, а Надежда Степановна глаз с меня не спускала.

Наконец, с большим трудом я решилась: молча подошла к Лачину и остановилась перед ним, опустив голову. Вот уж тут кровь точно прихлынула к моим щекам. А Олег как ни в чём не бывало продолжал разговаривать с другом, как будто меня здесь вовсе и не было. Этюд — я потом узнала, что это был этюд, — я точно провалила.

...Когда спустя несколько месяцев я сдавала вступительные экзамены в университет, мне позвонила мама и сообщила, что Надежда Степановна предлагает мне поступать к ним в труппу. Они все вместе уехали в Тирасполь, чтобы создать там молодёжный театр.

— В какой Тирасполь? — закричала я. — Я буду учиться только в Ленинграде!

— Ну, вольному воля, — вздохнула мама, хорошо зная моё беспредельное упрямство. — Твоя жизнь, тебе ею и распоряжаться. Но лично я бы пошла в актрисы.

В актрисы я не пошла, но всегда живо интересовалась театром в Тирасполе, когда приезжала домой на каникулы. Узнала о том, что Олег Лачин женился на той актрисе, о которой я только слышала; что у них родилась дочь. А потом Олег трагически погиб. А Светлана Тома после фильма «Табор уходит в небо» стала мировой знаменитостью.

...И всё-таки мы с ней встретились! Совершенно неожиданно. Это случилось в 90-е годы, через четверть века после описанных событий. Она тогда жила уже в Москве, а я работала в местной газете в небольшом городе средней полосы России. Светлана приехала в наш городишко на гастроли, и я впервые, наконец, «живьём» увидела ту, которую так хотела увидеть ещё тогда, в детстве. И, прежде чем взять у неё интервью для газеты, спросила:

— Светлана Андреевна, хотите, я вас удивлю?

Она удивилась уже моему вопросу.

И тогда я рассказала ей эту историю. И мы вместе молчали. А потом я задала ей дежурные журналистские вопросы о её творческих планах. И о творческих планах их с Олегом дочери — актрисы Ирины Лачиной.

И вот теперь, спустя уже целую жизнь, я открываю Интернет и читаю, что примерно в то же время, в 1993 году, из жизни ушла Надежда Степановна Аронецкая. И что Приднестровский театр драмы и комедии, который она создала тогда в Тирасполе, носит сегодня её имя. И по щекам моим текут слёзы.

«Свеча меркнет и гаснет... Кто это кашляет там так хрипло и глухо? Свернувшись в калачик, жмётся и вздрагивает у ног моих старший пёс, мой единственный товарищ...

Как хороши, как свежи были розы...»



Кристина Тюрькаева

Орск, Оренбургская обл.



Благословение

23 декабря 1569 г. от Р. Х.

В Отроч-Успенском монастыре все уже разошлись на покой, когда привратника поднял с постели громкий стук в ворота. Помня слова Христа: «Стучите, и отворят вам!» — сонный привратник отпер засов и обмер.

— Доложи своему Владыке, что пришёл раб Божий Гришка челом бить да грехи замаливать! — Свирепого вида человек маленького роста, но крепкого телосложения, с воспалённым, нездоровым лицом уставился на монаха немигающим взглядом.

Узнав в неожиданном госте ближайшего сподвижника царя, бедный инок, побелев как полотно, бросился со всех ног к келье

Филиппа, с одной-единственной мыслью: «Только бы не спал!»

Филипп действительно не спал в эту ночь. Он молился. Молился о сохранении Руси и о том, чтобы Господь вразумил, наконец, государя Иоанна Васильевича. Который год реками льётся невинная людская кровь по Русской земле, а царю везде мерещатся заговоры и интриги, он всюду чинит казни, а после — шумно кается, разгуливая по Александровской слободе в монашеском одеянии, распевая покаянные стихиры собственного сочинения. Но покаяние быстро переходит в очередную дикую, разнузданную, кровавую оргию...

Филипп, как мог, пытался утихомирить самодержца. За что и поплатился саном и был пожалован ссылкой в далёкий тверской монастырь. Но знал, что его и тут не оставят в покое.

Весть о посетителе от насмерть перепуганного инока старец воспринял спокойно, велел позвать гостя в келью. Тот не замедлил явиться.

Низко поклонившись, этот человек, от одного имени которого трепетало всё кругом едва ли не сильнее, чем от имени самого царя, сказал самым смиренным голосом, на который только был способен:

— Владыка святой, дай благословение царю идти на Великий Новгород!

Филипп строго и спокойно посмотрел прямо в глаза просителю. Старец был осведомлён о недавнем убийстве двоюродного брата государя. Владимира Андреевича, князя Старицкого, убили по указанию самого Иоанна. И вот теперь царь хочет утопить в крови Новгород, потому что думает, что там остались сторонники Старицкого, которые к тому же жаждут перейти под владение Польши.

От спокойного, прямого взгляда, устремлённого на него, у малорослого человека дрогнуло сердце. Этот опальный архиерей, пожалуй, был единственным, кто осмеливался так на него смотреть. На него, чьё прозвище стало в народе нарицательным

для самых отъявленных злодеев и палачей!

Филипп молчал.

Человек продолжил:

— Дай благословение, отче! Ведь царь заботится лишь о том, чтобы на Руси был мир и покой! А в Новгороде засели изменники, которые хотят отдать русские земли ляху Сигизмунду!

Однако видя, что такие уговоры оставляют старца равнодушным, посетитель зашёл с другой стороны:

— Государь щедро вознаградит тебя! Я сам похлопочу, чтобы тебя вернули в Москву!

Но взгляд ясных глаз собеседника остался непреклонным, и проситель понял, что даже такой щедрый посул не умиловит упрямого Филиппа. Устав притворяться, гость сбросил маску благочестия и снова стал тем, кем был, — первым, самым преданным и самым страшным из царских опричников — Малютой Скуратовым. Чувствуя, что гнев переполняет его, он крикнул старцу прямо в лицо:

— Ты всё молчишь?! Или ты забыл, кто я?! Или не знаешь, что могу сделать с тобой?!

— Делай, что хочешь, но дара Божьего не получают обманом, — последовал спокойный ответ. Филипп, не глядя больше на гостя, опустился на колени и продолжил молитву.

Малюта, трясаясь от ярости, схватил подушку с убогой кровати старца, повалил его на пол, и через несколько минут всё было кончено. Бывший Митрополит Московский и всея Руси Филипп был мёртв.

Тяжело дыша, проситель вышел из кельи и сказал толпившимся неподалёку монахам:

— Задохся Владыка... От духоты келейной задохся... — После чего сел в свой возок и уехал.

...Царю Иоанну Васильевичу не спалось. Он ждал. А в голове меж тем всё звучали слова проклятого опального Митрополита, которого он отправил с глаз долой в далёкую Тверь. Теперь же будто сам голос Филиппа всюду преследовал мучимого бессонницей самодержца: *«Не узнаю Царя Православного... Не узнаю и в делах Царства... Везде грабежи, везде убийства, и совершаются именем Царским... Достояние и жизнь граждан не имеют защиты. Ты высок на троне; но есть Всевышний, Судия наш и твой. Как предстанешь на суд Его? Обагрённый кровью невинных, оглушаемый воплем их мук?»¹*

Муки... Муки... Царь со стоном медленно опустился у иконы и начал молиться, но слова путались, слетая с языка. Иоанн тревожно встал и пошёл из угла в угол по полутёмной горнице.

Где же Малюта?! Почему его так долго нет?! Неужели этот старый гордец Филипп опять упрямится?!

Верный слуга Малюта, как пёс верный! Он понимает Иоанна без слов, по одним глазам. По полунамёкам. А что если придётся прибегнуть к последнему средству, предложенному им, и... Но, может быть, старец окажется сговорчивее.

Наконец, скрипит тяжёлая дубовая дверь. Входит запыхавшийся, красный от мороза Скуратов-Бельский. Входит и тут же протягивает царю тряпочку — это лоскуток от подрясника:

— Филипп отказался выполнить твою просьбу, Государь.

Иоанн молча принимает «подарок» и, открыв заслонку, бросает его в печку. Да, верный Малюта всегда понимал его без слов. А Иоанн Васильевич Грозный никогда не щадил непокорных. Великий Новгород был обречён...

¹ При написании рассказа использован труд Н. М. Карамзина «История государства Российского».



Рената Юрьева

Кочневка,
Новосибирская обл.



Сургут

*5 августа 1975 г. открыто движение
по железной дороге «Тюмень — Сургут»*

Забит в Тюмени костыль начальный:
Железному здесь полотну
Был старт положен, старт эпохальный —
Путь на восток и в новизну.

Энтузиазма ребятам бравым
Не занимать в той стройке лет.
В краю сибирском и величавом
Держали Родине ответ.

Минуло девять лет авантюрных:
Сургут свой первый ждал состав —
Полста вагонов встречал он бурно,
Людей ликующих собрав.

Туман сомнений, усталых будней
Развеял подвиг молодых.
Нет наших русских безрассудней,
Но и сильней, смелей нет их.

«За отвагу»

Как подвиг оценить героев,
Измерить чем их ратный путь?
Когда Отчизна за спиною,
В её защите — жизни суть!

Сверкает на груди солдата
Медаль, что «За отвагу». Та,
Которой семьдесят пять! — дата,
Достойная на все лета.

Одна из первых и почётных,
Советских и российских дней,
Хранит военных лет бесщётных
Историю России всей:

Крещение было на границе
У озера Хасан в бою,
На Халхин-Гол — ещё страница,
И с финнами медаль в строю...

Войны Отечественной ужас
Смогли осилить, победить.
Накрыло многих вечной стужей,
А им бы жить ещё, любить...

Сергей Алешков шестилетний —
Герой войны! Отваги сын!
Из детства сделал незаметно
К бессмертью шаг всего один.

Медаль отметила героев,
О ней бы только вспоминать
И добрый мир всем вместе строить,
Но... выстрелы звучат опять...

Афганистан, Чечня... медали
Отважных пополняли счёт,
Бойцы, как и они, — из стали,
Когда долг Родины зовёт.

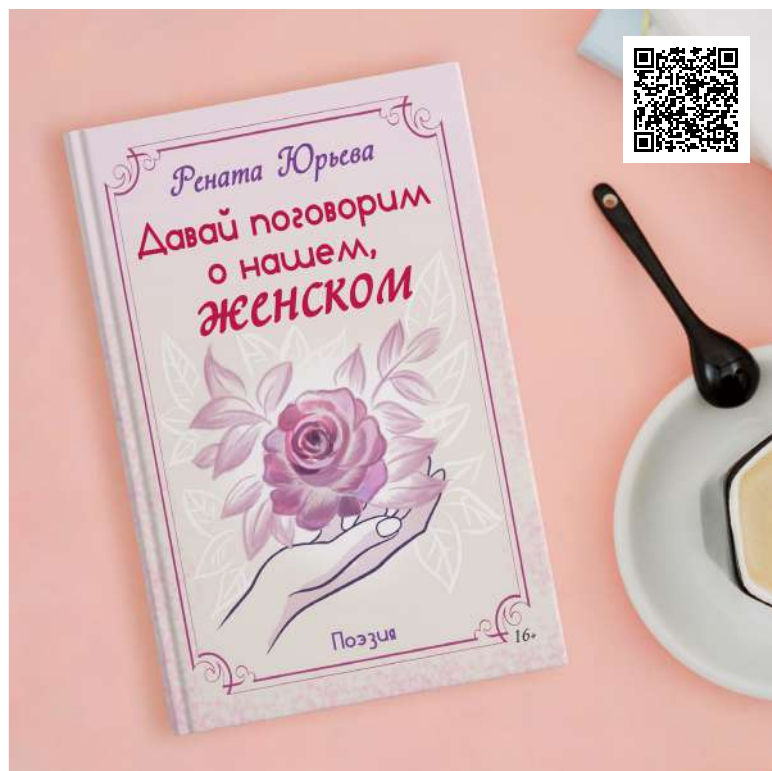
Ни расстоянием, ни далью
Забвенью не предать её:
За каждой врученной медалью —
Отвага, подвиг и любовь.

Простой купец

Он — не паломник, не вояка, —
Купец лишь среднего достатка,
Но Индию открыв случайно,
Страны той приоткрыл нам тайны.
Он не нашёл товаров нужных,
Был бит татарами, но сдюжил.
Богат не стал, ничем не правил,
Но главный клад он нам оставил:
Его дневник хранит контрасты
Страны слонов, полей цветастых:
Богатства местного султана
И нищету крестьян бесславных.
Религий россыпь и молитвы,
Значенья колесниц для битвы,
Легенды и семей уклады.
Хождения не ради славы.
Минует четверть века с драмы, —
Откроет Индию да Гама.
Но Афанасий наш Никитин
Соединил держав двух нити.

Запахи, вкусы и песни

Память хранит ароматы и вкусы,
Песни скрывают секреты былого.
Я убеждаюсь в том снова и снова,
Перебирая судьбы моей бусы.
Запах полыни серебряно-горькой
В детство моё возвращает, в «окопы»,
Где мы, играя, «прошли пол-Европы»
В битвах за край свой ватагою стойкой.
Яйца варёные и помидоры... —
Сбор урожая вновь — перед глазами:
Свёкла, картофель большими рядами,
И лязг лопат, песнопения хором...
Песня Дассена, певца миллионов,
Первый роман школьный увековечил.
Жив стройотряд в песне «Ой, то не вечер»...
Полон мобильный мой милых рингтонов.
Жизнь в суете всё тусклее и пресней.
Есть лишь «сегодня», реальности буден.
Только душа никогда не забудет
Прошлого запахи, вкусы и песни...
Жизнь в суете всё тусклее и пресней.



«Я — женщина, и этим я сильна». Вот слова, которые лучше любых отражают суть сборника стихотворений Ренаты Юрьевой, посвящённого темам, что близки сердцам милых дам. О родстве душ, о робких взглядах и прикосновениях, о доме и его значении для ощущения внутреннего комфорта, о семье и детях написаны лиричные произведения, пробуждающие эмоции. Традиционные и одновременно актуальные, близкие каждой читательнице и вечные, так как отражают роль женщины в судьбе мира и её предназначение, — строки проникают в самое сердце.

Владислав Бусов

Кашира, Московская обл.

Распускается тополь по-прежнему,
Посадил его в мае поэт.
На поля выходил он безбрежные,
На луга, где лазоревый цвет.

На Оку выходил синеглазую
И в просторные дали глядел,
И слова оживали непраздные —
Он стихами за Русь отболел.

И поныне живёт слово чистое
И лучистое, словно венец.
Там, за дальними вечности высями,
Бережёт его душу Творец.

Есенинская строфа

Выткался на озере алый свет зари...

Сергей Есенин

Выдался по-летнему тёплый майский день.
Средь берёзок трепетных птиц весёлых звень.

Небеса лазурные не омрачены
И лучами-струями светят с вышины.

Буйный цвет черёмухи — от неё дурман.
Яркими, как сполохи, грёзами я пьян.

Пронесётся с ветрами дивный месяц май,
Отзвонит приветами и покинет край.

Юность не воротится, сколько ни проси.
Колокол на звоннице это огласит.

В жизни так устроено — прорастёт зерно.
Каждому отмерено то, что суждено.

Прикосновение

«Несказанное, синее, нежное...» —
Я держу поэтический клад,
А поля нынче зеленью свежую,
Как и прежде, мой радуют взгляд.

След поэта в трагической точке,
След поэта в приокских лугах,
В каждой памятной образной строчке
И в привольных весенних полях.

Проскакать бы за ним мне вдогонку
Так, как он «гулкой ранью» скакал,
И увидеть того жеребёнка,
О котором в стихах написал.

Посмотреть бы с холма на излучину
Той реки, у которой он рос,
Чтоб в душе отозвался созвучием
Тихий шелест рязанских берёз.

На крыльцо зайду и в сени
Дома твоего.

Я приду к тебе, Есенин,
Постучусь в окно.
Ты откроешь мне калитку,
В сад с тобой пройду,
Там, где белая накидка
Яблони в цвету.

Постоим мы у сарая,
Вспомним сеновал,
На котором ты, мечтая,
О любви писал.

И пойдём на луг, Есенин,
Ты покажешь мне,
Где пасутся в час весенний
Кони на заре.
Сколько лет пройдёт, не знаю,
Но скажу, поэт,
Ты в душе моей оставил
Неизбывный след.

Гой ты, Русь, моя родная...
Сергей Есенин

Я сегодня встану рано,
Чтоб увидеть ширь полей.
Солнце мне блинов румяных
Испечёт погорячей.

В небе жаворонок вьётся
С песней звонкою своей.
Славно так ему поётся,
От неё в душе светлей.

Я сегодня утром рано
«Божьей дудки» слышу грусть.
Так поэт золотоглавый
Воспевал родную Русь.

*Эта улица мне знакома
И знаком этот низенький дом.*
Сергей Есенин

Найти слова мне осени печальной
О времени багряно-золотом,
И чтоб звучало это не банально,
И озаряло тихим светом дом.
Тот дом родной родительский поэта,
Что по сей день живёт в его стихах,
Не потому ли первозданным светом
Горят костры в рябиновых садах...



*О Русь, взмахни крылами!
Поставь иную крепь!*
Сергей Есенин

Во все года бывшие
Поэта глас в России
Звучал, как камертон,
Звал к обновленью он.
Кольцов в «золотой ряднине»
И Клюев, как и ныне,
«Середний брат» он с ним,
Деревне пели гимн.
Шёл вместе с ними в ногу,
Молясь в дороге Богу,
Есенин, воспевая
Родную Русь, и рая
Ему взамен не надо.
Поэту как награда
«Воспрянувшая» Русь.
С ним тоже помолюсь:
Как прежде, в небе синем
Лети вперёд, Россия!
Все помыслы о том —
Будь сильная крылом.





Виктория Никитина

Калининград



Победная весна

Ещё дымится небо от салютов,
Доносятся ликующие хоры,
А в мыслях все уж дома и в уюте,
И всюду разговоры об уходе.

Вокруг руины, пепел да воронки,
А яблонь искалеченные ветки
Осыпали цветами гимнастёрки
Своих освободителей навеки.

В саду играет девушка на скрипке.
Смычок взмывает певчей птицей в небо...
Он всю войну молчал в футляре хлипком,
Словно в броне, хранимый для победы.

Чужой чернеет город за плечами,
Их башни, словно пики, небо ранят,
А наши города под куполами,
Святой их звон Россию сберегает.

Весна. Май на чужбине сорок пятый,
Победу славит яблоневым цветом.
К отъезду всё готово на закате.
Скрипачка уезжает с лазаретом.

Прощаясь, разрыдались струны скрипки...
У юноши глаза искрят слезою.
Она прекрасней нимфы Эвридики.
К ней ветки тянет яблонька фатою.

Мечтать!

Заневестился май за окном
Ещё краше тех минувших вёсен,
Затуманенных призрачным сном,
Занавешенных вьюгой белёсой.
В вешнем буйстве новых сонмов
Первоцветов, в сиянии плёсов

Утонула с закатом печаль.
Ночь явилась вся в белых одеждах
Диких яблонь и вишен... Мечтать
Буду, глядя на месяц с надеждой,
Вновь ладони свои подставлять
Под звездою падучей, мятежной.

Майский дождь

За окном весны цветенье,
Аромат как наважденье.
Мы расстались так нелепо.
Дождь сорвался с неба слепо
И стучит, стучит в окно...

Плащ наброшу я на плечи,
Знаю я, мне станет легче.
Прогуляюсь бодрячком
С майским ветреным дождём.
Полюбуюсь заодно

На лазурные листочки,
На умытые цветочки,
Под навесом постою
Да голубку покормлю.
Дождик льёт, мне всё равно!

Птички тоже не унылы,
 Льются трели заливные.
 И, как в детстве, марафон
 Я с дождём бегу, а он
 Пузырей взбил миллион.

Ох! надолго зарядил,
 Зарыдал, как крокодил.
 Утешать его нет толку,
 Пора сделать остановку.
 На своё гляжу окно.

И теперь я лишь мечтаю
 Заварить покрепче чаю,
 А бальзама аромат
 Сон подарит под закат
 И дождинок баритон.

В тумане

В тумане житейского дня мне мечталось...
 Шепталась со звёздами в тихую ночь,
 На месяце ясном, как в сказке, качалась,
 А ветер мне в ухо свистел:

— Сказки прочь!

Клубились туманы над морем бездонным,
 Седые, как пряди волос, будто кто
 Вьёт кокон, коснувшись

движением сонным...

Спит в той колыбели видений виток.
 А время бежит безоглядно вперёд,
 Мир грёз за туманами серыми тает...
 Лишь память седая ту нить разовьёт —
 Созревшей строфою виток оживает.

И вновь за мечтою уносит в простор,
 Где зори навстречу спешат,

словно парус...

Свистит снова ветер вдогонку в укор,
 А месяц задумался, как Нострадамус.



Весенняя сказка

В парке черёмуха кисти роняет.
 Воздух хмельной от пыльцы.
 Только весной ощущение рая.
 Феи сплетают венцы.
 Наши тропинки сошлись неслучайно.
 Это был миг волшебства.
 Первой грозы где-то рядом ворчанье.
 Капля. Потом темнота.
 Ливень хлестал по зонту и по листьям.
 Только он нам не мешал.
 Сказка не может, увы, долго длиться.
 Да... и весна отцвела.

Майская благодать

Весна спешит, благоухает.
 В саду сирень ещё свежа.
 Закат надеждой полыхает,
 В кудрях черёмух ворожа.
 Смущают тайные желанья,
 И дарят взгляды обещанья
 Любви бездонной, неземной,
 И в жилах кровь бурлит волной...
 Будто цыганка, карты сбросив,
 Все звёзды высыпала ночь,
 Судьба на всех одна, точь-в-точь,
 Какую май всегда пророчит.
 Весна вскипела — время вспять!
 Застыли стрелки, как печать.

Свободна! Нет теперь препятствий,
 И даже, если это блеф,
 Ведь хуже нет тоски объятий.
 Мне нужен счастья фейерверк,
 На грозы майские похожий,
 И улыбнувшийся прохожий,
 И плеск фонтана, детский смех,
 Чтоб к счастью не было помех.
 О! разве этого так много?
 Пусть благодатный только дождь
 И птичья трель наводят дрожь,
 Да взгляд любимый у порога.
 Спешите мая благодать,
 Как Божью искорку, принять!

Май в Питере

Звёзд не видать. Тусклый свет фонаря.
 В небе белёсом как тень облака.
 Белые ночи... ни день, ни заря.
 Как в зазеркалье, в Неве купола...
 Стих гордый Питер в магическом сне
 Чей-то светильник зажётся в окне.
 Воздух, что сладкое зелье из грёз,
 Омут — черёмухи белой копна
 В майскую ночь искушений и слёз...
 Ты от судьбы своей словно пьяна!
 Слушай Чайковского трепетный «Май»,
 С ним насладись, о своём помечтай.

Сиреневое чудо

Уже благоухает нежная сирень,
 А значит, недалёк весны последний день,
 Надежды не сбылись... не радуется весна,
 А мир весь чёрно-белый, словно береста.
 Лови последний шанс!
 Что вянешь от тоски?
 Ладони подставляй под звёзды-лепестки,
 Их нежности поверь и в тайну пяти цифр.
 Весна за всё в ответе. Как же чуден мир!

Зарябило

Зарябила весна
 Кружевами рябин.
 Закружила мечта,
 Под рукой нет перил.
 В изумрудных лугах
 Обнимал меня мил
 И носил на руках,
 Полных ласки и сил.
 Он поверить просил
 И молил поцелуй...
 Я шептала без сил:
 — Погоди, не балуй!
 Пел всю ночь соловей,
 Он свидетель любви.
 Всё так было, ей-ей!
 Был рассвет, как в крови...

Лето вмиг пронеслось.
 Опустела тропа,
 Где мечты на авось
 Всё летят в никуда...
 Вот зарделись рябин
 Гроздья спелые, но
 Горек вкус от обид.
 До зимы далеко.

Благо дарите

Зачахли роскошные грозди сирени,
 Роняла черёмуха кисти устало.
 Весна, увядая, зажгла со смиреньем
 Прощальные свечи на ветках каштанов.
 Не может быть вечно девица невестой.
 По-царски вступая под солнцем в зените,
 Вальяжное лето пришло ставить вето
 На всё, что отпето, подарит зарницы,
 Бессонные ночи на сене душистом,
 Поляны в лесу земляничные с мятой,
 Горячий песочек под небом лучистым...
 Учитесь дарить, и вы станете святы.

Свидание с детством

Дом у реки всё такой же, как в детстве,
 Хоть утекло и немало воды.
 Наши берёзки по-прежнему вместе,
 Только на крышу глядят с высоты.

Что-то тропинки той нашей не видно,
 Берег зарос весь травой густой.
 С удочкой, помню, мы здесь проводили
 Столько закатов с девчонкой чудной.

Рыбка искрилась на лунной дорожке,
 С ней поплавок кувырчался шальной.
 Смех заводной её клёва дороже.
 Хоть бы подольше не звали домой!

Глаз не сводил со смешной её чёлки
 И озорных огоньков чёрных глаз.
 Что это было? Не думал я. Впрочем,
 Помню, скучал без неё. Егоза!

Дом наш как призрак в воде отразился.
 То прояснится, а то зарябит...
 Тихо закат за деревьями скрылся.
 Хор лягушачий вдогонку летит.

Отпуск с Бетховеном (Лимерик)

Собирала жена меня в отпуск.
 В чемодан, как подарочный бонус,
 Свёрток с чем-то впихнув,
 Озорно подмигнув.
 Заподозрил я сразу в нём фокус.

Я курортник, при белой панаме,
 Как положено летом в Анапе.
 Вот однажды всерьёз
 Получился курьёз.
 пляж песчаный. И звёзды на пальме.

Ночь. Луна надо мной колдовала.
 Я не помню такого провала.
 Вдруг мадам, как мираж!
 Я за нею, как паж,
 В тех ботинках, что жёнка пихала.

Тут куда-то луна задевалась,
 А огромный детина, казалось,
 Молча шёл на меня.
 И ему втихаря
 Засадил я ботинком не малость.

Раздалась на всю улицу ария,
 И неоновых ламп мерцание.
 Я спасённый женой!
 И Бетховен со мной.
 И ботинки прошли испытание.

Рекомендуем книги автора

Бессонница



**Я вспоминаю всё
 до мелочей**



Ирина Савченко

Минск

ПОСВЯЩЕНИЯ АВГУСТУ

Здравствуй, милый сердцу август!

Здравствуй, милый сердцу август,
Звёзд хрустальный перезвон!
Ты — и грусть моя, и радость.
Ты давно в меня влюблён.

И цикады, и свирели,
И рассветный шёпот трав —
Преданные менестрели
Твоих чувственных забав.

Дремлет, небо оттеняя,
Волн закатных бирюза.
Грустной глубиной пленяя,
Смотрят вдаль твои глаза.

Наряжаешь меня в платья
Василькового шитья,
В твои тёплые объятия
Безоглядно брошусь я.

Нежностью меня стреножишь —
В лепестках пурпурных роз,
Наслаждаясь бронзой кожи,
Позолотою волос.

Август мой, посланник Божий,
Счастье и моя беда.
Я люблю тебя до дрожи
Всей душою — навсегда!

Август 2019 г.

Браслав, Витебская обл., Беларусь



Катилось лето...

Катилось лето.
Август жёг,
Роняя звёзды в наши руки,

Пленяя таинством дорог,
Где грёзы, всполохи и звуки,

Где сны и ветхие мосты
И напрочь выцветшие крыши.

Мы так красивы, так просты —
Как пара сочных спелых вишен.

Мы бесконечно влюблены,
Мы так наивны и беспечны.

Мчим, будто даты — сочтены.
И медлим, словно вечер — вечен.

Мы нежимся в сплетеньях рук
Хмельных неистовых закатов,

Смакуя этот мир вокруг
И роскошь дней, навек распятых.

Купался август,
Как в вине —
В пьянящей неге чувств и света.

Допей!
Один глоток на дне —
Игристо-солнечного лета.

*Август 2020 г.
Минск*

Сегодня вновь дождит с обеда...

Браславу посвящается

Сегодня вновь дождит с обеда.
Синь неба дремлет на буйке.
День не спеша, за солнцем следом,
Уносит лето в рюкзаке.

Пляж с меланхолией в обнимку
Глядит в сапфировую даль.
Прибой лениво чешет спинку.
Уходит август.
Очень жаль.

Озёрный плёс, любуясь небом,
Колышет прелесть прошлых дней.
Хранит свою влюблённость к лету,
Как в тайнике — на самом дне.

И солнца шар, скатившись в лузу,
Шлёт поцелуй моей щеке.
Крадётся осень в ритме блюза,
Уходит лето налегке.

Смахну прозрачную грустинку
С полуопущенных ресниц.
Уже взлетают паутинки —
Для ловли грёз осенних птиц.

Прильнув к озёрной мгле, скучает
Зигзаг береговой черты...
Прощаясь, лето обещает
Вернуться в снах среди зимы.

*Август 2020 г.
Витебская обл., Беларусь*





Вера Степная

Тамбов

Тамбовские дворики

Старые тамбовские дворы,
 Переулки, зыбкие пролёты...
 Дотянули век свой до поры
 Наших дней и памяти исхода.
 Те, кто преданы безмолвной старине,
 Собирают книгу по круплицам,
 Чтоб история жила в насущном дне,
 Чтоб аукались с часами половицы.
 Палисады, ручки у дверей,
 Номерные знаки и столярка...
 У свечей погасших руки грей,
 Разминая пальцами огарки.

Прощание с Ленинградской

Спит в этих зданиях уставшая душа,
 Старательно свой возраст забывая...
 Как часто мы стремглав,
 как редко — не спеша
 Времён границу в памяти вскрываем!
 Как будто что-то из былых времён
 Макушки нам отечески целует
 И сладко в грудь вливает перезвон,
 Жилым теплом в озябшие ладони дует!
 А там — уж нет окон, дверь отперта,
 Там пол — прогнившие от века балки,
 Как съеденные зубы изо рта,
 Нам ощетинились усмешкой жалкой.
 Ах, эта соломонова звезда,
 Раввина рвением продлила расставанье!
 Зачем же мы, зачем нагрязнили сюда,
 Какую истину мы ищем в угасанье?
 Всё срубы, изошрённости резьбы,
 Всё каменные своды разных стилей...
 Ведь строили же город городьбы,
 Ведь были ж мастера! Ведь были ж, были!
 Сложился наш купеческий Тамбов
 По камешкам, по малым вертикалям,
 Седая старина умолкнувших дворов
 Оторванною ставнею сигналит.
 Давно уставшая и спящая душа
 Твоих домов и двориков в печали,
 Идём по Семинарской не спеша,
 Мы с Ленинградской нынче распрощались.

Экскурсионный выходной

Пост Великий. Родительская суббота.
 И трёхлетье слияния Крыма с Россией.
 Десять тридцать. Соборная. У главного входа.
 В историческом центре Тамбова, на месте силы.
 В новоделе высокой зелёной часовни напротив
 Временное окошко ступеней, ведущих книзу...
 Затаивши дыханье, тихонько по кругу обходим...
 — Здравствуй, наша история и твои вековые сюрпризы!

Кафедральный Собор в нашем детстве предстанет музеем,
В девяностых лихих и к двухтысячным ближе
Мы выросли со временем, и виски становились белее,
А сердца открывались молитвам и голосу свыше.
Так что, к раке припав питиримовских мощей нетленных,
Мы надеялись благодать на стыке веков обрести.
Итальянская живопись ликов священных
В переулках души и дворов помогала не сбиться с пути.
Тех годов переломных запомнился запах сосновый
Пола верхнего храма, когда при глубоком поклоне
Укреплялась душа на пути к испытаниям новым
Перед тем, как хлебнуть мировую агонию.
Так что, можно сказать, что сегодня свиданье
Состоялось со временем и с народом,
Отменили автобусное расписание,
Чтобы пешим прогулкам предоставить свободу!

Прогулка по Набережной

Щёлкнет дверца на Рылеева замком:
— Погуляем по Тамбову вечерком?
— Окунуться бы в карьер с водой хрустальной!
— Оказаться б на премьере театральной!
— Вот любимый восемнадцатый: пора!
Остановка у Гостиного двора.
Мы Большую переходим по подземке,
Верстовым столбом почтаamt кивнул туземкам.
Начинаем культпоход от Питирима,
Карусели, Олд-дисней, часы — всё мимо!
По цветной, по царской плитке мы идём,
Полукруглые ступени под дождём
Стали старше одной августовской нотой,
Повинуясь морозящему фокстроту.
Слева — берег первозданный и мосты,
Справа — вал, дома старинной красоты!
У танцующих фонтанов постоим:
Хороши они сиянием ночным!
Держим курс на место пыток, к Мужикику,
Поддержаться за кормилицу-соху.
На Покровскую с мольбой взирает, тих...
Донесём ему в два голоса наш стих.
Удаляемся от площадных страданий,
Хлыщет дождь кнутами в спины на прощанье,
Обеспечивая лёгких воспаленье.
До свиданья, город! Жди нас на Успенье!



Лариса Агафонова

Москва

Лидочка

(Продолжение. Начало в №№ 2, 3/2021)

К вечеру Лидочка уже считала минуты до окончания смены. Больше не то что не удалось прилечь, даже чай с пирожком пришлось пить на бегу. Некогда даже было к сыну забежать. Ваня уснул на кушетке, измаявшись в четырёх стенах.

Сдав смену, Лидочка присела рядом и с нежностью смотрела на любимое личико. Сынок тихо посапывал, обняв плюшевого енота, небольшой, потрёпанный временем и объятьями талисман, которого Ваня везде таскал с собой. Хотелось прилечь рядом в тишине и никуда не ходить. Но больничная тишина обманчива: скоро начнётся вечерний обход, перевязки, уколы и раздача лекарств.

Надо себя пересилить и идти домой, а по дороге забежать в магазин за провизией. «Вот было бы хорошо — приходим в общежитие, а нас там встречают с горячим борщом и котлетами», — размышлялась Лидочка. «Ишь ты, котлеты ей подавай, — мяукнул внутренний голос. — Вот придёшь, нажаришь, и будут тебе котлеты. А борщ

завтра сваришь». «И то верно. Что это я разнюнилась? И кто бы это нас встречал с ужином? Тоже мне, фантазёрка. Никто нам с Ванечкой не нужен, нам и вдвоём замечательно».

Весь следующий день Лидочка крутилась как электромётка: помыть, приготовить, убрать, накормить и развлечь. И всё это с улыбкой. А как же ещё? Ванечка — её свет в окошке, так редко видит маму не в белом халате, а в смешном переднике с белкой и зайцем (сам выбирал маме в магазине на Восьмое марта). Днём гуляли в парке, кормили как раз белок, а вечером смотрели мультфильм и ели наскоро испечённый медовик.

Хорошо им вдвоём, тепло и уютно.

Выходные почему-то всегда пролетают незаметно, и наступает новый рабочий день. Ну так это и есть жизнь. Разве нет?

К счастью, следующее суточное дежурство маячило где-то вдалеке, и можно было рассчитывать на обычную, хоть и суматошную, смену в отделении. Можно было.

В обеденный перерыв Лидочка собралась сбежать в магазин, посмотреть зимнюю куртку для Ванечки. Скоро зарплата, и, кажется, даже обещали премию к Новому году, так что можно будет немного пошарить. Только немного, конечно.

Лидочка уже стояла в дверях, когда в стринскую заглянула высокая темноволосая женщина с покрасневшими то ли от слёз, то ли от недосыпа глазами.

— Простите, а где я могу найти Лиду?

— Это я. А вы, наверное, чья-то родственница. Вы что-то хотели узнать?

— Да, я хотела узнать, — женщина медлила, а Лидочка нетерпеливо переминалась с ноги на ногу — минутки перерыва испарялись, словно капли после дождя жарким летним днём. — Меня зовут Инна. А вы мама Вани, так?

— Так? А что случилось? — Лидочка мгновенно встревожилась. — Что-то не так?

— Нет-нет, всё так. Я хотела с вами поговорить. Но это не на две минуты, пожалуй.

А вы явно торопитесь. Давайте я позже подойду.

— Да нет уж, раз речь идёт о Ванечке, я уже никуда не спешу, — Лидочка решительно сбросила куртку и шапку. — Только пойдёмте вниз, там столовая есть, можно сесть и спокойно поговорить...

— Я тогда сразу начну с главного, — обхватив руками чашку с горячим чаем, Инна внимательно смотрела на Лидочку. — Ваш сын поразительно похож на моего брата.

— Как вы сказали? — Лидочка улыбнулась. — Похож? Ну так мало ли на свете похожих людей.

— Он не просто похож, — покачала головой Инна. — Я вам сейчас фотографию покажу, мне мама прислала. А вы сами сравните.

Лидочка посмотрела на фото в телефоне неожиданной нарушительницы её планов и увидела своего Ванечку, разве что с прямым носом и без конопушек. Да ещё одежда на мальчишке явно была не современная.

— Это и есть мой брат, — Инна внимательно вглядывалась в лицо Лидочки. — Ну что, похож?

— Похож, — внешне спокойно согласилась Лидочка. — Так бывает. Иногда, — она сжалась на стуле, понимая, что её размеренная жизнь вот-вот даст трещину.

— Так бывает, если мой брат и ваш сын — родственники. Тем более, — Инна остановила возглас Лидочки, — что родинка на шее Вани точь-в-точь как у Егора.

— Егора? — Лидочка вздрогнула всем телом. — Вы сказали Егора? — Трещина расширялась, норовя расколоть тщательно выстроенную изгородь вокруг их с Ваней мира.

— Да, мой брат — Егор Истомин. Хирург.

— Что ж, — Лидочка замолчала, ёжась от внезапного озноба. — Да, Егор — отец моего сына. Но я никогда ничего от него не требовала. Впрочем, он и не знает о Ванечке, — с горечью добавила она.

— А почему?

— Неважно. Это только наша с ним история, — маленькая нежная Лидочка могла иногда быть очень твёрдой. — И ничья больше.

— А вы любили его?

— Очень, — просто ответила Лидочка. — Но это тоже касалось только нас.

— Да вы поймите, Лида, я в безвыходном положении! — из глаз Инны потоком полились слёзы. — Вся семья, все друзья, — мы не знаем, что делать. Егор был внизу, когда сошла эта злосчастная лавина. Он не катался, вы не думайте, он у нас законопослушный. Егор ждал погоды. Они с друзьями приехали в отпуск на неделю. Каждый год в декабре выбираются сюда покататься на сноубордах. А тут — лавина. Он и бросился спасать тех, кого завалило. — Инна замолчала. — В общем, второй сход его тоже придавил. И повредил руки. Правая кисть раздроблена так, что при самом хорошем раскладе он только ложку сможет ею держать. А о хирургии можно забыть.

— Как же так? — в глазах Лидочки промелькнул ужас. — Он же не просто хирург, он гений в операционной. Ему нельзя без этого...

— Вот и я о том же. В общем, он лежит во второй травматологии. Завтра Егора перевозят в нашу областную больницу. Будут пробовать хоть частично восстановить руку. Но он третьи сутки молчит. Как узнал, что с ним, так и молчит. А тут — как подарок с небес — я на Ванечку натыкаюсь в коридоре. Сначала подумала, что мне из-за слёз померещилось, потом пригляделась: нет, вылитый Егорка в детстве. А уж когда мальчик сказал, что он мамы Лидочкин сын, у меня и щёлкнуло: Егор после того, как в нашу больницу перевёлся (я тоже врач, физиотерапевт), мрачный ходил, на вопросы не отвечал. Однажды лишь проговорился после приличной дозы алкоголя на семейном празднике, что медсестра Лидочка его покой отняла. И всё, больше ни слова я из него не вытянула. Он и в детстве

такой был: если проблема, то замыкается и молчит.

— Покоя, говорите, лишила? Он сам уехал, а мне ни словечка. И роман завёл. — Лидочка вытерла слёзы. — Но это дела давние. Что вы сейчас от меня хотите? Чтобы я его навестила? Так вряд ли он захочет меня видеть через столько лет?

— Я хочу, чтобы вы с Ванечкой к нему сходили. Поймите, он мой младший брат, я всю жизнь за него переживаю. Я уверена, что новость о сыне выдернет его из депрессивного состояния.

— Его выдернет, — Лидочка насмешливо покачала головой. — А о Ванечке вы подумали? Мальчишке-то какво будет? Вдруг ни с того ни с сего папа появляется. А нужен ли он этому папе — большой вопрос. Нет, Инна, я не стану рисковать благополучием сына. И не просите. Я могу сходить к Егору одна. Хотя для меня это тоже будет непросто. А с Ваней — нет. Простите, у меня перерыв заканчивается, мне нужно возвращаться в отделение.

— Восьмая палата во второй травматологии, — вслед Лидочке произнесла Инна.

Лидочка шла по коридору, не видя и не слыша ничего, словно глухой тесный кокон окутал её, сдавил со всех сторон и не давал вздохнуть. Она сдержалась при сестре Егора, не подавая вида, как рванулось её сердце туда, во вторую травму.

Не зажило ещё, не заросло, не утихло всё, что ныло и саднило в душе много лет. Можно сколько угодно обманывать других. Но себя-то, себя не обманешь.

«Что делать? Идти к Егору? — мысли шумели в голове, как скорый поезд, без остановки проезжающий маленький полустанок. — Пытаться ему помочь? Да она бы с радостью полетела и сделала всё, что в её силах. Но... у неё есть Ванечка, её сокровище, её солнышко. Разве можно разрушить его спокойный мир ради призрачной надежды помочь Егору? А нужен ли ему сейчас хоть кто-то? В тот момент, когда жизнь рухнула и мечты разлетелись,

как осколки хрустального бокала, содержимое которого разлилось с тягучим шипением».

— Лидочка, вы не в себе? Я вам третий раз говорю, что в пятой палате нужно поставить капельницу, а вы смотрите на меня, как будто увидели привидение.

— Привидение? Ой, простите, Алиса Капитоновна. Я действительно увидела привидение, — Лидочка попыталась улыбнуться.

— Дожили — медсёстры начали шутить. Что дальше будет? — Капитанша поджала тонкие губы и важно прошествовала по отделению раздавать указания и нагоняи.

(Продолжение следует)

Рекомендуем книгу автора

Сегодня самый лучший день в году

Сборник стихотворений



«Сегодня самый лучший день в году» — это отражение нашей жизни во всей её многогранности. Это лучик надежды для тех, кто ищет свой путь к счастью. Ведь абсолютно каждый день может стать самым лучшим. Надо только в это верить.

Геннадий Бабкин

Большой Лог,
Ростовская обл

Степная рапсодия

Часть 2

Рита

Неотложка была серой. Серым было и утро, когда забирали мать. Рита попыталась забраться в машину, но фельдшер замахал руками:

— Нет-нет, девочка! Только попрощаться.

Рита взяла мать за руку:

— Я обязательно к тебе приеду!

Та попыталась улыбнуться:

— Моя карточка у отца, ты тут присмотри, ладно?

Узик зафырчал и, раскачиваясь на колдобинах, пополз со двора, оставляя за собой длинный шлейф дыма. Он был тоже серым.

Рита подходила к дому. В посёлке их было восемь. Двухэтажные деревянные бараки строились для шахтёрских семей, и когда старую шахту закрыли, то многие сразу разъехались, оставив квартиры тем, кому бежать было некуда.

Между сараями, оглядываясь по сторонам, курили соседские пацаны с каким-то новым длинным парнем. Он выдохнул дым, с прищура оглядел Риту, сплюнул себе под ноги:

— Что за тёлка?

— Это Ритка из восьмого бэ! Пахан — колдырь, мать — в школе уборщица...

— Чо, говно за вами убирает?

Длинный рассмеялся, передал бычок следующему.

Рита развернулась, подобрала камень с земли:

— Ну-ка, повтори!

Длинный попятился назад.

— Эй, эй, ты чо...

— Беги, щас зафигачит! За Риткой не станет!

Длинный рванул за сарай, сразу за ним вдогон полетел камень.

У подъезда Рита остановилась. Весь проём двери загораживала внушительная фигура соседки, Екатерины Романовны. Она даже не поздоровалась.

— Иди, отца угомони!

Рита встала на ступеньки. Соседка продолжала перекрывать всё пространство.

— Не успел жену в больницу отправить, а уже полный дом алкашей собрал. Допились до чёртиков, где они столько самогона-то нашли?

Рита достала из кармана ключ:

— Фокке-Вульф здесь?

Екатерина Романовна закашлялась, схватила Риту за локоть:

— Какой он тебе Фокке-Вульф, пигалица? Франц Викентьевич — уважаемый человек, пенсионер.

— Руки уберите!

Рита выдернула руку, протиснулась между соседкой и перилами, вошла в дом, осторожно открыла комнату. За столом сидели собутыльники отца. Сам он распечатывал очередную бутылку самогона.

— Ритуля... доча!

— Карточка где?

— Тебе зачем?

— Мама велела!

— Тута, я велю... бабки, они не для детей...

— Деньги на лекарства нужны!

— Колёк, чо она тебе по ушам трёт?

Моня, наблюдая за разговором, вертел в руке пустой стакан. Второй мужик ковырял вилок консервы. Отец налил всем до краёв, развернулся к Рите:

— Иди, иди... уроки делай!

Рита подошла к столу, встала напротив отца:

— Деньги отдай!

Отец дёрнулся, обжёгся сигаретой.

— Ах, ты с-с... ну-ка, пошла отсюда! И чтоб я тебя больше не видел!

Рита резко развернулась и, опрокинув бутылку, вышла из квартиры.

Франц Викентьевич любил этот день. С утра, в костюме и галстук, он был на кладбище, на могилах жены и дочери. Придя домой, доставал семейный альбом и, бережно листая страницы, долго рассматривал дорогие ему пожелтевшие фотографии. И уже под вечер, выпив рюмку-другую, выносил из шкафа женские и детские платья, раскладывал их на диване и тихо с ними разговаривал.

Сегодня поговорить у него не получилось: за стенкой три пьяных голоса горлашили песни про тяжёлую шахтёрскую судьбу. Франц Викентьевич долго терпел, затем решительно открыл входную дверь и остановился: прямо на ступеньках, прислонившись к перилам, закрыл глаза, сидела Рита.

— Совсем всё плохо?

Франц Викентьевич похлопал девочку по спине.

Рита открыла глаза:

— Ага...

— Пойдём, здесь спать нельзя.

— Куда? Я домой не пойду!

— Понимаю... может, к Екатерине Романовне?

— Зашквар, я с ней поругалась.

Рита зевнула.

Франц Викентьевич взял её за руку:

— Давай ко мне!

Рита остановилась у стены, где висели фотографии в деревянных рамочках.

— Ух ты! Вы были лётчиком?

— Нет, я обслуживал и ремонтировал самолёты. Раньше недалеко отсюда стояла воинская часть.

Рита подошла к дивану, взяла в руки платье.

— Это платье жены. Они с дочкой погибли здесь, давно...

Франц Викентьевич пошёл на кухню, вернулся с полной тарелкой бутербродов, поставил её на стол.

— Садись, поешь.

Он протянул Рите бутерброд.

— Спасибо!

Рита села на стул, принялась есть, быстро проглатывая куски.

— Теперь... врубилась... почему... Фокке-Вульф!

Рита поперхнулась:

— Ой, извините...

Франц Викентьевич засмеялся:

— Не только поэтому. Я родом из Латвии.

Рита прекратила жевать:

— Уехать отсюда не думали?

Франц Викентьевич глубоко вздохнул:

— Не смог.

Он тряхнул головой, собрал платья с дивана, аккуратно сложил, убрал в шкаф.

Рита, доев бутерброд, посмотрела на тарелку.

— Бери, бери!

Франц Викентьевич пододвинул ей тарелку. Рита выбрала бутерброд. Когда не осталось ни одного, Франц Викентьевич принёс подушку и одеяло:

— Спокойной ночи!

Под утро он проснулся. Рита всхлипывала. Он зашёл в комнату: одеяло было на полу, Рита, свернувшись калачиком, дрожала от холода. Франц Викентьевич поднял одеяло. Накрывая Риту, расправил складки, погладил её по голове. Уснуть он больше не смог.

— Правильно люди говорят, яблоко от яблоньки...

Екатерина Романовна стояла у подъезда.

— Что такое?

Франц Викентьевич поставил сумку с продуктами на землю.

— Туда погляди!

Франц Викентьевич обернулся: на скамейке, опустив голову, курила Рита.

— Что стряслось?

Он взял у Риты сигарету, затушил, бросил в урну. Она резко встала, но Франц Викентьевич поймал её за руку:

— Дома расскажешь.

Франц Викентьевич поставил чайник на плиту.

Рита вздохнула:

— Я у мамы была, в больнице. Ей операцию сделали.

— Удачно?

— Не знаю. Врач говорит, нормально.

— Ну и хорошо.

Франц Викентьевич налил ей чаю. Рита взяла чашку, отхлебнула глоток.

— Лекарства нужны! А этот... короче, отец запил с дружками, а карточка мамина у него.

Рита сжала кулаки.

— Так, не дёргайся!

Франц Викентьевич погладил Риту по голове.

— Придумаем что-нибудь, у меня поживёшь, пока мать не вернётся.

Франц Викентьевич играл на аккордеоне редко, и то только для себя, но сегодня у него был слушатель. Рита сидела не шевелясь, замороженная его мелодией, и встала только тогда, когда он закончил.

— Я пойду...

— Да, да, уже поздно.

Франц Викентьевич ночью снова подошёл к Рите. Она спала. Одеядло было на месте, но он всё равно долго поправлял его и ещё дольше не уходил из комнаты.

— Здрасьте!

Екатерина Романовна с веником в руках застыла на лестнице. Рита открыла дверь своей квартиры, и Франц Викентьевич вошёл внутрь. Сначала ничего не было слышно, затем звякнуло стекло, грохнулась на пол табуретка, послышались выкрики:

— Ты воще кто такой!

— Какие, на хрен, лекарства?

— Какая карточка?

— Ритка?

— Моня, гля, она у этого козла ночует!

— Колёк, вмажь ему, чтоб знал!

«Ба-бах!»

Дверь открылась, и на пороге появился Франц Викентьевич. Из его разбитого носа текла кровь.

— Ой, батюшки!

Екатерина Романовна уронила веник. Франц Викентьевич, зажав нос рукой, вошёл в свою дверь, Рита — следом за ним.

— Вроде всё!

Рита вытерла потёки на щеке, отложила полотенце. Франц Викентьевич не шевелился.

— Всё! Вам плохо?

— Нет, наоборот... спасибо, Рита.

Франц Викентьевич даже не ложился. Он ходил по комнате, пытался посмотреть телевизор, заваривал себе чай и лишь к утру открыл шкаф и снял с вешалки красное платье. Рита спала лёжа на боку. Франц Викентьевич присел на диван и поцеловал Риту в щёку. Она открыла глаза.

— Вы... Вы это зачем?

Рита, схватив одеядло, вскочила с дивана. Франц Викентьевич протянул ей платье.

— Рита, это не то... это — подарок!

— Зачем?

Рита бросилась в прихожую и, открыв дверь, выбежала из квартиры.

— Эй, Колёк! Зенки открой!

— Моня, это чо, утро, што ли?

— Утро, утро, гля кто!

— Во... Ритка...

Рита прошла мимо стола, но отец поймал её за руку:

— А Фокке-Вульф чо?

— Чо-чо, не видишь, свалила она от него. Гадом буду, приставал, тварь!

Моня звякнул пустыми бутылками.

— Ах, он козёл, убью!

Рита дёрнулась, но отец больно сжал её руку. Моня слил в стакан остатки самогона.

— Не кипишуй, Колёк! На хрена мочить? Бабки с него струсим, пойло-то кончилось!

Отец с силой развернул Риту к себе:

— Ну чо, было, было? Говори!

Рита вырвала руку:

— Пошёл ты!

Телефон зазвонил неожиданно.

— Да, доктор, я, Рита. Плохо? Я сейчас приеду! Нет, лекарства ещё не купила... я достану деньги, ну, завтра или послезавтра... да-да, я всё поняла.

Рита выбежала из подъезда, оглянулась по сторонам, зашла за сараи. Пацаны, как всегда, были на месте.

— Откуда такие бабки, Ритка!

Ей подкурили сигарету.

— Совсем голяк?

— Ну, может, у этого, длинного, есть, но лучше не просить.

— Почему?

— То ещё чмо!

— Жмот?

— Не, озабоченный. Сама понимаешь, как отдавать придётся.

Рита выбросила окурочок.

— Где живёт?

Длинного в поселке не оказалось, и Рита постучала в дверь к Екатерине Романовне.

— Мне только на лекарство. Отец всю мамину карточку спустил. Мы сразу всё отдадим.

— Да-да, конечно... я знаю, но пойми, девочка, это большие деньги и просто так...

— Без лекарства мама умрёт! Вы же на ремонт собирали... я знаю...

Екатерина Романовна обняла Риту за плечи.

— Пойми, дитё, в жизни не всегда бывает так, как хочется...

— Вы мне не дадите?

Рита сжалась в комок.

«Дзынь-дзынь! Дзынь-дзынь!»

В глубине квартиры зазвонил телефон. Екатерина Романовна поспешила в комнату.

— Извини, давай после поговорим!

Все трое за столом выпучились на Риту. Она молчала.

— Ну, чо, созрела?

Моня встал, потянулся, вышел из-за стола.

— Пошли, Колёк, к Фокке-Вульффу, а то уже горло пересохло.

Мужики встали, вышли на площадку.

Моня поманил Риту пальцем:

— Сюда иди!

— Зачем?

Рита не сдвинулась с места.

— Балдой кивать будешь!

Моня позвонил в дверь.

Франц Викентьевич стоял на пороге и видел только Риту.

— Ты чо, козёл, на кичу захотел? Щас всё устроим!

Моня подтолкнул Риту вперёд.

— Чо он с тобой делал? Ну!

Рита молчала.

— Колёк, развяжи ей рот, пусть вякнет!

— Не трогайте её, вот деньги, здесь всем хватит!

Франц Викентьевич достал из кармана пухлую пачку.

— Рита, я вчера их снял для тебя.

— Ты что, фуфел, не понял, что ли? Да тебе пятера за разврат ломится!

Моня протянул руку:

— Бабки сюда!

У Риты зазвонил телефон. Она пришла в себя.

— Да, я. Что?

Телефон выпал из рук, треснул о кафель.

— Мама...

Всю следующую неделю Франц Викентьевич Риту не видел. Он собирал вещи, загружал контейнер, выносил ненужное на помойку. Спал он ещё меньше: отец Риты с друзьями устроили нескончаемые поминки, заливаясь самогоном и горланя песни на весь посёлок.

Франц Викентьевич положил красное платье в чемодан. Как ни странно, сейчас было тихо, и он услышал, как открылась дверь. На пороге комнаты стояла Рита:

— Возьмите меня с собой!

Рита держала в руках небольшую сумку.

— Как ты это себе представляешь?
 Франц Викентьевич закрыл чемодан, поставил его на пол.
 — Всё равно я здесь не останусь!
 Рита бросила сумку на пол.
 — Рита, ты уже большая девочка, ты...
 — Да, я уже большая! Вот, смотри, смотри, Фокке-Вульф!
 Рита сняла кофту, швырнула её на пол.
 Франц Викентьевич вздохнул, поднял кофту, прикрыл ей грудь.
 — У тебя есть отец.
 — Уже нет.
 Рита раскрыла ладонь и показала пустой пакетик от крысиного яда...

Часть 3 Волчица

Молодой волк прижал уши и лёг, выражая полную покорность. Он даже не пытался смотреть, как крупный трёхлеток забирает его добычу, берцовую кость, только что оторванную им от туши. Сартан, грозно рыча, уже собрался было уходить с трофеем, но вдруг остановился и ошетинился. Огромный, почти чёрный волк стоял у него на пути.

— Верни!
 — Скиф?
 Сартан осторожно положил кость на траву.
 — Тебе-то что?
 — Это не по закону.
 Скиф не сводил с Сартана глаз.
 — Не тебе решать! Ты не вожак!
 Сартан хотел взять кость, но, видя, как Скиф обнажил клыки, оскалил всю пасть:
 — Всем разойтись!
 Между ошетилившимися волками встал Шах. Вожак хотел для острастки громко зарычать, но закашлялся и сник.
 — Пора менять вожака!
 Сартан резко развернулся и, переступив через кость, не оглядываясь пошёл к притихшей стае.

Рита постучала в калитку. В последние дни перемены в её жизни происходили

с поражающей быстротой. Вокзалы, вагоны, автобусы, словно ролики одного бешено катящегося скейтборда, выдернули её из мрачных дней и, не давая даже опомниться, перенесли через многие километры в небольшую станицу, к дому, стоящему на самом краю степи.

— Ой, внученька! Просима!
 Дед обнял Риту. Они прошли в дом.
 — Наслышан о тойных делах, горемыка! Гутарь, не гутарь, родителей не вернёшь! А самой тебе негоже быть. Молода ишо. Живи здесь, гуртом сподручнее будет!
 Дед поставил на стол жареную рыбу, нарезал хлеб.

— Сам ловил?
 Рита взяла одну себе в тарелку.
 — Утут трохи завсегда словишь, речка у нас, озерцо есть, удища дам!
 — До людей далековато. По дороге одни камыши да овраги.
 — У меня лисапет справный. Владей! В школу в аккурат будет.
 — Спасибо, дед!
 Рита поцеловала деда.
 — Ты, дитё, очи свои не прятаяй! Жисть, она, как ручей, чохом бежит, не остановишь. Перемелется лихо, добро будет. Друзяков-товарищев сабе в классах отыщи. Гамузом завсегда веселее.

В классе Рита сидела одна. Мальчишки не скрывали к ней своего интереса, но задавали лишь дежурные вопросы и на контакт не шли. Девочки тоже почти с ней не разговаривали: всему виной была Даша, вернее, её острый язык. Яркая и властная, Даша была в центре всех событий в классе, и ей сразу не понравилась уверенная в себе новенькая.

В коридоре гудела перемена.
 — Гля, у него айфон!
 — Дай, дай посмотреть!
 Второклашки, шумящей кучей сгрудившись вокруг вихрастого мальчика, тянули руки к его телефону. Даша, заинтересовавшись, вытянула айфон у мальчика из рук.
 — Сначала я посмотрю!

— Отдай! Отдай!

Дети со всех сторон обступили Дашу. Она подняла айфон повыше, стала рассматривать.

— Отдай!

Рита крепко взяла Дашу за запястье.

— Отпусти, дура, больно!

— Ничего, пройдёт!

— Ты ещё зубы свои покажи, Волчица!

Даша выдернула руку, вернула телефон и, сверкая глазами, ушла в класс. После этого случая Рите был объявлен настоящий бойкот, а иначе как Волчицей, её в классе больше никто не называл.

Рита слезла с велосипеда, бросила садок с рыбой на траву.

— Во, нарыбалила! Зарас вечерять будем!

Дед поднял садок, осмотрел улов.

— Где была?

Рита поставила удочки к стене.

— Я волков видела, в логу, у озера.

Дед положил рыбу в ведро, снял кепку, пригладил волосы.

— Негоже ходить туды самой. Отары там недалече, волчишки ентот год дюже пако-стить стали.

— Ладно, на реке половлю.

Рита сняла куртку, пошла в дом.

Дед шумно вздохнул:

— Сама та сама, не дружъёв, ни товарищев...

Стая, как и предвиделось, разделилась надвое. Сартан нервничал. Он видел, что бóльшая половина волков отошла к Скифу. К тому же сам Шах хотел, чтобы тот заменил его. Сартан вышел вперёд:

— Полукровка не может быть вожаком! Его мать — собака!

— Не может! Не может! — поддержали хором стоящие за его спиной волки.

— Скиф — наш вожак! — послышалось с другой стороны.

— Пусть бьются!

— Бой, бой!

— Вожаком станет сильнейший!

Скиф расправил плечи, встал в круг. Сартан оскалил клыки и оцетинился:

— Послушайте меня, волки!

Шах тяжело поднялся с земли:

— Времена изменились, и вожаком должен быть не лучший боец, а самый умелый охотник. Решайте прямо сейчас! И это вам моё последнее слово.

Вожак опустил голову и, сгорбившись, медленно побрёл в заросшую чаканом степь.

Урок был свободный. Рита сразу заподозрила неладное: на неё оглядывались со всех сторон, как будто ожидали представления. Она хотела повернуться, но не смогла даже сдвинуться с места.

— Приклеили, гады!

Рита дёрнулась, весь класс прыснул от восторга.

— Хы-ы!

Девчонки смеялись, мальчишки стучали по столам, Даша хлопала в ладоши.

— Козлы!

Рита напряглась и, придерживая руками стул, резко встала, разорвав своё платье.

— Га-а-а! — загоготали со всех сторон ещё громче, а затем, вслед за Дашей, стали хлопать в едином ритме.

Рита выдохнула и принялась расстёгивать платье. Хлопки поредели. Когда она его сняла, стало тихо совсем. В полнейшей тишине Рита открыла сумку и, не обращая никакого внимания на окружающих, наде-ла свою спортивную форму. Затем поменяла себе стул. Когда прозвенел звонок, никто даже не пошевелился. Рита вышла из класса первой.

Скиф собрал молодых волков:

— Пойдёте к озеру, узнаете, где овцы.

— А собаки?

— Зайдёте по ветру.

— А если нас увидят?

— Тогда пастухи будут ждать с ружьями!

Скиф развернулся к Сартану:

— Ты поведёшь разведчиков!

Сартан демонстративно зевнул:

— Вожаку виднее...

Когда волки ушли, Скиф встал перед стаей:

— Овец берём только старых и немощных. С овчарками не драться, сторониться людей. Я пойду первым.

На закате вернулись разведчики, все, кроме Сартана. Скиф не стал его ждать. Растянувшись цепью, стая устремилась к озеру.

Отара была как на ладони. Скиф прополз несколько метров по высокой траве, вскочил и рванул к овцам:

— Вперёд!

Волки бросились за ним.

«Бах! Бах! Ба-бах!»

Канонада выстрелов разорвала воздух. Скиф почувствовал сильный удар и рухнул на траву. Задыхаясь и истекая кровью, он заполз в камыши и затих.

Рита насадила червей, закрепила удилица, присела и стала ждать. Поплавки не двигались, и она открыла пакет с едой. Достав бутерброд, услышала слабый вздох. Когда раздвинула камыши, то сразу оторопела: на боку, без движения лежал огромный волк. Рита бросилась к велосипеду, но, не добежав, остановилась, прислушалась и затем вернулась назад.

Волк едва дышал. Шерсть на его груди была в кровавых сгустках. Кося на Риту взглядом, Скиф попытался приподнять голову, но не смог, сил уже не осталось.

— Ах ты, бедняга! Кто ж тебя так?

Рита осторожно положила бутерброд возле морды волка и пошла собирать удочки.

После случая с клеем Риту оставили в покое. Она молча приходила на уроки и молча уезжала домой. Дед с тёплыми днями перебрался на пасеку, и молчание проникло к ней в дом. Рита стала замечать, что разговаривает сама с собой. Этот факт

сильно испугал её и не давал ей покоя, а вчерашняя встреча с раненым волком лишила её сна.

Утром, взяв с собой немного провизии и лекарств, Рита села на велосипед.

Волк, как и вчера, лежал без движения, но бутерброда рядом не было. Рита достала йод, вату, сделала из камышинки длинный квоч. Осторожно присела рядом:

— Потерпи, пожалуйста, ладно?

Вспотев от напряжения и опасливо прислушиваясь к слабому рычанию, Рита обработала рану на груди.

— Какой ты молодец! Настоящий мужчина!

В нарезанные кусочки мяса Рита напихала таблеток.

— Обязательно съешь! Это — лекарство!

Разложив мясо на земле, Рита вздохнула:

— Ты знаешь, меня все Волчицей называют, так что я тебе не посторонняя, а даже, можно сказать, совсем родная!

Скиф впервые был так близко к человеку, что не мог понять, что происходит. Эта девочка делает ему больно, но её голос расслабляет и успокаивает и не таит в себе никакой опасности. К тому же она принесла мясо, а ему так сильно хочется есть. Скиф слизнул маленький кусочек.

— Давай, ешь!

Рита подвинула к нему остальные куски, отошла на шаг.

— Не буду мешать, поправляйся!

Рита села на велосипед, оглянулась на Скифа.

— Пока, волк! Как хорошо, что ты у меня появился!

Волки снова остались голодны. Старшие косились недобрым взглядом, молодые уже протестовали открыто.

— Снова провал!

— У нас есть вожак или нет?

— Мы скоро сдохнем с голоду!

После потери Скифа Сартан стал вожаком, но так и не стал хорошим охотником.

Неудачи следовали одна за другой, волки питались впроголодь, и Сартан собрал стаю:

— Теперь будем охотиться по-новому!

— Это как?

— Мы пойдём на человека!

Волки заволновались:

— Мы все погибнем! У людей есть ружья!

— Не у всех! Мы устроим засады на их детёнышей. Пусть человек ответит за то, что истребил зверей и лишил нас добычи!

Рита поставила велосипед в фойе. Звонок ещё не прозвенел, и дети толпились у своих классов.

— Гля, Волчица прикатила.

— Пацаны базарят, она на озеро рыба-лить ездит.

— Круто! Там волков немерено!

— Волчица и есть волчица!

— А вдруг она — оборотень, как в «Сумерках»?

— Ага, пойдёшь её спроси!

Рита едва успела на занятия. Час назад, зайдя в камыши, она увидела, что раненый волк уже сидит, раскачиваясь от слабости из стороны в сторону. Увидев Риту, Скиф лёг.

— Ура!

Рита приблизилась к Скифу, выгрузила еду.

— Сам сможешь?

Она отошла на шаг. Скиф с трудом приподнялся и, широко расставив лапы, встал.

— Ничего, ничего, давай, ешь!

Скиф принялся жадно поглощать пищу.

— Когда поправишься, можешь придти ко мне, когда захочешь!

Скиф прекратил есть, поднял голову.

— Я всегда буду тебя ждать, хоть днём, хоть ночью!

Скиф уже не мог стоять и лёг. Он понимал, что должен рычать, показывать свои зубы, но ему так нравилось слушать, как говорит эта девочка, как хлопочет возле него, что делать это он просто не стал. Приятная тяжесть полного желудка лёгкой истомой разлилась по его телу, и он вытянул лапы и закрыл глаза.

На этот раз Рита набрала полную сумку еды. Скиф быстро поправлялся и день ото дня съедал всё больше и больше.

— Привет, волк! Смотри, что я тебе принесла!

Рита раздвинула камыш и осеклась: Скифа на месте не было. Она принялась его искать, обдирая себе ноги, спустилась к воде, но не обнаружила даже его следов.

— Зачем ты так...

Рита села на песок. Она изо всех сил сдерживала слёзы, как вдруг из зарослей ветлы к ней вышел Скиф. Рита встала, прижала пакет к груди.

— Какой ты... большой!

Скиф сделал несколько шагов в сторону и оглянулся.

— Туда надо идти?

Рита пошла за ним. Через несколько минут они остановились. Перед ними открылась маленькая заводь, заросшая белыми цветами кувшинок. Стайка утят плыла за серой кряквой, прямо у берега плескалась рыба, а на пригорке пестрели полевые цветы.

— Это что, рай?

Рита повернулась к Скифу. Он сидел и внимательно наблюдал за ней. Вдруг послышался волчий вой. Рита вздрогнула, побежала к велосипеду. Скиф последовал за ней. Весь путь к дому он бежал рядом, зорко просматривая дорогу. У ворот они остановились. Рита открыла калитку.

— Иди уже, ухажёр!

Рита стояла перед зеркалом. На ней было новое платье.

— Ох, справна девка, любо поглядеть!

Дед принёс крынку с мёдом.

— Каков же табейный другаль, внученька?

Рита повернулась к деду:

— Он самый сильный и самый красивый!

Там, где дорога поворачивала к озеру, Рита остановилась. Недоброе предчувствие заставило её оглянуться. Выскочив из высокого чакана, стая волков неслась прямо к ней.

— Ой, мамочки!

Рита рванула к станице. Она изо всех сил нажимала на педали, но волки всё равно настигали. Перед оврагом, она наскочила на кочку и слетела с велосипеда.

Когда Рита поднялась, волки уже стояли со всех сторон. Передний волк страшно зарычал и оскалил пасть. Рита закрыла глаза.

— Сартан, я здесь!

Из камышей вышел Скиф и встал, закрывая Риту собой. Волки заволновались.

— Скиф жив!

— Вожак с нами!

— Это Сартан подставил тебя.

— Он тогда нарочно вышел к пастухам.

— Он ответит за всё!

Скиф обнажил клыки и бросился на Сартана.

В классе ждали учителя.

— Слыхали хайп, бирюка дохлого нашли!

— А где?

— Аж на повороте, там, где Волчица живёт.

— Она сегодня не пришла...

— Может, случилось что?

— Народ, чо сидим?

— Айда к ней!

Все остановились одновременно. Ребята перестали даже дышать: у ворот своего дома стояла Волчица, а рядом с ней сидел огромный волк.

Даша пришла в себя первой:

— Ну, что я говорила! Волчица, она и есть волчица!

— А я буду с ней дружить!

— И я!

— И я!

Даша чуть не подпрыгнула.

— Вообще-то, она — моя лучшая подруга, мы просто немного повздорили...

Рита присела к Скифу. Он смотрел на дорогу.

— Тебе надо идти?

Скиф опустил голову.

— Поверь, мне жаль, что я не настоящая волчица. Честное слово!

Рита хотела его погладить, но остановилась и убрала назад свою ладонь.

— Ты вернёшься?

Скиф знал, что нужно уходить и что стая его ждёт и наблюдает за ними из камышей, но он наклонился и положил голову девочке на колени.

Пробежав с километр, стая остановилась на пригорке.

— Куда дальше, вожак?

Скиф оторвал взгляд от станицы, посмотрел на бескрайний горизонт:

— В степь!

Страницы автора

www.facebook.com/100011710384267

ok.ru/profile/553927132746





Ольга Горбунова

Ростов-на-Дону

Сказка

Наша экспедиция длилась уже четвёртый месяц. Когда мы готовились к полёту, на нас испытали, кажется, всё. От кислородного голодания до атак космических пиратов, но то, что творилось на нашем корабле вот уже почти неделю, не мог предвидеть никто...

Но обо всём по порядку.

Начинался последний учебный курс, я мечтала поскорее закончить учёбу и уехать со всей группой исследовать места, где не ступала нога человека. Изучать энергетику местной воды и почвы. Разбираться в истоках происхождения вселенной. Мы все были полны энтузиазма и верили, что сможем найти неразгаданные тайны Земли и непременно их разгадаем. Однажды к нам в лабораторию заглянул незнакомый человек, который представился сотрудником Роскосмоса. Он сказал, что знает о наших планах и у него есть предложение, от которого мы вряд ли сможем отказаться.... В общем, он предложил нам стать членами первой научной экспедиции, отправляющейся в открытый космос. Все данные, которые мы сможем узнать, будут революционными для российской науки, и, конечно же, если нам посчастливится пристыко-

ваться к какой-нибудь планете, мы точно будем первыми землянами, побывавшими на ней. После недолгого обсуждения семеро из нас, в том числе и я — согласились.

Начались бесконечные тесты, тренировки, инструктажи... Нам экстерном засчитали сдачу экзаменов, выдали дипломы об окончании университета и практически изолировали нас от окружающего мира. Особо болтать по поводу предстоящего полёта не разрешалось, да и болтать было некогда. Наши физические данные должны были строго соответствовать стандартам, поэтому мы ели по часам, спали по часам и занимались спортом с личным тренером тоже по часам. Психологи провели, кажется, миллион тестов, остались довольны и сказали, что командный дух сплотит нас и проблем в общении не возникнет. Старшим выбрали, конечно же, нашего заводилу — Олега. Миша, Рома, Дима, Катя, Оля и я. Вот такой была наша команда. «Полёт продлится не больше года. Дружеские отношения не должны перейти в романтические. Всё. Идите готовьтесь».

В день старта все очень волновались. Я даже испугаться не успела, а наш электронный пилот сообщил нам, что полёт проходит в штатном режиме и через пятнадцать минут мы покинем Солнечную систему. Я смотрела в иллюминатор на удаляющуюся Землю, сначала сияющую в лучах Солнца, голубую, огромную, потом всё более удаляющуюся, темнеющую, и думала, как глупо было всё, что я сейчас делаю... Как смогу я без этой планеты, ведь мы могли больше никогда-никогда её не увидеть, не услышать шум моря, не ощутить запах цветов и не сожуриться от палящего Солнца. Солнца, а не какой-то холодной, чужой звезды... Противный холодок пробрался прямо под скафандр и спрятался глубоко в сердце... На лицах ребят я видела только растерянность и страх... Всех, конечно же, тут же оглушил звук невесть как сюда попавшего горна. Олег стоял посреди корабля, трубил что есть мочи и радостно размахивал бутылкой шампанского. Он сказал, что срочно надо отпраздновать начало нашего

полёта, всем загадать желание и непременно съесть бумажки с этим желанием. Я написала: «Хочу вернуться домой»... Все радовались и смеялись почти до утра, потому что все знали, что спать сегодня никто не сможет. А ровно в шесть утра наш праздник закончился, двое заняли свои места за штурвалом. Остальная команда после построения получила приказ — трёхчасовой сон. Мы стали командой. Чувства были спрятаны в чемоданы и ровно на год вычеркнуты из жизни... Так мне тогда казалось... Но жизнь не укладывается в рамки приказов... у неё свои законы.

Через неделю полёта пейзаж за окном стал настолько привычным, словно мы провели в космосе двадцать лет. Я люблю смотреть в окно, когда еду на поезде, на машине или самолёте. Никогда, даже на секунду, то, что я вижу, не может повториться вновь. Может, от этого так манит нас небо, играя своими облаками и окрашиваясь в разные цвета, в зависимости от настроения природы, и так манит нас Земля, скрывая свои тайны под слоями песка и пород. Космос же перестал манить уже через пару дней. Было ощущение, словно мы в пустой банке кружим и кружим по кругу. Причём в банке совершенно темно и лишь далёкие точки звёзд сообщают нам, что мы движемся вперёд, а не стоим на месте. Вечерами на совещании экипажа мы постоянно проговаривали заученные и затёртые до дыр слова Устава действий во внештатных ситуациях, при обнаружении небесных тел и ЧП на боевом дежурстве. Потом все опять расходились по своим местам, и казалось, наша команда, наша дружба уже никогда не станут прежними. Мы не станем самими собой, а превратимся в роботов Роскосмоса, бесславно пропавших на просторах вселенной.

Но однажды нас разбудил звук тревоги, мы вскочили и через минуту были в рубке капитана. Он улыбался, потом показал на иллюминатор, и я увидела огромную планету, которая двигалась на нас. Мы сделали измерения и, посоветовавшись с Землёй, приняли решение — исследовать планету. Через полчаса мы начали снижение.

Проверив запасы кислорода в скафандрах, получив распоряжения и рации от капитана, мы по одному стали спускаться на поверхность Докомора. Мы дали планете имя, состоящее из наших имён. Планета получила угрюмое имя, но сама оказалась настолько красивой, что все стали звать её ласково — Сказкой.

Первые шаги по Докмору были сродни первым шагам ребёнка. Под ногами была земля, а не гулкий металлический пол корабля. Звезды, согревавшей планету, не было видно, но свет лился мягкий и тёплый. Мы стояли на жёлтом песке, справа возвышался лес. А слева, примерно в паре километров от нас, была гора, и с неё стекал водопад. Мы решили начать исследования с воды, так как энергетика воды была темой нашей дипломной работы, которую мы выполняли всей группой. Проведя простой анализ, мы поняли, что это H₂O, я сняла перчатки и подставила руки под струю воды. Она была холодной. Позже мы выяснили, что воздух на планете идеально подходит для человека, и через пару дней разгуливали уже без скафандров. Сказка оказалась добродушной хозяйкой. У нас не было проблем с пищей. Лес был полон ягод, фруктов, названия им мы решили не давать, просто фотографировали и брали образцы на корабль. Но каким-то чудесным образом они были полезны для нас. Полны микроэлементами и витаминами. Однажды мы нашли траву, по вкусу напоминавшую жареный стейк. Планета угощала нас своими дарами, не прибегая к убийству. В лесу было много птиц, самых разных расцветок. Однажды Миша подстрелил одну, но мясо местных птиц и, как потом выяснилось, животных было абсолютно не пригодно для человека. Так мы стали вегетарианцами. Но на этом необъяснимые чудеса не закончились. Спустя пару недель пребывания на Сказке мы поняли, что можем передавать друг другу мысли на расстоянии. Причём, не открывая рта, мы слышали не просто мысли, а именно голоса друг друга. Каждый из нас наполнился бесконечной любовью к Сказке. Я не

знаю, как объяснить природу этой любви, но прикосновения к каждому камню, дереву, животному на этой планете наполняли любовью наши сердца. И, ощущая эту любовь, я с каждым днём сильнее и сильнее скучала по Земле. Казалось, эта далёкая, чужая планета показала нам, как задумал нас Создатель. Какую любовь Он вложил в нас. Как именно мы должны были любить и лелеять Землю. Как любить и беречь животных и птиц, и как любить и уважать друг друга. Однажды, поднявшись на вершину горы, мы увидели за ней равнину. И на равнине бродили огромные животные. Кажется, это были динозавры. Все они, как, впрочем, и все остальные животные оказались травоядными. Для нас так и осталось загадкой, как здесь не происходит перенаселение. А потом двое из нашей команды — Дима и Катя, сказали, что хотят остаться здесь навсегда. Они построят дом и будут воспитывать детей в любви и мире. В тот день Олег собрал нас на борту и сказал, что рано утром мы возвращаемся на Землю. Всё. Это приказ.

Не пройдя и половины от срока пребывания в космосе, мы повернём назад. Кажется, мы постигли больше, чем намеревались с самого начала. Мы постигли любовь. Что ещё искать нам в космосе? Мы возвращаемся. Загрузив все образцы на корабль, вечером мы собрались у костра. Казалось, все звери и птицы прощаются с нами. За весь вечер мы не слышали ни одного их шороха.

Утром мы поднялись в космос и взяли курс на Землю. И вот тут и начали происходить странности. Зайдя в оранжерею, я увидела, что часть цветов со Сказки исчезла. Не засохли, не завяли — а именно исчезли. Вместе с горшками и почвой. Мы обыскали всё. Но следов не нашли.

С каждым последующим днём мы не досчитывались образцов с райской планеты. Нас охватила паника и страх. А неделю назад пропали Дима и Катя. Иногда до нас долетают обрывки их мыслей. Они говорят, что счастливы, и убеждают нас вернуться на Сказку.

На корабле странная атмосфера. Потому что все мы хоть раз, но мечтали остаться на Сказке навсегда. И теперь мы боимся, что планета заберёт и нас. Я стараюсь спать как можно меньше. Пью кофе и хожу как зомби по кораблю. Наверно, от бессонницы у меня стали случаться провалы в памяти... не смогла вспомнить какой сегодня день и имя нашего капитана. Странно, вчера он назвал меня Настей. Хотя у нас на корабле нет Насти.

Сегодня очень странный день. Капитан, кажется его зовут Олег, — собрал нас и сказал, что у него стали случаться провалы в памяти, вернее, как будто кто-то стирает ему память. Что-то подобное заметили у себя все пятеро членов нашей команды. Он огромными буквами написал плакат — «Мы экспедиция, держать курс на Землю», задал координаты автопилотам и приказал всем лечь спать. До самого возвращения на Землю. Делать нечего, пришлось отключить все приборы и идти в комнату сна. Я знаю, что, когда мы приземлимся, нас просто разбудят и всё. Мы не будем переносить тяготы приземления. А ещё капитан боится, как бы мы ничего не выкинули из-за расстройства памяти. Так что увидимся на Земле.

Послесловие

Сегодня мне дали прочитать интересный фантастический рассказ и спросили, что я об этом думаю. Я сказала, что читала много фантастики, но ничего особенного в этом рассказе не вижу. Кстати, забыла представиться. Меня зовут Оля, я учусь на 5-м курсе геофака, после окончания университета пойду работать в школу. Очень люблю детей. А ещё мне нравится один парень, кажется, его зовут Олег. Мы почти не знакомы, но у меня такое ощущение, словно знаю его уже целую вечность.

Страницы автора

www.facebook.com/100000510480116

ok.ru/profile/193234214492

Игорь Екимов

Санкт-Петербург

Шаги смерти

(Продолжение. Начало в № 3/2021)

— Может... священника туда привести? — предложил Денис.

— Ну, не знаю, — уклончиво ответил я, чувствуя, что не в состоянии оценить правильность этой идеи. — Я сам в Бога не верю и даже некрещёный... в общем, тут мне трудно что-то сказать. Во, а может, по всему дому капканы расставить?

— Чтоб мы с Машей сами же в них потом и попались? — рассердился Денис, но у меня возникло ощущение, что именно в этот момент нервное напряжение покинуло его. — Ну, спасибо!

— Да погоди! Приезжаешь на дачу, расставляешь капканы, записываешь подробно, где они стоят. Потом, в течение, допустим, недели или двух, вы туда и носа не кажете. Потом приезжаешь и смотришь результаты.

— Не знаю... не знаю, — так же уклончиво ответил Денис. — По-моему, эта тварь слишком хитрая, её в капканы не поймать. Как она смогла от меня два раза спрятаться? На моей-то даче, при полном освещении? Нет, я думаю, такие примитивные методы здесь не подойдут.

Я попытался восстановить в памяти известные мне истории о мистике и сверхъестественных событиях — истории, в которые сам до сегодняшнего дня никогда не верил. Надо найти в этом деле что-то самое важное, существенное, от чего можно будет отталкиваться. Надо просто задать правильные вопросы... может быть, всего один правильный вопрос...

— Слушай, Денис! А что там раньше было на месте твоей дачи?

— Да ничего не было, только лес и болото.

— А поподробнее можешь вспомнить? Любые мелочи — в них может быть вся разгадка.

— Поподробнее? Ну, деревья там были красивые... ну так они там и остались, на заднем дворе. А, вот: ещё на моём участке стоял шалаш.

— Какой шалаш?

— Шалаш как шалаш, самый обычный. Наверно, туристы сделали. Я, конечно, его разобрал: у меня во дворе он совершенно ни к чему.

— А там, внутри шалаша... вещей никаких не было?

— Да нет, конечно. Какие там вещи могут быть? Это же шалаш, а не постоянное жильё.

Я задумался. Значит, раньше на территории дачи стоял шалаш... Эта информация могла оказаться очень полезной в дальнейшем, но она требовала долгой, тщательной обработки. Пока же я не мог сделать какие-либо выводы.

— В общем, так, — сказал Денис, к которому уже полностью вернулось самообладание. — Я всё взвесил, учёл твоё предложение и думаю, что действовать нужно в три этапа. Первое — пригласить туда священника. Третье — расставить по дому капканы, как ты советовал...

— А второе? — удивился я.

— А вот второе — это самое интересное, — ответил он. — После того, как на даче побывает священник, я останусь там на несколько дней. Один, конечно. Сегодня ночью я боялся за Машу, но одному мне там бояться нечего. И если я опять услышу эти шаги... я найду, кто это делает, поймаю и поговорю с ним по-мужски. Кто бы это ни был. И только если у меня ничего не получится, я перейду к пункту номер три.

Я промолчал. С одной стороны — та информация, которую мне сообщил Денис, выглядела устрашающе, и на его месте я бы никогда больше не приехал туда с ночёвкой. Да и без ночёвки, наверно, тоже. На мой взгляд, теперь его дача годилась только для того, чтобы... Хм. Нет, этого

я Денису говорить не буду, а то он очень сильно на меня разозлится: он в это строительство буквально душу свою вложил, а я ему такое присоветую.

С другой стороны, любое мероприятие, за которое берётся Денис, просто обречено на успех. Исключительно толковый парень, к тому же — если понадобится — исключительно крепкий физически. Лично я, фанат фильмов-боевиков с многолетним стажем, часто жалел, что Денис в силу своего незлобивого характера никогда не занимался единоборствами. Какой боксёр из него мог бы получиться!!! И физические данные, и скорость, и выносливость у него присутствовали в таком количестве, что, если бы он занялся боксом профессионально — ни на кого из нынешних чемпионов мира я бы не поставил и ломаного гроша. Но его тянуло к более мирным видам спорта: он стал мастером спорта по водному поло и по метанию копья. Причём так, между делом, не особо напрягаясь.

— Хороший план? — спросил Денис.

— Не знаю... — неуверенно протянул я. — Вроде неплохой.

— Но другого у нас нет, так что остановимся на этом. Не угостишь ли чайком?

Следующие несколько дней мы с ним не созванивались. Но у меня не выходила из головы эта фантастическая история, и я думал о ней чуть ли не всё свободное время.

«Может быть, он всё-таки сбрендил? Но на мои провокационные вопросы он отвечал чётко и детально, не путаясь. Кроме того, с ним была жена, которая видела... точнее, слышала... абсолютно то же самое. Хотя стоп! Ведь я не разговаривал на эту тему с его женой — только с ним самим. Может, она вообще знать не знает ни про какие шаги?»

У меня появилась идея — позвонить к ним домой и расспросить его жену, что же всё-таки в действительности произошло у них на даче. Но если я им позвоню,

трубку может снять сам Денис, и тогда с его женой я вряд ли смогу побеседовать.

«А что если Денис просто напился в хлам? — вдруг пришло мне в голову. — И всю эту историю он видел только в своих пьяных сновидениях? Правда, у меня в гостях он вроде был абсолютно трезвый, но тоже не факт: сейчас много всяких препаратов делают, чтобы запах перегара отбивать...»

Эта мыслишка была неприятной, если не сказать противной. Раньше Денис не пил вообще. Даже на собственной свадьбе он ограничился одним бокалом шампанского, и всё. А тут, получается, за одну неделю допил практически до белой горячки! Если это так — это дикая жесть, конечно.

И вот через несколько дней он позвонил мне на мобильник, когда я был на работе.

— Игорь, привет! Ну что, первую часть нашего плана я выполнил! Я пригласил на дачу священника, и он её освятил.

К религии я совершенно равнодушен, и поэтому в другое время, наверно, посмеялся бы над таким сообщением, но сейчас воспринял его совершенно серьёзно.

— Так значит, теперь будешь выполнять пункт два? — спросил я.

— А как же! Само собой разумеется. Сегодня останусь ночевать на даче один!

— Ну, ни пуха тебе ни пера, как говорится.

— К чёрту! Спасибо!

Денис был весёлый и жизнерадостный, как обычно. Он нажал «отбой», а я, сообразив, что дома его сегодня не будет, решил выполнить свой собственный план: позвонить ему домой и поспросить его жену, действительно ли имело место это сверхъестественное явление.

Я твёрдо решил это сделать, но тут, как назло, меня сильно перегрузили работой, и поздно вечером, когда я наконец-то освободился, у меня уже все планы вылетели из головы. И не стал я никого ни о чём расспрашивать, а просто вернулся домой и завалился сразу спать.

(Продолжение следует)



Вячеслав Злобин-Алтайский Барнаул, Алтайский край

Мой друг

Повесть

Глава первая

Скажу сразу вам, мой читатель, что строчки эти излагаю не я, потому что я не герой, а он — Верещагин Сергей Алексеевич. Вот он, Сергей Алексеевич, — герой, и герой не потому, что лучше и самый выдающийся из всех, а потому, что не я. Впрочем, может, мы с ним чем-то схожи по натурам своих душ, то есть читаем жизнь сходно, но уж больно по-разному поступаем, то есть расходимся в делах своих. Он идёт как бы своей дорогой, а я где-то рядом всегда, как суфлёр, например. Я, доложу вам, всё вижу, подсказываю, с пристрастием даже иногда, а он всё делает, часто даже и не как я. Просто хочется, чтоб вы, мой читатель, не думали, что это моя жизнь, потому что жизни у нас, при всей нашей похожести, разные. Он идёт своим путём, а я только болею за него душевно, переживаю о его поступках, его правильных, как бы, на мой взгляд, и не правильных делах. Кажется мне, что такое

явление можно обозвать, ну вроде, расщеплением действий. Он во всей этой истории делал своё, я же в жизни шагал не так, но по линейке судьбы-то шли по одной. Потому как думать можно одно, а поступать велит нам неведомая сила вопреки. Он или я, но Сергей Алексеевич независимая личность, и только его устремления и воля пробивали свои пути в этой несурзной истории длиной почти в жизнь.

Скажу теперь более определённо — у нас с ним в этом мистическом тандеме все персонажи, кои встречались на пути в такой почти реальной истории, тоже — были или не были, но уж, надо заметить, что их символы-то точно существовали. А что это значит, объясню. У меня или у нас в воображении есть персонажи совсем, может быть, и не реальные, но символические до подлинности, а есть, и это точно, совсем подлинны, и при этом символические, как бы даже эпохальные. А вот перед этими-то значимыми мы, совсем и ничто из себя не представляющие, мало того, почти клопы. Но если мы участники таких исторических свершений, как здесь, то и тоже чем-то наследовали, как покажет и полуфинал, и финал такой замороченной и дерзновенной повести. Так что тут мы ничего не видим от автобиографичности, советуем вам не видеть этого, мы лишь сверяем события нашей линейки судьбы с недавней большой историей страны...

Начнём с малого. Безмятежно катился восьмидесятый год. Я, то есть Верещагин С. А., дембельнулся из армии. Хорошее время, скажу я вам, было. То времечко вспоминаю как улыбку. Да, я не оговорился. Я лично вспоминаю то время, как всеобщую улыбку, как радостный всполох не только на моём лице, но и на образах тех, с кем имел соприкосновения. Всё как-то казалось вокруг радужно и семицветно. Одно точно скребло и омрачало тогда — горестные мои страдания. А какие могут вертеться в голове страдания у дембеля? В большинстве даже случаев дембель-

ская судьбина сходна. Уходит в прошлое большая и важная первая наша любовь. Милые не дожидаются. Практика жизни влечёт их замуж. При этом наше дело не мезью убиваться, а устремляться дальше — торить будущее своё, а ещё я взял и так с плеча, от души смахнул потом всё это. Ведь на потом всё такое мешает существовать и при этом подтачивает перспективы свои.

Только бабушки, так скромно себе под носик и стеснительно, в советское время говорили: «С божьей помощью...» И эта помощь коснулась меня. Благосклонные ко мне силы добра устроили меня работать на должность. Она невелика, но всё же инженерная. Как-никак, образование освоил до армейской службы, чтоб вскоре исполнить обязанность свою гражданскую, почётную. А после исполнения долга дороженька для меня была уже заказана, потому что добрые силы следили за мной пристрасно. А то, что долг родине я отдавал долгих два года и об том не кручинился — это как закон жизни был, и безусловный. Мало того, я принимал этот закон и принял бы сейчас, если что. Хотя звучит вроде как пафосно — отдать долг родине и партии. Опустим из пафоса партию. А вот Родина — это звучит гордо, воспитаны мы так были. И хочется мне сказать — в этом слове и в том нашем воспитании закладывалось в подкорку нашего сознания что-то глубокое и важное. Более того, скажу, это корень, если хотите цивилизационный — русской, советской, а возможно, и христианской души. А как невозможно, если апостол Павел преклонял колени свои перед Отцом Христа, «от Которого именуется всякое отечество на небесах и на земле». Нет, не бытие определяет сознание — тавтология атеиста, скажу я вам в назидание. Хоть назидание это ко-го-то и опечалит.

Как-то так случилось, что вопрос создания семьи был решён мной по-солдатски быстро и решительно. Если говорить об экстремальной суете в жизни, то реши-

тельность не изменяла мне. Тут я твёрд и непреклонен — месяц отношений, предложение, а через пару месяцев я покончил со своим холостяцким мирозерцанием и уже прошлым...

С добрыми благосклонными силами было тоже всё просто. В профкоме управления предприятия содействовала мне родственница — моя тётя. То есть всё было устроено основательно и, по понятиям того времени, обыденно — по блату! Сейчас-то, конечно, этим никого не удивишь, но в ту пору блат был образом мышления. Блат — это вершина жизни, и, если всё схвачено, ты, как в спорте, чемпион.

В эту пору веха моей истории завязалась исключительно на работе. Я ждал дела, а это дело даже и окрыляло.

Первым наставником у меня был технолог цеха водоочистки Геннадий Евгеньевич Баляйкин. В подчинении у него было, что касалось вопросов технологии, десять человек — шесть инженерно-технических работников и четыре человека рабочих.

На станции весь обслуживающий персонал (коллектив около ста человек, если не считать тысячный коллектив всего управления) нарицал его Чебурашкой. Это имя носило хоть и юмористический характер, но по праву отражало его символическое значение. Хочу сразу заметить — чебурашки тоже могут быть людьми и, мало того, цельными натурами.

Баляйкин уродён был маленьким, конституция его обозначивалась бледно. Щупленький, на тонких, как у комарика, ножках, лёгкий на подъём, всегда в отглаженном чёрном костюме, на гусиной шейке неизменно присутствовал с крупным узлом галстук, преимущественно красного цвета. Почему галстук красный? Может быть, пионерская юность засела прочно в его закрома души, может, склонность к исторической лексике подвигала его к красоте, а может, что наименее вероятно, значение союзного масштаба, политического задевало его? Но то, что он сознавал себя

птицей высокого полёта, было, кажется, аксиомой.

О неутомности характера его осведомлены были все. А вот, что он ещё слыл натурой поэтической, ведали немногие. Склонность к поэзии — к богине Эрато, как и к любому высокому творчеству, не препятствовала ему не менее сильному пристрастию к богу Бахусу. На этой стезе и почитании богов он не раз попадал в вытрезвитель. Заведение в советской практике жёсткое, и последствия от его посещения, как правило, имели плачевные стимулы для карьеры. Но чудесным образом Баляйкин отмазывался от последствий весьма искусно.

Не могу обойти роль его причудливого дипломатика. Он для него был как бы знаменем души, что ли. Расставания с ним были как бы и немислимы. А вот документация из него имела свойство пропадать, терять своё содержимое. И вот тогда-то начиналась напряжённая борьба по реинкарнации утерянных ценностей. Правда, сами-то они не торопились обратно переселяться туда. Процесс этот занимал не только его рабочее время, которого ему всегда не хватало, но и время подчинённых. А дефицит рабочего времени происходил ещё из его характерной слабости — много говорить.

Прошло месяца четыре, как я приступил к трудовой повинности. Мой наставник, как всегда это бывает, корабликом заплыл в мою бухту — диспетчерскую.

— Сергей Алексеевич! Вследствие моих агентурных данных, я владею, не сочти за дерзость, твоей мистической и дерзновенной тайной! — начал он, и в глазах его блеснул явный демонический блеск. Вероятно, он знал такое, что приводило его к большому умилению.

— Геннадий Евгеньевич, дерзновенная мистическая тайна — это, кажется, не про меня. Это, скорее, вроде Лунной Селены. От преисподней душком тянет... — попытался отбиться я, изумляясь его определениям.

Наставник от ощущения удовольствия, которое его явно распирало, застучал каблуками начищенных до блеска башмаков по крашенному бетонному полу помещения.

— Друг мой, на преисподнюю ты не тянешь, но плутовски скрытный! Кто бы мог подумать?! Нет, я не умаляю твоих достоинств в нашей практической деятельности, более того, обуревают меня восторженные мысли о тебе! Да, серьёзный, солидный парень, всё-то у тебя получается, всё правильно и разложено по полочкам. Пунктуальный и порывистый...

— И всё же, Геннадий Евгеньевич, — почти взмолился я. — Не томите душу — в чём моя вина?

— Что ты, Сержик! Я только хотел сказать, что восхищён твоим творческим началом! Для меня не есть секрет, что в своём стремлении к совершенству ты становишься для меня коллегой. И коллегой не только в деятельности обыденного промысла, который есть скучный, отягощающий нашу жизнь, — тут он перевёл дух и взмахнул рукой, очертив ею пределы помещения, напичканного множеством всевозможных датчиков и оборудования, — но и поэтическими устремлениями не обделён ты, как оказалось. Мечты, мечты — где ваша сладость! Ах, молодость, буйная молодость — золотая сорвиголова! Не прячь глаза, мой друг, удивительный мир литературы тебе не чужд. Литинститут по тебе плачет. Не так ли?..

Я тогда, кажется, покраснел до пяток. Настолько я держал всё это в тайне, что подобные откровения меня сильно смутили. Я знал, что то, что знает Баляйкин, — знают все... И моя тётушка — профорг, не устояла перед обаянием его, похоже, раскололась.

— Что вы, Геннадий Евгеньевич, — в растерянности лепетал я. — Какой там, к чертям, литинститут — с поэзией я не в дружественных сношениях, за рассказы ухватываюсь — силы тают не только в голове, но и руке пра-

вой, а левой не обучен. Вместо рассказов в моём блокноте одни броские заголовки.

После некоторого замешательства я добавил:

— Литературная ограниченность — порох в пороховницах сырой. Всё, что я могу в эстетизме, — смотреть красивые сны и умиляться...

— А ты мудрец, Сергей Алексеевич! — он погрозил мне пальцем и раздвинул широко рот в улыбке. — Прибедняешься, а ведь сны-то — это предвестники большого дела. Это тот самый случай, когда они — эти сны, претворяются в творчество рук человеческих. Заголовочки-то твои прирастут, однако, скоро, россыпью многотысячных строк, — он вдруг остановился и, как бы вспомнив что-то, добавил: — Мыслитель — наследник Толстого, Гоголя, наконец!..

И он вновь пришёл в движение, за несколько секунд нарезал полных три круга и бухнулся в кресло. Трясущимися руками достал «Интер» — пачку болгарских сигарет, вынул оттуда белую трубку с жёлтым фильтром и, чиркнув зажигалкой, смачно и жадно задымил.

— А знаешь, Серж, меня ведь подвигло сегодня к этому разговору необычайное впечатление. За сутки я прочитал «Идиота» Достоевского! Тебе посчастливилось прикоснуться к этому?

Горящими глазами он испытующе посмотрел на меня.

— Как же, первый раз слышу. Достоевский у нас один — это «Преступление и наказание» по школьной программе. Апофеоз наших мучений. Невозможно понять то, что взрослым непостижимо. Убил бабушку-процентщицу и пятьсот страниц калялся и изнывал. По прошлым ощущениям помню свой вывод: а сам-то в том, что написал, — понял, что так долго и утомительно путал?

— Пожалуй, что в нашей школе не дано распознать философию страданий. Но кто-то же дорастает до этого?! Можешь себе представить, мой милый друг, проглотил я

роман и до сих пор не могу опомниться от того, что прочитал... Выводы, скажу я тебе, неутешительные...

В душе я усмехнулся: где уж там утешиться, если до сих пор руки тремор одолевает. Чем запивал откровения классика?!

Мне вдруг показалось, что мой словоохотливый романтик стал переходить на полусёпот. Он подошёл к столу, положил всё ту же пачку сигарет и, как всегда в таких случаях, щедро и душевно предложил:

— Изволь, дружище!.. В том-то вся и закавыка, что для нас гонят вершки — зарубил бабуку, а дальше тюрьма не страшна, страшны муки совести, и за преступление, те муки, должны тебя вывернуть наизнанку. Мораль, так сказать, и гуманизм нашей идеологии допускает подобные шалости. Всё очевидно — зло должно нести свой тяжкий крест. Но там не так просто, он, преступник, с высшими силами ладить пытается... А уж «Идиот» — эта книга если и не другого порядка, то уж откровение тут налицо...

Балайкин соскочил с кресла, подбежал к двери кабинета, прикрыл её, выбросил окурки там же в урну и, вернувшись к столу, выдернул из пачки очередную сигарету. Заговорил ещё тише:

— Шестой том собрания сочинений, пятьдесят восьмой год издания. А кто-то для массового прочтения этим пользуется? Нет, скажу я прямо, — только литературоведы. А в чём заключается этот абсурд? Гениальный мыслитель вреден для советской идеи... — почти без голоса, как рыба, губами проговорил он. — Как и столь же вредна и опасна церковь Христова!.. Где она у нас? Несчастный пасынок на побегушках у государства... — и совсем от него остались только губы и испуганные глаза. — Ведь идея христианства в отношении к системе пагубна, конкурентна и сильна в своей цивилизационной идее...

— Геннадий Евгеньевич, но как-то все эти утверждения не вяжутся с нашей жизнью. Все мы атеисты, коммунисты, а один

писатель и целая революция? Уж больно вздорно и нелепо всё выглядит...

Я внимательно всматривался в глаза своего патрона, и чувство недоверия молнией отзывалось в моей душе. Ничтожный человечешко сумбурно несёт своё понимание романа и привязывает его к нерву общества. Есть в этом что-то от злого духа, верить не хотелось. Но ведь он так откровенен, и было сказано им как-то от души, а не от беснования?! И всё же какое-то мутное начало двигало им.

— Ну, вот слушай, иннок советской культуры!.. Чем больше я вживаюсь в роман, тем навязчивее и устойчивее рождается убеждение, что князь Мышкин, главный герой, — это второе пришествие Христа!.. Да-да, я не преувеличиваю значение этого не человека, а духа! Обрушивается на людей с небес такой светлоокий, такой болезненный и всему этому человеческому сумасшествию пытается помочь, пытается исправить его. «Сострадание, говорит, есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества». А оно-то его так и распинает, так и измывает, мол, «юродивый», «осёл», «рыцарь бедный». Этим платят они ему за его нечеловеческую невинность и простоту. Все те погрязли в грехах, в неправедных установлениях общества. Но вся эта камарилья имеет неистребимую потребность и жажду в его внимании, в его сострадании. Если хочешь, душеприказчика им надобно, и притом каждому. Он — это находка, которая, как Христос, умиляет их души, очищает, на мгновения приводит к успокоению душевному. Без душеприказчика, без светлого, без духовного нет в этом мире счастья... Но всё не так просто. А нужно ли оно людям, счастье-то такое?! Что тут говорить о них. Ведь сам Мышкин, возлюбивший Веру Лебедеву, от глаз которой рай земной обрести можно и счастье семейное, не желает этой тихой, уютной радости. Ему нужно совсем другое, ради чего и помереть не страшно.

Он не только мнит, но и чувствует в себе мессию. Он знает, зачем он пришёл в эту жизнь — своим появлением облагородить всех заблудших в тёмных лабиринтах жизни. Если хочешь, взломать эти лабиринты для просветления душ, для торжества земного рая. Скажу тебе более, для этого он любит всех... Он даже с женщинами объясняется в любви, и с Аглаей, и с Настасьей Филипповной, и готов их всех сразу вести под венец?! Не для того, чтобы любить по-человечески, а любить по-христиански — душевными муками спасать!.. А при этом кто они? Аглая — вертлявая и злобная девица. Зачем же иначе ему она? Вторая — бесовская падшая женщина, которая на каждом углу об этом объявляет, но преподносит себя как жертву. Он не любовью, а жалостью хочет исцелять их. Он встал ровень с человекобогом — со Христом!

— Неужели можно такой любовью любить? И при этой любви страдать ради исправления и блага её, — пытался переварить я вслух услышанные мной суждения о высоких чувствах. — Я, кстати, страдал, но, чтобы после, например измены, жалеть — это извращению подобно... Хотя они не изменяли, но чем же они достойны, если сами знают своё падение? И при этом требуют, чтоб все их почитали? Я понимаю, что любовь зла — и козла полюбить не дивно, но не до безрассудства же? От большой любви потерять всякую логику возможно, — продолжал я ломать голову. — Это потеря концентрации, видишь только одно и ничего не видишь вокруг, словно слепец безумный. Психика устремлена даже не в сторону света, а в какую-то мистическую силу единого образа, веришь непоколебимо в какой-то луч единой судьбы. Всё в жизни становится второстепенно — есть только ты и любовь. Но как возможно жалючи-то, не любя, не будучи одержимым высокой страстью, жертвовать собой? Это значит — страдать всю жизнь за одну, за другую или даже за одну — это равносильно отдавать себя на растерзание совмест-

ного бытия, ей на растерзание. Ведь она не любит, она, в этом случае, владеет тобой и уж точно не оценит эту твою жертву ради неё же — это будет кошмар твоей жизни?! Ну не так разве? — пытался я сыскать удовлетворения моим умствованиям.

— Не в кошмаре, друг мой Серж, заключён смысл жертвенности — в страдании, в очищении своей души. И та душа, её душа, воспримет это и получит стимул к новой жизни — преобразится! А дух Христов, по христианской трактовке, и мил, что страдание ставит выше всякого значения бытия. Бог терпел и нам велел.

Баляйкин продолжал нервно курить. Он завёл сам себя и, казалось, был рад мему вовлечению. Подскакивал, когда говорил, наворачивал бесконечные круги по помещению. По своей вредной привычке, а может, и невротической, передёргивал голову и, как бы так солидно, издавал короткие покашливания, вроде коротких автоматных выстрелов. После этого падал в кресло и заглядывал мне в рот такими добрыми, просветлёнными глазами... А теперь продолжил:

— Так вот, далее. А что с Рогожиным, например? Уверовав в своё высшее предназначение, он пытается усмирить звериные страсти того. А скорее всего, он и не понимает этого высшего своего предназначения — он чист душой и рождён таким. Крестами нагрудными меняется с ним — вроде как делится своей открытой душой тому во благо... Но для Рогожина нет Христа, в его комнате картина «Христос в гробу». Она для него икона, гласящая: «Бога нет, смерть всеильна, в основе мира — зло и случай». Именно так он её понимает — это философия его жизни. И нет примирения в нём. Он от ревностных страстей с ножом идёт в отместку на того же душеприказчика, соперника своего... Да, всё-то рушится в итоге — всё в страдании и погибели, и сам новоявленный Христос жертвой уходит в небытие. Не радость, ни свет приносит он в этот

мир, и даже себе. А ведь апокалипсис для таких ясных, как он! И вдруг возникает сомнение, а не антихрист ли он?! Не антихриста ли пришествие это было? Больно уж последствия плачевны. Ведь говорится: «Благими намерениями вымощена дорога в ад»... Но думаю, что Достоевский верит, что «во второй раз явится не для очищения греха, а для ожидающих Его во спасение». Его свет души должен касаться чистых человеческих душ. Он знает, что воскресение Христа — это жизнь. И жизнь — это благо! И потому надо жить в ожидании и в Вере!..

— Геннадий Евгеньевич, ну это уже перебор. Хотя в романе, как я думаю, все сумасшедшие, но как вы-то всё это так поняли?! Сами же понимаете всю эту подоплёку мифологией и так неистово такое воспеваете. Это ведь надо же до такого дойти, чтоб так гладко и по-поповски всё распознать. Меня не покидает ощущение, что это лекция о Боге и дьяволе в ничтожном, в несуществующем. Чудно мне это слышать...

Я дерзнул перечить ему и был уверен в своём убеждении. Однако глаза его внезапно потеряли блеск. Он, как бы опомнившись, вновь солидно так кашлянул, как выстрелил.

— Я-то не разделяю эту мифологию, но очень даже интересуюсь. И скажу я тебе, Серж, — это даже очень приятно. Высоко паришь, когда балуешься изысками христианского чтива... Только такое уж очень у нас не приветствуется, и надеюсь, что ты, мой друг, понимаешь последствия наших рассуждений?..

— Да что вы, Геннадий Евгеньевич, — быстро отреагировал я, осознавая то, на что он намекнул. Недалеко по коридору сидела в кабинете секретарь партийной организации цеха, премилая, но бдительная Наумова Бэла Семёновна. — Я обожаю мыслить на подобные темы. Хотя я и не разделяю такой, ну как бы, ветхозаветный подход к литературе. Но мне такое слышать премило. А самое главное — неожиданно.

Не встречал я в жизни вживую таких проповедей. Одно дело школьная программа, техникум или, допустим, храм православный, другое — слышать такое на производстве?! А будоражит...

— Ну, хорошо, излили души и ладненько, — принял сосредоточенный вид Баляйкин. — Необыкновенно стоящий ты мужик, Сергей Алексеевич. И поэтому мы с тобой сработаемся. Ты толковый не только в этическом самопознании, но и в практических делах у тебя всё гладко, — он сделал паузу, испытующе взглянул на меня. Мне даже показалось, что он подмигнул мне. — У нас кончается период отпусков, ты у нас пятый — последний, а посему на зиму мы с тобой переходим на пятидневку...

— Как, и вы тоже? — в растерянности отреагировал я.

— Да как же, это я к тому, что мы как бы в одной упряжке — это сближает. Будешь со мной творчески постигать глубины нюансов технологии, — выдал он фразу в излюбленном стиле — как бы с фигурой речи. За что и снискал к себе с одной стороны снисходительное, даже скорее ироническое отношение работников, с другой — уважительное, хотя это определение можно назвать и с натяжкой.

Так я пошёл на повышение, да временное, но самолюбие цепляющее. Я оказался в самом эпицентре событий. Так сказать, ввалился я в плотное прикосновение к управленцам цеха.

Когда Баляйкин выпорхнул из диспетчерской, я остался наедине с собой. И, надо отметить, в восторженном состоянии духа.

Действительно, разговор был закончен. На фоне того, что предшествовало разговору, я видел Баляйкина фигурой больше

юмористического содержания, хотя и деятельной. И что же? Совсем другой образ предстал пред взором очей моих. Даже правильнее, не пред взором, а в мозгах моего сознания. Градус напряжения достигал максимума мистических способностей человека, когда он включал познавательные, мало того, философообразные силы свои во благо каких-то творчески цельных идей, как это было ныне, только что. А угасал этот градус, я знаю, когда он отдавался воле своих низменных желаний, например — богам Бахусу или порочным страстям Эроса. Он легко мог послать подалее жену, ребёнка (но послать не так, как вы сейчас подумали), бегать по таким же возвышенным, как сам, женщинам. Потом, неожиданно для себя, нарываться на этой почве на приключения, в том числе, в отрезвляющих заведениях. А вот в дальнейшем производил генеральную уборку души и как младенец радовался. Похоже, сегодня он тоже радовался. Переизбыток чувств был налицо. И ясно я прочувствовал, что роман этот отрезвил его от демонических поступков, очистил от грязи жизни. А вот встревожило меня то, что влип он опять в чудеса желаний. Коварство-то их в том, что как ни крути, а вдохновение его приведёт опять к замкнутому кругу.

По мне так верховодит в нём какой-то оползень демонизма, ярости, а вытягивает его к свету красный галстук духа, как оберег. Какая-то гремучая смесь огненных желаний безмерности. Тут «всё перемешалось в доме Обломовых», если говорить по Гончарову, — думал я тогда. И восхищения, мне казалось, был он достоин, и неприязни. Хотя после такого разговора я, кажется, заобожал его!..

(Продолжение следует)

Страница автора
vk.com/slavak00

Татьяна Зубарева-Гурина

Сортавала, Карелия



Не пустила. Баня

Эти простые люди всю жизнь прожили в деревне, редко выезжали в райцентр. А в летнюю страду работы так много, что с детства они помогали родителям по хозяйству и в поле. Он заметил её как-то на сенокосе. Из соседней деревни на поле неподалёку тоже косили сено. Её привела мамка. Она худенькая, лет восьми, в белоснежной косынке, ворошила сено. Он стал поглядывать туда, чтоб увидеть её белую головку. Себя-то он считал большим и опытным — всё же тринадцатый год уже!

Осенью в школе он нашёл её глазами и частенько поглядывал, при первой же возможности: где она там? А летом на покосах высматривал её косынку.

В тот год, когда он заканчивал школу, тогда семилетку, незаметно они очутились в коридоре рядом. Увидев его вопросительный взгляд, она робко сказала:

- Меня Маня зовут.
- А я — Митя.
- У нас ведь покос рядом?
- Да, это точно.

Нет-нет, но на школьных переменах, они подходили друг к другу, иногда даже переговаривались, делились школьными новостями.

После окончания школы Митя пошёл работать к матери на ферму. Мать заметила, что он как-то умело принимает роды у животных. Спустя пару лет, уходя в армию, он отправился в деревню, где жила Маня, и прямо спросил у неё:

- Ждать меня будешь?
- А ты сам-то хочешь?
- Хочу. Поэтому и спрашиваю.
- Буду.

— А письма писать будешь, если напишу тебе?

- Пиши. Писать буду и ждать буду.

Они прогуляли за околицей до рассвета, а утром он уехал.

Два года пролетели незаметно. Маня закончила семилетку и уехала учиться на курсы медсестёр. Митя отслужил и по дороге домой заехал к ней в райцентр, но студентка была так занята, что они виделись не больше получаса. Им очень интересно было взглянуть друг на друга — как они изменились, как повзрослели.

Отучилась и в начале лета вернулась домой. Митя же уже работал на прежнем месте.

При любой возможности в свободные вечера бежал к Мане в соседнюю деревню. Осенью неожиданно им пришлось расстаться: директор колхоза отправил молодого работника продолжать учиться дальше. Колхозный фельдшер — Дуся Иванна, совсем стареть стала — надо ей искать замену и необходимо Маню отправить на учёбу.

Дуся Иванна похвалила девушку: «Толковая девка. Будет хороший фельдшер, ещё пусть поучится». Так и порешили.

Митька затосковал. С любой оказией ездил, чтоб Маню повидать, домашней еды передать. Она же повзрослела, заметно подросла, одна её коса чего стоила. Парень на свою милую надыхаться не мог.

Родители, видя Митькину тоску, решили: надо готовиться свадьбе. Отец за зиму смастерил кровать на двоих, комод, кухонный стол. Мать пошила простыни, наволочки, рушники.

А когда Маня вернулась домой, заслали сватов. Молодые сидели за столом, как немые, раскрасневшись от поцелуев.

Вечером родители отвели их в большую светлую комнату. Всё, что происходило в этот день, для них было ново, необычно. Ведь они даже не держались до этого за руки, прикасаясь случайно, краснели, и опьянели от того, что остались вдвоём наедине: он — муж и она — жена.

Несколько дней почти не выходили из комнаты, стыдились, что все догадаются, чем они занимаются там вдвоём. Но как-то мать постучала: «Митя, Бурёнка должна отелиться...»

И начались рабочие будни. Молодые так же закрывались вечером в своей комнате, а утром стыдливо старались проскочить, чтоб не встретить никого из семьи.

Маня в баню ходила с сёстрами, и Митя понимал её.

Но однажды зимой отец сказал ему: «Мы уедем в райцентр на праздники и на день рождения брата. Натопи баню, но не сильно и идите вдвоём».

Митя понял — несколько дней они будут одни.

С этого момента молодые сблизились окончательно.

Маня смущённо села на лавке. Митя неторопливо раздел жену, набрал воды и всю-всю её вымыл. Они пылали от желания. Митя соединил две скамьи, постелил

чистый половик, что лежал в предбаннике. Это была такая страсть! Они просто улетели, они потеряли время, они забыли его.

Митя топил баню все эти счастливые дни. И в каждый раз они улетали опять и опять в открытое новое пространство.

Вернувшиеся родители с изумлением заметили, что молодые больше не прячутся, открыто обнимаются и целуются, держатся за руки.

Маня с этих дней понесла. Когда же животик туго округлился, Митя посетовал отцу:

— Она меня в баню не пускает...

Отец только улыбнулся:

— Сын будет!

Какое-то время после родов Маня ходила в баню одна.

Но как-то раз сама попросила: «Натопил бы ты баньку...»

Маня терпеливо и с наслаждением ждала, пока Митя снимет с неё одежду, пока он её намочит, пока он поставит лавки, и в предвкушении она улыбалась. Они любили летать.

Маня опять забеременела, с появлением живота Митя раздосадованно говорил сам себе: «Не пустила...»

У них родилось четыре малыша. И больше Маня не беременела, Митя не говорил: «Не пустила».

До глубокой старости они ходили мыться только вдвоём.





Ася Кузьмина

Москва



МИНИАТЮРЫ

Моменты-бусинки на нитке моей жизни

...Недавно была в парке.

Ранняя весна. Вечер, много людей всех возрастов. Шум, разговоры, атмосфера выходного дня. И вдруг кто-то из детей кричит: «Утки, утки к нам вернулись!» Мы все подняли головы вверх, а там — три птичьих клина летят! И долго мы смотрели в небо, пока утки не стали совсем маленькими точками. И так это было неповторимо: вечерний закат, много пар глаз смотрят в небо и... тишина... Красивый момент.

Иногда некоторые внешние события закрепляются в памяти без каких-то усилий. Когда сливаешься с тем, что происходит сейчас. Когда проживаешь мгновение через образы, звуки, цвета... а не мысли.

Когда веришь в то, что «вот этот момент» обязательно сохранится, останется с тобой, он кристаллизуется прочувствованием в жемчужину, драгоценную своей уникальностью.

Я регулярно записываю тексты-миниатюры, истории-вспышки, клубки многослойных образов и эмоций... разные моменты-бусины — для того, чтобы затем нанизать их на нитку своей жизни. Я храню и пополняю эти записи. И они помогают мне — помогают не только вспомнить важные для меня моменты, но и не забыть, какой я была раньше.

Эстетика зелёного чая

Помыть и согреть тёплой водой любимую чашку. Подождать, послушать, как шумит, закипая, чайник. Подготовить ароматные листья чая...

Обожаю зелёный чай! Его вкус понятен, но за внешней простотой, как в китайском иероглифе, скрывается невыразимая, неуловимая глубина. Он не создаёт ощущения избыточности, и его можно пить каждый день, находя в нём всё новые оттенки. Наверное, поэтому каждое утро я начинаю с небольшого перформанса — приготовления чая для себя.

А почему бы мне не записать это великолепное парящее ощущение утреннего покоя, пока настаивается чай, — прекрасное из повседневного? Эстетика простых вещей, которые окружают меня, помогает осознавать те радости, которые предоставляет утро.

Обожаю парк, где нет суеты

Кажется, что у современного человека нет права на спокойный и размеренный «выдох» в течение дня. На недели, месяцы и годы вперёд всё распланировано и расписано по минутам: работа, встре-

чи, поездки... По вечерам некогда поговорить с родными, некогда заглянуть в глаза и спросить, как прошёл день. Потому что... может последовать ответ: «А нам некогда». Некогда выслушать и ответить нестереотипно. Возможно, это — о том, что «мы хотим жить хорошо, а получается лишь быстро».

Но не-действие — это тоже действие. Перестать быть занятыми и всё куда-то спешить, спешить... Освободить разум от бесконечных забот, прекратить внутренний торопливый диалог с собой и — найти в себе умиротворение, время и пространство для не-действия. Для созерцания. Освободиться из плена бесконечной суматохи — ведь, скользя по поверхности дней, мы оставляем в воспоминаниях скорее ощущение суеты, чем радости...

У меня есть «место погружения» в момент — здесь и сейчас. Это — маленький парк около моего дома. Сегодня — утренний туман, стволы деревьев обнимает мох, ветви на фоне неба сплетаются в причудливые узоры... Спокойствие, неспешная жизнь природы и её красота всегда открывают мне новые впечатления.

Люблю одинокие прогулки в тишине. Люблю обращать внимание на все подробности смены сезонов. Маленький парк — это моё пространство, где нет суеты... Где можно быть достаточно открытой для того, чтобы замечать, как по-своему прекрасен каждый день в том мире, где я живу.

Но всё равно, возвращаясь домой, я с досадой ловлю себя на мысли о том, что нужно ещё слишком многое сделать, увидеть, услышать, узнать, прежде чем позволить себе жить неторопливо...



Звучит музыка прошлого

Лето. Бывшая Мещанская слобода. Небольшая улочка, которая когда-то носила название Гальяновской.

Дом губернского секретаря — с полуподвалом и высоким парадным этажом, пристроенными сенями. Музей — дом ностальгии. В трёх комнатах вмещается всё, что стало ненужным в современном мире, но когда-то было с нами... Печатная машинка «Москва», старый телефон, лампа, графин. «Космические» пылесосы, утюги с серпом и молотом под ручкой спереди. Сифоны, транзисторы, счёты, арифмометры. Авоськи, саквояжи. Портрет Брежнева, грамоты, вымпелы, награды. Октябрьские звёздочки, пионерские, комсомольские значки, красные повязки и удостоверения участников добровольной народной дружины. Открытки, марки, газета «Правда»...

Я слушала экскурсовода, погружившись в свои истории из прошлого, и... Экскурсия неожиданно завершилась.

К хранителю фонда подошёл пожилой мужчина и начал сбивчиво, ужасно волнуясь, говорить. Говорить о том, что ухаживать за винилом приятно. А ещё приятнее — слушать винил, не отвлекаясь на другие вещи. Например, сидя в кресле под торшером и полностью погружаясь в мелодию... У него есть коллекция виниловых пластинок. И — проигрыватель, старый проигрыватель. Но иголки нет — износилась. Конечно, искал, покупал аналоги, но — увы, звук неестественный, металлический, записи звучат искажённо... Но здесь, в музее, ему, к счастью, предложили обмен — на вещи, которые им уже не используются, так сказать, ретро. И он иголочку выменял. И музыка прошлого зазвучала. Как музыка зазвучала!

Я внимала этой истории, и мне подумалось: может быть, хорошее настоящее — результат счастливого прошлого?

Вещи прошедшей эпохи могут рассказать нам свои истории. И, расслышав их, мы можем заново открыть тот мир, где живём сейчас... И себя в нём.

Тёплые объятия воспоминаний

Мне очень нравится один способ, который поможет пережить стресс, справиться с потерями и почувствовать поддержку.

В суете забот наш жизненный багаж, возможно, залежался на дальних полках памяти, но сейчас мы можем достать его, рассмотреть и взять с собой в новый путь всё то прекрасное, что у нас есть. Воспоминания...

При первых прикосновениях со своими воспоминаниями почти всегда боязно — это и понятно. Жизни наши сотканы не только из радуги и вальсов. В наши дни зачастую вплетены и долгие проливные дожди, и гулкое эхо одиночества... Но когда мы погружаемся в воспоминания, то время как бы округляется: одно воспоминание протягивает руку другому, одна история сцепляется через значимого для нас человека с другой, одно переживание перетекает и развивается в последующем или — предыдущем. И всё это обволакивает вспоминающего «тёплым покрывалом».

Берите из воспоминаний то, что даёт силу, ресурс и возможности. Например, для меня это — время рассвета и чашка горячего зелёного чая; цветение вишни и яблони

весной; вечерний туман над рекой; запах дождя в городе после жаркого дня; чувство совершенной свободы в выходной...

Найдите и вы для себя те слова, те приятные воспоминания, которые будут для вас поддержкой. Делитесь своими историями с близкими. Ведь обнимать можно не только руками, обнимать можно и словом. А совместные воспоминания создают эффект присутствия и тоже дают огромную поддержку.

Мне приснился сон: я тяжело заболела и иногда с горечью вспоминала, что раньше у меня было больше поводов для радости. А сейчас много дел и забот, связанных со здоровьем, и совсем нет времени да и желания на написание текстов в моём дневнике.

Я проснулась и с радостью поняла, что моя болезнь — это всего лишь сон! Первым делом я нашла свою тетрадь-дневник, за многие годы ставшую моим воздухом, тенью, роднёй. Я листала страницы и, чувствуя их тепло, мысленно говорила: «Ну, здравствуйте!»

Записав этот сон, я решила во что бы то ни стало продолжать писать и дальше, не забывая о своём умении украшать образы одеждой слов...

Страница автора
www.facebook.com/assya.assia.9



Елена Нестерова

Норильск, Красноярский край

Сказы мудрого зайца

*Зайчик, зайчик
По ладошке скачет,
Зайчик, зайчик
Дарит мне удачу.*

1

В лес за вдохновением

У меня есть хобби: я пишу рассказы в свободное время. Для друзей, но больше — для себя. Мне нравится убежать из реальности в мир, который сам могу создать. Вдохновение приходит ко мне в лесу. Да-да, именно в лесу! Муза может появиться в самом необычном образе. Однажды... Однажды она обратилась в зайца. А в каком ещё виде она могла предстать передо мной в лесу?..

С зайцем было занимательно поговорить. Его истории вошли в эту книгу. Только вы, пожалуйста, никому не говорите, что я с зайцем разговаривал. Это — большой-пребольшой секрет.

Книга получилась не столько о зайцах, сколько о природе. Любите её, природу! Ей с нами, людьми, не просто находить общий язык.

Побывать в летнем лесу городскому жителю — в удовольствие. Заходишь в него, и появляется ощущение, что оказался ты в волшебном месте. Спустя некоторое время становится даже немного страшно. Кажется, во-он за тем сухим деревом притаился леший. А над цветком, не обращая внимания на лешего, бесстрашно кружит маленькая фея. К сожалению, это всего лишь бабочка и желание твоё так и останется неисполненным.

А воздух в лесной чаще... Разве возможно описать его словами! Надо прийти в лес и испытать его самому. Он восхитителен, от него кружится голова. Он напоен запахом трав, разогретой солнцем древесины и земли. И тебе начинает казаться, что вот именно сейчас ты — дома.

Однако твой дом — город. И пьёшь ты воздух, наполненный испарениями асфальта, запахом горячей резины и выхлопными газами машин. Ты вынужден им дышать. Привыкаешь, стараешься не обращать внимания на его удушливость. Приспосабливаешься. И только в лесу вдруг осознаёшь, как тебе не хватает для жизни свежего воздуха!

Ранним утром, забредя в чащобу, можно наблюдать, как распускается множество лесных цветов. Они нежные, прозрачные, их лепестки усыпаны росой. Деревья тянут свои ветви к солнцу. Солнце просвечивает через листву золотым светом. Под ногами мягким ковром стелется трава.

Лес — это целое отдельное государство со своими законами. В нём хозяйева — птицы, насекомые и животные. Люди здесь — гости. Гости незваные. Птицы завораживают своим пением. И наушники тебе в лесу не нужны. Не надо прятаться от шума, характерного для города, к которому тоже уже привык. И тут ловишь себя на мысли, что хочешь, чтобы у тебя был в лесу домик...

Лето для лесных обитателей — пора горячая: надо успеть приготовить припасы на зиму и успеть вырастить потомство. Вот, например, птицы безуданно ловят насекомых, кормят прожорливых птенцов в гнёздах. Дятлы поедают вредных червячков, доставая их из-под коры деревьев. Работа у них тяжёлая, но уважаемая в лесу. Деревьям не больно, когда им птицы производят процедуру по избавлению от вредителей. Они благодарны птицам. Хотя разве мы, люди, можем это утверждать?! Деревья — живые, а мы придумали, что они ничего не чувствуют.

Приятно увидеть белочек, которые перепрыгивают с ветки на ветку, будто игра-

ют в чехарду. Когда проходишь по лесу, то постоянно слышно, как стрекочет сорока. Эта птица не замолкает ни на минуту. Она как будто всех лесных жителей предупреждает о том, что в лес пришёл гость. Лесной звонок, да и только!

В чаще нельзя пройти, не запутавшись в клейкую паутину. Это охотятся пауки, раскидывая свои сети между кустами и деревьями. Неприятные создания, а ведь тоже необходимые лесу. Здесь нет ничего лишнего.

В напоенном ароматом трав воздухе жужжат дикие лесные пчёлы. По травинкам туда-сюда проворно снуют букашки. Замерев, я пристально наблюдаю, как по стволу старого дерева стройной цепочкой бегают неумомимые муравьи, несут к себе домой еду... И вдруг замечаю, как кто-то промелькнул за кустом и — пропал. Кажется, это мой приятель — заяц.

2

Встреча с мудрым зайцем

Я редко бываю в лесу, только лишь тогда, когда у меня есть время. Мы, люди, обычно заняты для всех и всего. Я — деловой человек, и если бы не мой корыстный интерес (послушать от зайца историю и рассказать затем её друзьям, которые будут слушать меня раскрыв рот, восхищаясь историей и мной), то, возможно, я бывал бы в лесу пару раз за год, не чаще. Я люблю лес, но город забирает силы и требует отдавать ему всё свободное время.

Вырваться из объятий города — непросто, и спасибо зайцу: нахожу возможности почаще выехать в лес — ради его историй. Он знает много историй, связанных с лесом. Я всегда внимательно слушаю его и торопливо, боясь что-нибудь пропустить, записываю за ним каждое слово.

Ещё зайчику интересно поговорить со мной о нас, людях. Да, я ему рассказываю о нас. Объясняю, что мы — не плохие. Волки же тоже, если разобраться, не плохие,

они просто есть. Так природой задумано. Значит, необходимы ей, матушке нашей. Необходимы и жучки, и пауки, которые и в нос могут забраться, лисы, которых мой приятель-зайчик боится и которых не любят деревенские жители — с их курочками, цыплятками, утятками. Всё в природе прекрасно, ничего и никого лишнего! И человек — не лишний, хотя беда от него природе. Но это — от безрассудства, а не от злобы, как можно было бы подумать.

Эта книга о лесе и написана только благодаря моему приятелю зайцу. Да, он обыкновенный — серый крупный молодой, но очень-очень умный. Только никому не говорите, что я люблю с ним беседовать. И он со мной говорит — с видимым удовольствием. Почему он со мной разговаривает, когда я прихожу к нему в гости? Наверное, ему пообщаться больше не с кем. Это как у нас, людей, — вокруг тебя крутится много человек, а поговорить-то и не с кем, кроме как с самим собой.

...Каждый раз, пообщавшись с мудрым зайцем и затем попрощавшись, собираю красивый букет из лесных цветов, а потом на автовокзале дарю его незнакомке. И пусть яркий букетик долгое время радует её взгляд...

Вам, наверное, будет интересно узнать, как же произошла наша первая встреча с мудрым зайцем? Тогда — по порядку...

Наше знакомство произошло так. Однажды мне надоело сидеть дома. Как говорится, отпуск необходимо пережить, тем более если ты одинок. Сочинения на тему (как я мысленно называл свои произведения) не создавались. Всё, что приходило в голову, было даже мне неинтересным. И решил я отправиться за вдохновением в лес.

Долго я бродил по лесу и вышел на поляну. Цветы были прекрасны. Впрочем, они прекрасны всегда. Постелив прямо на них походный плед, достав из рюкзака нехитрую провизию, я решил осмыслить, как мне быть дальше. Очень хотелось создать

что-нибудь действительно стоящее, но я чувствовал, что с творчеством придётся на время «завязать». Истории в моей голове закончились. Печально...

И тут я почувствовал, что на меня кто-то смотрит. Мой затылок буквально горел! Я оглянулся — и увидел зайца. Я чуть не подпрыгнул от неожиданности. А заяц — ничего: не испугался, не убежал и даже сказал мне:

— Привет!

От неожиданности я, если бы стоял, то, наверное, упал бы, но я сидел на пледе среди замечательных, вкусно благоухающих цветов, и только почувствовал, как волосы мои на затылке дыбом встают.

Мне ничего другого не оставалось, как пригласить гостя перекусить. У меня было что предложить зайцу В одном из контейнеров находилась отварная морковь. Были и другие овощи, но морковка, как мне показалось, будет ему в радость. Правда, я сомневался, станет ли он есть отварную. Но заяц с удовольствием примостился рядом со мной и, приняв передними лапами предложенное мною лакомство, как мне показалось, улыбнулся и начал есть.

— Вкусно, — проговорил наконец-то заяц, всё ещё жуя морковку.

«Схожу с ума», — решил я в тот момент.

— Странно, — произнёс заяц, — молодой человек, а морковкой питается! Нехарактерно для молодых людей.

— Ну, нравятся мне овощи, — ответил я.

— Не понимаю. Пристрастия у тебя — странные.

Я сделал вид, что совсем не обиделся на замечание нового приятеля.

— Ну, рассказывай. Ты кто такой? — спросил заяц, прикончив морковку.

Это было несколько грубовато с его стороны.

— Ты пойми, — видя моё состояние, продолжил заяц. — Я бы тут не сидел и не разговаривал с тобой, если бы ты не был особенным. Позволь угадать? Ты — из творческой братии. Пришёл за вдохновением.

— Возможно, — проговорил я почти шёпотом.

— Что значит — «возможно»? Мы, лесные жители, думаешь, с простыми разговариваем? Не понимают они нас. А вот вы, творческие, понять можете, не могу, правда, утверждать, что все. Я баек много знаю и могу предположить, что ты — из пишущей братии. Иначе другого бы из наших направили.

— Кто направил бы? — не удержался я.

— Неважно. Вернее, важно, но людям знать это не положено.

— Значит, ты — на службе, — констатировал я.

— Можно и так сказать...

— И что ты мне хочешь поведать?

— Сначала ставлю условие: я тебе о своих ведаю, ты мне — о людях. Думаю, это справедливо. Не одному же мне болтать без умолку!

На это я согласился. Хотя рассказывать мне было абсолютно нечего. Но зайца послушать очень хотелось. Я предложил ему начать.

«Муза в образе зайца ко мне ещё не приходила», — от этой мысли мне стало смешно, но я сдержался. И откуда взялись силы собрать волю в кулак? Лично для меня — загадка.

— Знаешь, — обрадовался заяц, поняв, что я готов его послушать, — разреши начать с истории не совсем о том, что в лесу происходит. Я с полгода назад встречался, между прочим, на этой же поляне с одним писателем, и эту историю он не пожелал показывать своим почитателям. «Не моё это», — так он мне объяснил. Я согласился на это. Но не пропадать же сюжетам! Может, тебе приглянется?

— Расскажи для начала, а там видно будет.

— Слушай. Моя история — о красоте.

Я разлёгся прямо на траве, прикрыл глаза и приготовился слушать.

— Однажды я крутился в соседней деревне. Извини: морковку воровал, капусту грыз. Только мне совсем не стыдно, и не осуждай. Есть хотел. Жизнь у меня не сахар. А ещё я наблюдал, что вокруг происходит. Слушай. Я расскажу тебе о красоте.

3

Сказ зайца о розе

Роза была прекрасна, впрочем, как любая роза. Её алые лепестки были бархатными, мягкими, нежными. Они благоухали, наполняя окружающее пространство ароматом и чарующей музыкой. Роза была высокой, её листья — блестящими. И, как любая красавица, она была колючей.

Однажды розу увидел соловей и был поражен несказанной красотой цветка. Впрочем, все, кто видел розу, не оставались равнодушными.

И соловей запел. Его голос был восхитителен, не такой, как всегда, а чистый, звонкий, дрожащий от любви и восторга.

Роза была в восхищенье! Ведь попробуйте оставаться равнодушным, когда услышите голос соловья. Душа у этой маленькой серенькой, невзрачной на вид птички — нежная, чувственная, неравнодушная ко всему прекрасному, и оттого песни у неё получаются волшебные, возвышенные.

Сегодня свою песню соловей посвящал розе и только ей! Роза от изумления и благодарности заплакала. Её прозрачные слёзы оросили землю.

— Какая чудесная песня! — горько воскликнула роза по окончании песни. — А кто я? Обыкновенный цветок — и всё...

Один за другим стали осыпаться алые лепестки с розы, покрывая сырую землю.

Соловей ошеломлённо посмотрел на одинокий зелёный листок на колючем стебле розы и запел свою очередную, только теперь печальную песню.

— Какая прекрасная была роза, — воскликнул соловей, закончив петь. — А кто я? Я лишь птица, которая только и умеет, что петь. Правда, говорят, неплохо пою. Эта моя песня была только для тебя, прекрасная роза! — воскликнул соловей и упал на землю, к зелёному колючему стебельку.

Утром их нашёл садовник — колючий стебелёк розы и рядом — мёртвого соловья. Приведя в порядок сад, не проронив и сле-

зинки, пошёл садовник домой — отдыхать. А к вечеру старик и вовсе перестал думать и о розе, и о соловье...

...Заяц закончил своё повествование.

Я открыл глаза, перебрался на плед. Взял бутерброд с колбасой и, надкусив, с важным видом произнёс:

— Красота спасёт мир, если не погибнет сама от осознания красоты окружающего мира, от осознания собственной красоты.

— Да вы — философ, — произнёс заяц. — Буду рад встретиться на этой поляне ещё раз. Если вам это нужно...

На последнем слове ушастый просто растворился в пространстве. Не упрыгал, а именно исчез.

Это было для меня перебором. Такой фокус в моём сознании не уместился. Пришёл я в себя где-то через неделю. В моём компьютере был текст о розе.

Что я делал всю неделю, помню смутно. Волновало одно: обидел ли я кого-нибудь, сглупил ли что-нибудь за эту неделю? Обзвонив всех, с кем мог бы общаться в таком состоянии, я понял, что всё в порядке.

Отпуск у меня между тем продолжался. Я решил снова отправиться в лес. Проверить, не привиделся ли мне заяц?

На следующее утро я отправился в поход, не забыв прихватить для своего ушастого приятеля сырой моркови и капустных листьев.

Поляна была на месте, цветы весело, словно доброму приятелю, махали мне лепестками. Не успел я плед на землю бросить, как заметил зайца. Он ждал, когда я буду готов с ним общаться. Выложив морковь из контейнера, я жестом пригласил зайца присоединиться.

Перекусив, он начал свой рассказ.

4

Сказ зайца о дятле

Закрой глаза, мой друг, и давай мы с тобой мысленно отправимся в путешествие в те далёкие времена, когда людей на земле ещё не было. Впрочем, и я в то

«дикое» время не жил, как ты понимаешь. И сам не знаю, насколько правдива байка, однажды рассказанная мне перед сном бабулей.

Закрыв глаза? Представь лес. Высокие деревья, их пышные кроны с сочными зелёными листьями. Почувствуй приятную теплоту природы. Воздух влажный, пахнет молодой листвой, он пьянит, и у тебя кружится голова с непривычки. Ты такой чистотой не дышал никогда. Плотный, вкусный воздух. Во рту становится влажно, он быстро наполняется слюной, сладкой, словно во рту растворилась конфета, которую ты долго не глотал, наслаждаясь её сладостью. А затем ты глотаешь воздух и сам становишься воздухом. Тёплым, чистым, вкусным.

И ты лёгкий, словно воздух, идёшь по лесу, вдруг ставшему страшным, густым, с корявыми, огромными, старыми деревьями. Кронами своими они закрывают небо. Темно. Под твоими ногами хлюпает грязь. А ты босой, и тебе неприятно. Вокруг слышатся странные, незнакомые звуки. Страшно, не правда ли? А как иначе, ты же впервые попал в далёкое прошлое. Вокруг высятся огромные деревья. Ты чувствуешь себя маленьким, беспомощным, но в то же время счастливым. Ещё немного — и ты превратишься в маленького мальчика, который каждый день открывает для себя окружающий его мир.

А теперь представь, что ты родился и живёшь в этом лесу, ты по-детски счастлив. Разве будет лес тебя пугать? Нет конечно. Потому что это — твой родной дом. Для тебя в нём всё привычно. Лес даёт тебе пищу, силу, орудия защищаться от врагов. Но, впрочем, какие у тебя могут быть враги, когда ты идёшь по тёмному лесу, который принадлежит только тебе! Ведь никто, кроме тебя, в нём не живёт.

Не открывай глаза и слушай дальше.

Ты успокоился? Теперь то, что с тобой разговаривает заяц, тебя совсем не волнует. Это естественно. Сделай глубокий вдох. Ещё один, ещё. Теперь то, что с тобой про-

исходит, ты сможешь принять за новую реальность. Это тебе необходимо. Ты должен избавиться от ощущения, что сходишь с ума.

...Я на секунду приоткрыл глаза и взглянул на зайца. И действительно: то, что до процедуры, называемой «копание в мозгу», казалось мне бредом, теперь таковым не выглядело. И действительно: это так естественно, когда с тобой заяц говорит!

Заяц улыбнулся, показав мне свои большие острые зубы.

И я поспешил закрыть глаза.

Заяц продолжил...

...А дело было так. Жил-был дятел в этом чудесном, гостеприимном лесу. Однажды, совершая дневной моцион, а попросту говоря — прогулку, услышал он зов древнего дуба. Птица не посмела пролететь мимо старца и припарковалась на протянутую дубом, высушенную временем огромную лапу. И стала терпеливо ждать, когда старик заговорит.

А дуб не торопился. Выдерживал паузу, так как знал себе цену. Дятлу вскоре надоело ждать, когда старик соизволит говорить, и он даже подумал о том, что пора, конечно же, извинившись, улетать. Что поделать: проблемы, требующие решения, есть и у птиц.

Почувствовав настроение пернатой, дуб, смилостивившись над ней, проскрипел:

— Понимаешь, тут дело такое: работа для тебя имеется, очень деликатная. Меня гусеница совсем заела. Уважь старика, разберись с ней, как подобает доброй птице.

Дятел по долгу службы и, конечно же, по совести не посмел отказаться от предложенной работы и принялся с энтузиазмом за исполнение своих непосредственных обязанностей, а именно — поиск гусеницы.

Гусеницу он вскоре обнаружил, а иначе и быть не могло. Паразитом оказалась зелёная худющая волосатая гусеница — отрада для кукушек. Только дятлу такое лакомство было не по нутру. Дятел решил, что пора принести свои извинения дереву и «сде-

лать крылья», как говорится. Но вдруг лохматая злодейка начала корчить рожицы и даже показала птице язык.

Благородного дятла такое непочтение к его птичьей персоне со стороны потенциальной пищи очень сильно задело.

«Что ж, — подумал он, — сама напросилась! Есть тебя — меня не тянет, но задавить — задавлю».

Обиженная птичка попыталась вытащить лапкой из расщелины ствола зелёную хамку, но щетина гусеницы сильно ей лапку обожгла.

Дятел даже выругался вслух.

...Я живо представил себе взбешённую птицу, и в голове у меня возник текст... От которого цветы, среди которых я лежал, упиваясь чудесным воздухом, могут оторопеть и потерять свои нежные лепестки...

Мы немного отвлеклись. Слушайте дальше историю зайца.

...Разозлённая птичка решила действовать иначе и втиснула клюв в расщелину. Щетина гусеницы попала в ноздри, и дятел, громко чихнув, отлетел на соседнюю ветку. Это окончательно вывело его из себя, и он с ожесточением набросился на ствол благородного дерева. Возможно, это было и не «с ожесточением», а с особым рвением в работе, как знать. Раскачиваясь, дуб попытался сопротивляться, когда так называемый санитар леса принялся раздалбливать расщелину в огромное дупло. Но, чувствуя, что сопротивление бесполезно, старец принялся терпеливо ждать окончания пытки.

Сотворив шикарное дупло и не найдя гусеницы, ничего не соображающий дятел полетел к соседнему дереву и поступил с ним не менее зверски.

С тех пор летает дятел от дерева к дереву, выдалбливая в них дупла. Но его никто не осуждает. Лесным жителям понравились новые квартиры, созданные глупой птицей, а деревья с радостью стали квартиро-

вать пернатых, жаждущих тепла. Не всегда приятно делать другим приятное; но почему бы и нет?!

Кстати, если вас интересует, куда делась гусеница, могу ответить: просто свалилась с дерева в траву и затаилась. Правда, немного ушиблась, но зато получила удовольствие, доведя птицу до «белого каления».

...Заяц завершил свой рассказ, а я, сев на плед, продолжил:

— Я даже знаю, какие слова будут завершать эту историю... Вот, пожалуйста: «А теперь, уважаемый читатель, закройте глаза и представьте себя одним из героев моего небольшого повествования. Кем вы видите себя? Мудрым дубом, предоставляющим всем желающим приют? Вредной гусеницей, от вредности которой неожиданно выходит что-то полезное? Или вы — глупый дятел, от глупости которого выходит польза, если, конечно, он лоб не расшибёт? Лично я представляю себя человеком, пусть даже и диким. Человеком, который избежал участия в этом безобразии».

Заяц был доволен собой.

Я боялся, что он попросит меня в этот раз рассказать какую-нибудь историю из жизни людей. Но заяц, как и в прошлый раз, просто растворился в воздухе.

Однако теперь я, кажется, ко всему был готов: и к говорящему зайцу, и к его исчезновению. Даже мысль о том, что со мной, возможно, что-то не так, перестала меня тревожить.

Когда я вновь посетил лес, то мне довольно долго пришлось ждать своего приятеля. В момент, когда он возник передо мной, я обратил внимание на его состояние: он был чем-то очень расстроен.

— Ужас что произошло в лесу, — произнёс он.

— Готов послушать...

Заяц уселся рядом, смахнул крошечную слезу и начал говорить.

(Продолжение следует)



Ирина Столярова Великий Новгород



Последнее письмо

Её вычислили... Но это уже не имело никакого значения...

Виктор нашёл, с какого компьютера на протяжении месяца ему присылали сообщения с одним только текстом: «Я тебя нашла». И он был очень взволнован.

Марина нажала на кнопку «отправить» и вышла из кабинета. Закрыв дверь, она направилась в отдел кадров, чтобы забрать свои документы.

Виктор получил сообщение о новом входящем письме по электронной почте и открыл его:

Это последнее моё письмо тебе. Ты ведь уже знаешь, кто я. Сегодня был последний день моей работы в твоей фирме. Я сделала для сестры, что смогла. Её больше нет, но она в моём сердце, а её сердце отнял ты, Виктор, забрав сына. Только в чём она

провинилась? В том, что после вашего развода нашла человека, который полюбил её и Диму? Какая была семья! Диме было хорошо с Вадимом. А тебя это задевало. И ты отнял его у них. У матери! Но зачем ты отнял у матери возможность видиться с сыном? Уехал так далеко, чтобы у неё не было возможности с ним встретиться, а по телефону вы были всё время недоступны. Что теперь? Ты скажешь Диме, что его матери больше нет? Что её и так не очень здоровое сердце не выдержало разлуки с сыном и испытаний, что ты принёс в их семью? Да, я видела вас. Тебя и нашего Димочку. Он вырос. Но жаль, что сестра не дожидала до этого дня. Я устроилась сюда, чтобы посмотреть, как вы живёте. Сестра уже болела, когда мы наконец узнали, где вы, поэтому отправила меня. Она попросила меня устроиться к тебе в офис под чужим именем, чтобы ты опять не исчез. Но ты меня и так бы не узнал, последний раз мы виделись, когда я училась в школе. Мать просто хотела знать всё о жизни своего сына, чем он занимается, как учится. Я рада, что перед смертью она порадовалась за него и увидела, как он вырос. Да, я видела, что у вас хорошие отношения с сыном и он счастлив, но это тебя не оправдывает. Я не знаю, что ты ему наговорил тогда, может, обманул, что мама его умерла. И он поверил тебе, потому что был ещё ребёнком. Простит он тебя или нет, я не знаю. Пусть всё будет на твоей совести. Скажи Диме, что мама очень его любила и что у него есть тётя, которая будет ему всегда рада. Мой номер телефона я оставляю на столе. Прощай...

Виктор стоял у окна и провожал взглядом молодую женщину, которая садилась в такси.

— Мне нужно домой, вызови машину, — сказал он своему секретарю.

По дороге домой Виктор думал, как сказать всё Диме, чтобы не ранить его. Он понимал, что никакими словами он не сможет найти оправдание своему поступку, повлёкшему такую цепь событий. Его мать

уже не вернуть, но нужно было сделать так, чтобы он не потерял и отца.

Дома его ждали.

Дверь ему открыл взволнованный сын и сказал, что у них гость.

Виктор бросил сумку в прихожей и прошёл в комнату. На стуле сидел Вадим.

— Привет, Виктор! Давно не виделись.

— Папа, Вадим привёз мне альбом с моими детскими рисунками. Помнишь, я ещё маме рисовал на Восьмое марта. Она любила их... Как жаль, что она так рано нас покинула! Я очень скучаю по ней.

Вадим что-то хотел сказать, но Виктор остановил его. «Не надо, прошу тебя!» — губами прошептал он.

Вадим поднялся, чтобы уйти, пообещав Диме к ним иногда приезжать.

— Я постараюсь, Дима. А ты помнишь сестру мамы? Тётю Марину? Она теперь живёт в этом городе. Я тебе оставлю её номер телефона. Если захочешь, то позвони.

Она будет рада. И я буду тебе всегда рад. Приезжай, когда захочешь.

— Спасибо, Вадим, — сказал Дима.

— Прощай, Виктор. Береги сына.

И Вадим, проходя мимо Виктора, тихонько прошептал: «Она тебя простила. Но как тебе с этим теперь жить?»

Предстоял серьёзный разговор отца и сына.

Дима ушёл на весь день. Отец не находил себе места. Потом раздался звонок:

— Папа, я с тётей Мариной в поезде.

Поживу немного у Вадима и вернусь. Мне нужно время.

— Конечно, сынок... Я тебя буду ждать!

Виктор взял альбом с рисунками сына, что привёз Вадим. Один край листа привлёк его внимание. Это был не альбомный лист, а тетрадный.

Это было письмо от матери Димы. Последнее...

Рекомендуем книги автора

Бабушкин шарф

Рассказы

Мягкий переплёт

132 страницы



Полосатые страницы. КотоДневник

Мягкий переплёт

112 страниц



Игорь Щепёткин

Томск

По северной ветке

*...Поезд идёт... Северная ветка,
ветка акации или, скажем, сирени...*

Саша Соколов

Иногда в разговорах можно слышать, что поезд идёт по кругу — при переосмыслении чего-то важного или в московской подземке, или, наконец, в детских забавах, где игрушечный паровозик с маленькими вагончиками следует по кольцевой дороге.

В моей юности поезд уходил на север, потом шёл обратно. Но люди, которые возвращались, были уже другими...

В конце августа мы с отцом собирали ягоду. В тот день я впервые очутился в сибирской тайге. До ближайшего населённого пункта — не менее сорока километров. Путь сюда показался долгим.

Остаток вечера и всю ночь мы ехали в поезде по северной ветке. Вагон был набит сборщиками ягод с огромными заплечными коробами — горбовиками.

В тесноте вагона отец помог мне протиснуться на верхнюю полку, где я, прикрыв лицо штормовкой и подтянув к подбородку колени, вскорости уснул.

В пять утра отец растолкал меня и сказал на ухо: «Быстро собирайся! Подъезжаем!» Я протёр очки, спустился с полки и спро-

сонья еле отыскал сапоги. За окном было ещё темно. Колёса привычно постукивали на стыках.

Неожиданно кто-то сорвал стоп-кран, и поезд резко остановился. Ягодники были готовы к такому ходу событий, вмиг засуетились и ринулись к выходу.словно парашютисты, они, выпуская из рук поручни, прыгали с подножки вагона в темноту тяжёлого утра. За минуту все вывалились на простор. Большинство из них пошли вдоль железнодорожной насыпи к сигнальным фонарям шлагбаума — видимо, там проходила основная дорога до лесосеки.

— А у нас своё место, — сказал отец и махнул рукой через левое плечо.

Мы пересекли полотно и по едва заметной в сумерках тропе углубились в лес. Я брёл позади, то и дело натываясь на алюминиевый короб отца.

Начало светать, когда тропа свернула в низину.

На повороте отец остановился, подошёл к одинокой сосне и стал считать шаги.

— Кажется, здесь! — крикнул он.

Мы разбросали ветки и вытащили из травы лёгкие штанги. Это были две пары

небольших алюминиевых колёс с ребордой. Они свободно вращались на хорошо промасленных подшипниках, насаженных на длинные металлические трубки.

Через четверть часа мы вышли к узкоколейке, по которой когда-то вывозили срубленный лес. В куче мусора рядом с дорогой отыскивали несколько досок. Сколотили платформу и прибили к ней штанги — ходовую часть. Поставив эту мини-дрезину на рельсы, взгромоздились на неё со своим скарбом. Чтобы не поранить руки, надели верхонки и принялись отталкиваться шестами от насыпи и шпал. Потихоньку набирали скорость. Стук колёс стал чаще: «Чика-ча-та, чикача-та... чика-та, чика-та... чи-та, чи-та, чи-та...». Из-за неровности полотна дрезина слегка покачивалась. Мы словно плыли на плоту с шестами наперевес.

— Виссарионов бор! — громко сказал отец. Ветер развеивал его поседевшие волосы, торчащие из-под смешной лыжной шапочки.

Я глазел по сторонам. Густой мачтовый лес чередовался со сплошными вырубками. Будто в унисон ландшафту, рельсы тоже теряли свою непрерывность. Порой стыки были сравнимы с диаметром колёс, и тогда мы неизбежно терпели крушение. К счастью, обходилось без травм. Иногда нашу дрезину приходилось на руках проносить вперёд, потому что в некоторых местах рельсы отсутствовали совсем.

Так мы проехали по узкоколейке не менее тридцати километров. Внезапно дорога оборвалась — рельсов больше не было. Сквозь остатки насыпи пробивалась молодая поросль. Мы отнесли дрезину в сторону и забросали мхом.

Дальше по компасу на северо-восток пошли пешком вдоль болота.

Через час на моховых подушках стали попадаться кустики брусники. Я наклонился, рассмотрел рисунок листьев этой удивительной ягоды. Кожица на них была блестящей и усыпанной дырочками с исподней стороны.

Отец отёр рукавом штормовки пот с лица и провозгласил:

— Перекур!

Мы присели на упавшую лесину. Вытащили из коробов огурцы, варёные яйца, хлеб, воду. Быстро позавтракали.

— Ну ладно, хватит прохлаждаться. Пора за работу! — скомандовал отец.

Он показал, как пользоваться совком. Потом, подтянув наплечный ремень, двинулся к сосновому валежнику.

Ближе к полудню я набрёл на узкую прогалину, сплошь усыпанную брусничником. Сбросил с плеч короб и налегке увлёкся сбором — на этот раз уже усердно, не отрывая взгляда от ягод. Одну куртинку примечал, другую обирал, повторяя совком одно и то же движение...

Через пару часов вышел на край поляны, где у вывернутого корня неожиданно обнаружил большой моток проржавевшей колючей проволоки. В трёх метрах росла огромная сосна. На ней был старый затёс, несколько вырезанных цифр и буквы «ТАЛ».

— А это с какого рожна тут? — поинтересовался я, указывая на витки проволоки.

— Видать, хотели сделать лагерь.

— Какой лагерь?

— Для заключённых, — сквозь зубы процедил отец и, глядя угрюмо вдаль, промолвил: — Кто-то здесь оказался, на лесоповале. Срубленный лес вывозили по узкоколейке на конной тяге... В тридцатые годы хватали всех подряд...

— А почему?..

Отец не ответил, он уже отвернулся и, хрустя валежником, направился к ближайшему ельнику.

Я внимательно огляделся. Вокруг были только моховые кочки. Пнул одну, вторую... Носок сапога проваливался в труху сгнивших пней. В этом обнажённом прахе копошились муравьи...

К вечеру начал накрапывать дождь. Мы подошли к ручью, за ним возвышался небольшой бугор — отличное место для

ночлега. Под раскидистой елью соорудили шалаш, набросали на землю лапник. Открыли пару банок рыбных консервов «Частик». Отец вытащил фляжку со спиртом, отмерил несколько колпачков в свой стакан и, не разводя водой, выпил одним махом. Через минуту повеселел и стал рассказывать, как работал в юности кинемехаником, возил на лошадях по деревням кино. Однажды киноплёнка порвалась на кадрах хроники с речью Сталина.

— Чуть в штаны не наложил, пока плёнку склеивал, — сквозь смех произнёс отец.

Потом он вспомнил, как прошлым летом был с братом в тайге. Собирали ягоду в районе Медвежьего мыса и потеряли обратную дорогу. Блуждали три дня. Питались одной ягодой, пока не вышли к реке. Встал вопрос о поиске моторной лодки, на которой приплыли. Как они поняли, в каком направлении искать, я уже не слышал — уснул под шум моросящего дождя.

Утром проснулся от глухариного тока. Выкарабкался из шалаша. Натянул сапоги. Отца на стоянке не было. Его согбенная фигура виднелась на другой стороне мочажины — он собирал ягоду. А я побежал на болото искать место, откуда доносилось токование. Протёр запотевшие очки и увидел посреди топи на одинокой сушине большую птицу — глухаря...

К обеду я набрал половину короба. У отца короб был почти полный. Нам следовало возвращаться, чтобы успеть к отходу поезда. А до станции ещё ого-го как далеко!

На обратном пути проехали по узкоколейке на несколько километров больше — так было ближе к станции. Разобрали дрезину, кинули колёса под корягу и прикрыли корой — пригодятся, когда в сентябре пойдём за клюквой.

Мне захотелось снова приехать в тайгу, пройти по зыбуну болота и, расправив болотные сапоги, упасть на колени в мягкий сфагновый¹ покров...

Когда подошёл поезд, было уже темно. Залязгали тормоза. Сбивая друг друга, люди

с тяжёлыми коробами бросились к вагонам. Отец подтолкнул меня к ближайшему входу. Я вцепился в поручни, вскочил на подножку первым, за мной, вытянув жилистую шею, с трудом поднялся отец.

Через минуту вагон загудел мужскими голосами, до отказа наполнился людьми. Некоторые так и остались стоять в тамбуре. Я присел на краешек нижней полки, скрестил на крышке горбовика руки, положил на них голову и уснул.

Под утро за окном замелькали городские улицы. Поезд остановился. Мы вышли на перрон.

От вокзала до дома было близко: сначала с полкилометра через привокзальный микрорайон, потом — минут десять вдоль железнодорожного полотна.

Мы шли мимо панельных пятиэтажек. У одного из подъездов двое пьяных парней вели шумный разговор, похлопывали друг друга по плечу. Отец бросил в их сторону какую-то незлобную шутку. Им это не понравилось, один из них подбежал и нанёс мне удар в грудь. Я потерял равновесие, упал и от неожиданности, обессилев, не мог подняться. Другой парень стоял в луже пива и размахивал руками, не давая отцу подойти ко мне. Первый продолжал наносить удары ногой, метя в голову. Я закрыл лицо и очки руками, принял позу улитки. Почти все удары приходились в предплечья.

— Мальчонку-то зачем?! — закричал отец чужим хриплым голосом.

Страх, как омут, тянул вниз, да ещё за плечами был короб с ягодой.

Наконец парни ушли. Отец помог мне встать, и я увидел свет. Дальше мы двинулись вдоль рельсовых путей по пропитанным креозотом² шпалам. Я брёл молча, тихо посапывая, и не чувствовал боли в онемевших конечностях. Трясущимися

¹ *Сфагновый мох* — род мхов, обычных обитателей верховых и переходных болот.

² *Креозот* — маслянистая жидкость с сильным запахом, получаемая из древесного и каменноугольного дёгтя. Применяется для пропитывания деревянных шпал.

руками придерживал очки — их дужки были погнуты.

Вскоре мы вышли к нашему микро-району Опытное поле. Надпись на крайней пятиэтажке насмешливо гласила: «ул. Ягодная, д. 1». Холодный ветер налетал порывами и срывал с тополей первые пожухлые листья. А ведь до нашего отъезда в тайгу они были ещё зелёными.

Я шёл по улице за отцом. Он попросил не говорить маме о том, что случилось. Я промолчал. Вспоминал, как мы ходили по рыжим торфяникам и мелколесью, собирали ягоду. Из тайги она перекочевала теперь в наши заплечные короба. Ягода была красная и, наверное, уже дала сок.

* * *

...Наутро я пробудился от глубокого сна.

Мама предложила отнести банку брусники Илье — моему другу и соседу по подъезду. Изредка мы вместе играли в шахматы.

Я спустился на один этаж и за чашкой чая рассказал Илье о находке в тайге. Он задумался, потом пообещал провести меня в оранжерею, где время от времени проходят заседания культурологического клуба.

— В оранжерее? — удивился я. — Оригинально!

— Богдан там сторожем подрабатывает. Вообще-то он социолог в университете.

В назначенное время мы поторопились в оранжерею. Ещё бы! Теплицы говорили о детстве, о первом визите в ботанический сад. Где-то в семейном альбоме даже есть фото с той экскурсии: корни тропических деревьев ползут навстречу друг другу, лиана обвивает стволы, а под пальмой — карапуз, то есть я.

С нетерпением и волнением я шёл туда. Мнилось, что этот визит принесёт понимание чего-то важного: словно мне, а не Вере Павловне приснился тот сон¹ — яко-

бы только в оранжерее можно вырастить такие колосья.

В теплице, куда мы пришли, выращивали цветы. В ожидании семинара двое молодых людей прохаживались вдоль грядок: слева росли астры, справа — лилии.

— Лист хорош, и цветок хорош. Женщины будут счастливы. Всё будет хорошо, — промолвил один из них по имени Василий.

Я не мог понять, сказал он это серьёзно или с оттенком насмешки.

Рядом с пустыми горшками из-под рассады стоял Богдан. В руках он держал тетрадь с конспектами — готовился к выступлению. Подошло ещё человек шесть...

Совершенно не помню, что обсуждали на том заседании. Было жарко и нестерпимо душно, и от этого появилось желание поскорее уйти.

Зимой я ещё пару раз посетил семинары клуба. Там впервые узнал про Солженицына и Шаламова, но литературу на руки не дали — присматривались. Об истории строительства северной ветки и лагеря заключённых никто толком не знал, больше говорили о высокой материи.

Наступила весна високосного 1980 года. В марте бывшая жена Василия написала донос, выдала его круг знакомств, перечень зарубежной и самиздатовской литературы. В оранжерее провели обыск, книги и фотокопии были изъяты. Обыски прошли и в квартирах. Местный КГБ завёл «тепличное дело». Богдана и Василия уволили с работы. Илье передал, что мне лучше на время покинуть город.

...Я вспомнил, что давно не навещал деда в деревне.

Ехать в деревню надо было по той же северной ветке.

Я сошёл на знакомом полустанке — деревянная платформа, будка для кассы. Махая флажком, одинокий стрелочник в ярком жилете шагал вдоль железнодорожного по-

¹ Четвёртый сон Веры Павловны в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?».

лотна. Миновав зону отчуждения, я свернул на просёлочную дорогу.

Весна была ранняя. Снег растаял на открытых местах, лишь кое-где в ложбинах и в тени деревьев виднелись покрытые хвоей и прелыми листьями тёмные сугробы. Дорогу изрезали глубокие колеи, полные талой воды. Попуток не было, ну и ладно. Я шёл не торопясь, вспоминал места, которые остались в памяти с детства. Вот на этом повороте дед надломил стебель борщевика, содрал с него кожицу, дал мне попробовать, потом лукаво промолвил: «Были бы борщевик да сныть, а живы будем». А за этим бугром шли по обочине, иногда углублялись в лес — проверяли грибы. Вот поворот в соседнюю деревню Малиновку... Дальше — полуразвалившийся мостик. Правый берег реки густо зарос тальником. Здесь сельские ребята ловили хариусов...

В прошлый мой приезд дед всю дорогу покашливал, без всякого повода говорил: «Эх, внучок, внучок...»

Два года я не видел деда. Каким он стал сейчас?

Дорога, вся в рытвинах и ухабах, подходила к выселкам. Вскоре показался пруд. За ним торчала старая силосная башня. Её чёрный силуэт отражался в холодной воде. Я застыл, с улыбкой вспомнил, что моя первая рыбалка была на этом месте. Дед тогда сделал из тальника удилица, и мы пошли рыбачить на заросший камышами мысок. Я долго следил за поплавком из пробки, который ветром то и дело сносило к кустам. Неожиданно поплавок скрылся под водой, леска резко натянулась. Я дернул удочку и вытащил на берег карася. Дед заметил мой улов, подошёл и буркнул, что пора возвращаться. И всю дорогу обратно канючил, чтобы я сказал бабе Жене, что это он поймал рыбу...

Ещё в детстве я узнал историю деда. Во время войны он, весь исхудавший, вернулся домой. Жизнь в городе была голодная, и он уехал отъедаться в деревню, на север. Жил в семье Женьки — двоюродной

сестры своей жены, моей бабушки. Муж бабы Жени не вернулся с Финской войны. С тех пор дед стал жить на две семьи, а после смерти моей бабушки насовсем переехал в деревню...

Вот и знакомый взгорок, на нём — изба с покосившимися ставнями. Свернув на еле приметную тропку, я вышел к надворным постройкам. Угрожающе зашипел гусь, залаял пёс... Сырая земля у сарая была заляпана птичьим помётом. На крыльце лежал окровавленный топор. С силой толкнув плечом дверь, я ввалился в тёплую избу.

Дед сидел у окна, любуясь букетом из веточек распустившейся вербы. Завидев меня, от удивления высоко вскинул брови, вскочил и крикнул за печку:

— Женька, ставь самовар! Внук приехал!

Я прошёл вперёд и увидел в углу избы на маленькой скамеечке бабу Женю. Она ощипывала курицу.

— Боже ж мой! Егор! — разом выдохнула баба Женя.

Всплеснув руками, забежала по избе, засуетилась. Из беззубого рта хаотично вылетали звуки. «Вырос-то как!» — с трудом уловил я фразу из невнятной речи.

Я улыбнулся и вынул из рюкзака банку брусники — всё, что осталось от прошлогоднего сбора.

После ужина мне постелили на топчане, и я утонул в перине. Над постелью — голбелен с изображением пятнистых оленей возле озера. На стене напротив веером висел хвост глухаря. Я долго смотрел на этот дедов охотничий трофей, вспоминал события последнего года...

Неделю я жил в почти обезлюдевшей деревне. Половина из двух десятков домов нежилые. На единственной улице тихо и сонно. Лишь однажды увидел старика с палочкой — говорили, что в молодости он повредил ногу на лесоповале.

По утрам я подолгу лежал на топчане и мечтал на манер Обломова. В доме, кроме листов отрывного календаря, читать было

нечего. Я заскучал и на седьмой день под вечер сообщил, что завтра поеду в город.

Дед погрустнел. Потом попросил помочь сделать масло и, отирая платком лысину, с расстановкой, вполголоса промолвил:

— Отвезёшь матери гостинец... Совсем стала забывать... Ждал на Паску...

Баба Женя достала из подполья сливки. Я принялся взбивать их в деревянной маслобойке — узкой кадушке, стянутой двумя стальными обручами. Сидя на низком табурете, монотонно и бесчисленно повторял одно и то же движение: поднимал точёную ручку и быстро погружал её в упругие сливки. Порядком утомился, когда наконец почувствовал, что ручка маслобойки стала упираться во что-то твёрдое. Открыв крышку, я увидел бесформенный солнечный кусок масла.

Подошла баба Женя. Раздались аханья и звуки одобрения. Я был счастлив!

Следующим утром дед провожал меня возле околицы. Он тяжело кашлял. Из его

воспалённых глаз по заросшей щетиной щеке сами собой текли слёзы.

Всю дорогу до просёлка я часто оборачивался, махал деду рукой, пока мог различать его одинокую фигуру.

Поезд прибыл в город поздним вечером. Выйдя на перрон, я пересёк площадь и бесстрашно зашагал через пустынные дворы привокзального микрорайона.

Под козырьком одного из подъездов стояли два парня. Я машинально кивнул им. Пройдя через двор, свернул к железнодорожному полотну и дальше пошёл по шпалам. В заплечном мешке я горделиво нёс ветку вербы.

Красные огни семафоров мигали в отдалении. В тупике замер ржавый вагон. Прозвучал протяжный гудок локомотива. На повороте заскрипели рельсы. Они прошли закалку в литейных цехах ушедшей эпохи.



Иллюстрация Лилии Гойзман
www.lilia-art.com



Зоя Видрак-Шурер Нью-Йорк



Златка

(Окончание. Начало в № 3/2021)

Часть 3

Следующий день, казалось, протекал как всегда. Наташа со Златкой гуляли и играли, ходили в магазин и варили обед. Единственное, что беспокоило Наташу: Саша уехал с утра к Гураму. Смутное волнение не покидало её.

Вечерело.

— Златочка, пора собираться спать, — с тревогой поглядывая на часы, сказала Наташа.

— Папа потелялся, — неожиданно произнесла девочка.

— Как это — потерялся, детка? Папа не может потеряться. Он уже большой! — улыбнулась Наташа дочке.

— Папа потелялся! — повторила малышка упрямо.

Наташа внимательно посмотрела на ребёнка. Глубина её чёрных глаз затягивала.

— Дядя плохой, — добавила девочка.

— Какой дядя? — не понимая, пробормотала Наташа. И тут неожиданная догадка мелькнула в голове: — Гурам?

Малышка кивнула.

— Но что же делать? — растерялась Наташа. — Что ты имеешь в виду?

Девочка молчала. Несколько мгновений они стояли молча, вглядываясь друг в друга, соединившись во взаимном волнении.

— Хорошо, — нерешительно начала Наташа. — Давай я попробую. Так долго не занималась этим, не выходила в астрал!

Она придвинула девочке детский стульчик, попросила:

— Посиди здесь тихонько, хорошо? Я попробую.

Она села на диван, закрыла глаза, расслабилась. Тело мгновенно вспомнило забытую технику. «Саша», — приказала она себе. И увидела:

Знакомая комната... картины... телевизор... диван... На диване неподвижно лежал Саша. Слабое дыхание чуть приподнимало и опускало грудь. Из лба выходил серебристый шнур, как она и ожидала, и уходил куда-то в высоту.

Не теряя шнур из виду, она мысленно стала подниматься вслед за ним. Расстояние казалось бесконечным. И чем дальше, тем размытее становился шнур, пока не исчез совершенно в расширяющемся тёмном облаке.

«Ничего не понимаю. Где Саша?» — мелькнуло тревожно. И с этой мыслью она открыла глаза.

— Кажется, папа действительно потерялся, Златочка, — растерянно обратилась Наташа к безмолвно сидящей на детском стульчике дочери, не сводящей с неё огромных внимательных глаз. — Что же делать? Поехать туда? — бормотала сама себе Наташа. — Да, я поеду, — решила она. И обратилась к ребёнку: — Давай я отведу тебя к тёте Марине, хочешь? Поиграешь

там с Олечкой, а потом тётя Марина уложит тебя спать? А утром я тебя заберу?

— Нет-нет, — замотала головой малышка. — Бели Злату! — запрыгала она, требовательно поднимая к маме ручки. — Бели!

— Но — девочка моя — это же ехать через весь город! И тяжело, и поздно, — пыталась убедить сама себя — и дочку — Наташа.

— Бе-ли! — повторяла девочка. На глаза навернулись слёзы.

— Ну, хорошо, поедem, — решила Наташа, с волнением глядя на расстроенного ребёнка. — Я вызову такси.

Часть 4

Она позвонила в дверь, и та моментально открылась, словно их ждали. Седеющий полноватый, небольшого роста человек стоял на пороге.

— Гурам! — вырвалось у Наташи.

— Ага, приехала всё-таки, — с усмешкой произнёс тот. — Ну, проходи.

Наташа рванулась в гостиную. На диване лежал Саша. Бледное лицо. Еле слышное дыхание.

— Что ты с ним сделал?! — вскричала она.

— Ничего особенного. Он поднимался в астрал, я страховал.

— И что же? Почему он не вышел оттуда? Он принял ЛСД?

— Да, принял. Это был наш с ним уговор.

— Но почему ты не вывел его оттуда? Что происходит?

— А — ничего! — грубо ответил Гурам. — Хотел посмотреть, что получится! Да тебя в гости дождаться, — усмехнулся.

— Ты — страшный человек, — вырвалось у Наташи.

— Не страшнее атомной войны, — буркнул тот.

— Страшнее, — отреагировала Наташа.

Тут её взгляд упал на Златку. Девочка стояла прижавшись тельцем к отцовской руке. Глубокие её — Сашины — глаза, распахнувшись, смотрели куда-то вверх.

— Эль, Эль! — радостно произнесла она.

Наташа последовала взглядом за взглядом своей малышки, но — как всегда — ничего не увидела.

— Вот это — да! — вдруг услышала она реплику Гурама.

Наташа обернулась к нему и поняла, что он — тоже — видит.

— Эль, Эль! — прыгала малышка, приветственно размахивая ручками.

Тут с дивана послышался шорох. Переведя взгляд, Наташа увидела, что Саша шевельнулся и — открыл глаза.

— Сашенька! — вырвалось у неё. — Как ты? Сядешь?

Тот слабо кивнул. Помогая мужу сесть, Наташа услышала слова Гурама:

— Ну и чудо ты привезла мне! — С неподдельным интересом он разглядывал ребёнка. — Это — Нечто! Это ваш ребёнок? Отдашь мне её на учебу, когда подрастёт?

Ответить Наташа не успела, как он продолжил:

— Да это мне надо будет учиться у неё.

Присев перед малышкой на корточки, он спросил:

— Познакомимся? Меня зовут дядя Гурам.

— Нет, — сердито ответила девочка, замотав головкой, и спрятала ручки за спину. — Нет.

— Ну, конечно, — нахмурился Гурам, вставая, снова потемнев лицом. — Всё! Забирай своего потерпевшего! Уезжайте!

— Сейчас, — ответила Наташа, — я вызову такси.

Плавno покачиваясь, такси гнало по ночной Москве. Наташа сидела между мужем и дочкой. Саша полудремал, откинувшись на спинку сиденья. Златкина головка покоилась на Наташиных коленях. Пошевелившись, Саша слегка застонал.

— Как ты чувствуешь себя? — спросила Наташа.

— Как с подпития, — ответил Саша.

— Не представляю, чем бы всё кончилось, если бы ни Златкин Эль, — задумчиво произнесла Наташа.

— Я видел его. Это он вывел меня из мрака.

— Я поняла. Как он выглядит?

— Сияющая фигура. Это было кратко.

Златка чуть шевельнулась на её коленях. Приподняла головку, сказала, сонно потянувшись:

— Эль не будет бойсе иглать со мной. Он сказал: «Ты узе больсая».

— Ты уже большая, — повторила эхом Наташа. — Не будет больше играть, говоришь? — Наташа наклонилась над ребён-

ком. — А защищать? Защищать он будет тебя?

— Засисять будет, — пробормотала малышка, устраиваясь поудобней на маминых коленях.

— Ну, это — главное, — заключила Наташа, нежно касаясь золотистой головки ребёнка. И повторила уверенно: — Это — главное.

А рассвет уже поднимался над сонной пробуждающейся Москвой, смывая страхи и огорчения ночных фантазмагорий, обещающая новый день, новые поражения и новые победы.

Страницы автора
stihi.ru/avtor/zoya4
stihi.ru/avtor/zvidrak
proza.ru/avtor/zvidrak

По ту сторону реальности

Серия сборников мистики и фантастики



Каждому человеку интересно ощутить себя за гранью этого мира, и мы предлагаем вам открыть портал во вселенную, которую создавали для вас более тридцати авторов. Добро пожаловать за грань вашего сознания, в мир, наполненный мистическим духом и фантастическими технологиями! Позвольте своему разуму окунуться в атмосферу, далёкую от привычной. Пусть каждая страница впитает в себя ваши эмоции и переживания! И поверьте: читая эти сборники, вы сможете ощутить себя «по ту сторону реальности».

Твёрдый переплёт

От 208 до 292 страниц



Владимир Гуляев

Барнаул, Алтайский край



Прости, Мурзик!

У нас был красивый кот Мурзик.

Он забрёл к нам маленьким котёнком. Зашёл запросто напрямиком на праздник в день рождения внучки. Уселся на пороге летней кухни и смотрел на всех широко открытыми глазами на красивой двухцветной мордашке. Его окрас сразу привлёк внимание гостей.

Естественно, такая «прелесть», явившаяся посреди праздника, не могла остаться без внимания, а уж без угощения и ласки со стороны внучат — тем более.

В общем, Мурзик, непонятно почему его как-то так сразу назвали, остался у нас жить.

До этого котёнка в нашем доме не было кошек, была только собака Герда, не породистая, а помесь с овчаркой. Она обитала во дворе в вольере, огороженном стальной сеткой, откуда с удовольствием, но беззлобно ворчала, а иногда и негромко, но убедительно лаяла на людей, проходящих

мимо дома, показывая этим, что дом находится под надёжной охраной и что хозяйева не зря её кормят вкусными косточками.

Появление Герды у нас «в хозяйстве» тоже было не совсем обычное: я, будучи многие годы жильцом многоэтажного дома, даже в мыслях не держал того, чтобы завести какую-нибудь животину в квартире.

А тут, когда построил свой дом, появилась такая шальная мысль — завести собаку. Ну, для того, чтобы гавкала в порядке охранной необходимости, да и для первой внучки забава будет! Поехал покупать собаку по объявлению, внучку взял с собой: обещали полуторамесячного овчара-кобеля и недорого, всего-то за одну тысячу рублей. Щенок и вправду был крупный и плотный. Внучка прыгала от восторга и гладила щенка с любовью и радостью в глазах. Щенок, конечно, был красив, ухожен и с умными чёрными, немного тоскливыми глазами.

Купил.

Потом, чуть позже, выяснилось, что мой кобель оказался не полуторамесячным, да ещё и не овчарка, а помесь. А в довесок оказалось, что и не кобель! Намётанный глаз соседа это определил сразу. Но что-то менять было поздно — внучка уж прогуливала это «чудо» на поводке по двору, заливиисто смеясь и радуясь новому другу-подруге. И имя ей сразу дала — Герда, наверное, из сказки о Снежной королеве.

Ну что же — не кобель и уже почти не щенок, но хоть имя появилось у этой моей покупки интересное — Герда! Самоё её появление оказалось первым сюрпризом, но не последним. Потом, со временем, Герда преподнесла ещё несколько неожиданных и интересных сюрпризов, которые мы часто вспоминаем с удовольствием.

А пока — рассказ о котёнке.

Котёнок Мурзик быстро освоился с территорией вокруг дома и даже бесстрашно подходил близко к вольеру Герды, садился и подолгу смотрел на неё. Герда вначале лаяла и прыгала на сетку, стараясь напу-

гать и отогнать подальше наглого котёнка. Но он сидел и смотрел на все её безопасные для него прыжки и скачки. Спустя какое-то время он вставал и спокойной походкой уходил гулять по огороду, показывая своё безразличие к её грозному рыканью и лаю.

Вскоре, видимо, и Герде надоело попусту лаять. И, когда котёнок вновь подходил к ней близко, она уже не лаяла, а тихо ворчала и смотрела на него с явным любопытством и интересом: насколько у котёнка хватит наглости приблизиться к ней.

Мурзик рос, и наглости со временем у него хватило на многое.

Научившись забираться на забор, молодой кот запрыгивал на крышу гаража, к которому примыкал вольер, и нагло прохаживался по краю крыши, помахивая хвостом и дразня Герду. А через некоторое время, осмелев или вообще обнаглев, Мурзик стал ходить по краю ограждения вольера, иногда останавливаясь и подолгу смотря на неё. Герда, видимо, сообразила, что не стоит больше обращать на этого «наглёныша» внимания, она отворачивалась от него в сторону своей будки и с удовольствием грелась на солнышке.

Возможно, и Мурзику надоела дрессировка собаки, а может, он подумал, что сумел её укротить, потому что он тоже перестал докучать ей своими выходками.

А может, они оба поняли, что живут в одном дворе и не стоит портить друг другу нервы, а нужно жить в мире и согласии.

Когда имеешь животных в доме, поневоле появляется необходимость узнать об их привычках и особенностях в содержании.

Мы слышали и читали, что коты «метят территории»; что это такое и как это выглядит — узнали из Интернета.

Прошло какое-то время, и вот мы неожиданно стали чувствовать неприятный запах в комнате, сначала слабый, потом сильнее. Проветривание комнаты не уменьшало запаха, появилось чихание.

Это была явно не простуда. А аллергическое. Но от чего?

Ещё раз, почитав статьи в Интернете, пришли к выводу: кот метит — вот отсюда и запах! Скорее всего.

Однажды я пришёл с работы, и то ли настроение было не очень, то ли устал от езды по городским пробкам, а тут ещё «запах меток», и кот кстати попался мне на глаза.

В общем, повёз его к ветеринару.

Тот, как специалист, знающий своё дело, сказал:

— Возможно это от того, что ваш кот «метит», нужно сделать кастрацию.

Ветеринар провёл операцию быстро и с явным удовольствием, так мне показалось, хотя меня передёрнуло при мысли, что кот лишится части себя.

Но и нам аллергические чихания тоже были ни к чему. Пришлось чем-то и у кого-то жертвовать, в данном случае — у кота.

После приезда от ветеринара мы ещё раз тщательно промыли всё в комнате и доме, но неприятный запах дня через два стал резче.

Не зная, что сделать и где ещё посмотреть, я заглянул на высокий шкаф-купе, где с осени до весны хранилось несколько тыкв. Тыквы за зиму были съедены...

Но в уголке лежала почти полностью сгнившая маленькая тыква, видимо, случайно забытая. И воняла...

Вот она, виновница запаха! А мы уже посетили ветеринара. Поторопились, значит. Так что прости, Мурзик!





Международный детский литературный клуб «Озарёнок»

Страницу ведёт *Нина Гаврикова, руководитель МДЛК «Озарёнок»*

IV Всероссийское совещание молодых литераторов Союза писателей России

Коллектив МДЛК «Озарёнок» стал финалистом конкурса молодёжных литературных объединений «ЛИТОСФЕРА».

Анастасия Нестерова, II президент, почётный член МДЛК «Озарёнок», побывала вместе с Натальей Сергеевной Нестеровой, руководителем Уфимского отделения МДЛК «Озарёнок», магистром педагогики, на награждении.

IV Всероссийское совещание молодых литераторов Союза писателей России прошло с 26 по 30 мая 2021 г. на трёх площадках Москвы и Подмосковья. Молодых литераторов порадовало количество рабочих форм. Важнейшей задачей совещания молодых литераторов является формирование единого российского литературного пространства. В 32 регионах России действуют Советы молодых литераторов, при этом отделения Союза писателей России работают в 92 субъектах Федерации, что делает СПР одной из самых разветвлённых общественных организаций страны. Процесс многоплановой и многоуровневой работы совещания располагал к общению, обмену опытом между молодыми писателями и организаторами литературных объединений, формируя тем самым новые способы взаимодействия. Круглые столы, дискуссионные клубы, проектные школы, творческие вечера, конференция и семинары — всё это позволило в живом развивающемся процессе обеспечить качественное взаимодействие значительного количества людей друг с другом.

Благодарим Андрея Николаевича Тимофеева, члена правления Союза писателей России, председателя Совета молодых литераторов Союза писателей России, за высокую оценку просветительно-литературной деятельности Международного детского литературного клуба «Озарёнок», за предоставленную возможность принять участие в таком масштабном мероприятии, познакомиться и пообщаться с единомышленниками, за заряд бодрости и креатива!

Мы были глубоко впечатлены личной радушной встречей с Николаем Фёдоровичем Ивановым, председателем Союза писателей России, его вниманием к подрастающему поколению и поощрением наших начинаний.



**Поздравляем лауреатов и финалистов
Всероссийского литературного
конкурса с международным участием
«На благо Родины» 2020/2021**



На V Всероссийский литературный конкурс «На благо Родины» поступило 567 работ, во второй тур прошло всего 240 участников, из них члены МДЛК «Озарёнок»: **Анна Лоева** (г. Пенза), **Михаил Абрамов**, **Елизавета Кряквина**, **Анастасия Гаврикова**, **Анфиса Кряквина** из Сокола. Лауреатами III степени конкурса стали: **Анастасия Нестерова** из Уфы и **Мария Сазикова** из Катав-Ивановска. Конкурс организован Союзом писателей России и Молодёжным международным сайтом «Ключ». Представляем рассказ Анастасии Нестеровой.

Кровавое солнце

Семья провожает его, как и всех, на вокзале. Под пасмурным промозглым небом плачет мать, украдкой утираясь скомканным платком, и отец сжимает её плечи, пряча в уголках глаз непрошенные слезинки. Сестрёнка держит в руках игрушку-зайца и нетерпеливо перебирает пальчиками у него за ушами.

— Ну, будем прощаться, — смущённо начинает он.

Мать всхлипывает, порывисто обнимает его, мокро целует в щёку и резко отстраняется.

— Сынок, ты уж береги себя.

— Да, мама.

Она сворачивает платок, суёт ему в руку и спрашивает, запинаясь на полуслове:

— А что Катя? Она ведь зна...

— Не придёт, — отрезает он.

Отец хлопает его по плечу и неловко брякает напутственное:

— Будь здоров, мать не забывай.

Он понимающе кивает и встаёт на колени перед сестрой.

— А что ты мне скажешь?

Она поднимает на него глаза, треплет зайца за лапу и молчит. Он ждёт её ответа, затем крепко перехватывает мягкую ладошку. Она тянет на себя — не выпускает. Потом улыбается и подходит ближе, тихо просит:

— Отпусти, я тебе дам что-то.

Он покоряется. Сестрёнка цепко нащупывает на спине зайца замок, вытаскивает из тайника конфету и протягивает ему.

— На, возьми.

— Откуда это у тебя? — он берёт, удивлённо рассматривает узор на фантике.

— Новогодняя, — отмахивается она. — Ещё есть. Хочешь?

— Оставь себе.

Кладёт подарок в брючный карман, гладит сестрёнку по щеке и поднимается на ноги.

— Спасибо, что проводили. Вернусь, когда контракт закончится.

Поезд лениво ползёт вдоль перрона, оставляя позади печальный вокзал, набирает темп и, стуча колёсами, покидает город. Мимо проносятся тронутые позолотой деревья, сливаясь в причудливый танец увядания. Он смотрит в окно, на то же мрачное небо, что видят его родные, и с тоской прижимает к груди куртку.

Его направляют в недалёкую страну, однако там летнее пекло выжигает землю дотла и в скалистых ущельях продолжается маленькая страшная война. В крошечном отделении все знакомятся близко: всякая жизнь на счету. Бесценное время стекает каплями пота по усталым лицам. Ответственность, возложенная на них, дробится десятками заданий и поручений, испол-

нить которые необходимо в срок. Кто-то из них однажды не справится, не вернётся. Сегодня? Завтра? Каждый новый день догорает в ослепительном закате, провожая в ночь тревоги и отчаянное нелепое желание — проснуться завтра. Душное утро наступает всегда сегодня.

Небеса взирают одинаково на тех, кто ниже. А он упорно устремляет взгляд ввысь, чтобы там, далеко, на родине, именно она смотрела бы, в точности как он, на сияющее солнце. Бросает торопливые взгляды на вереницу тощих облаков, даже когда на водителемском кресле другой рядовой напряжённо рулит грузовиком со снаряжением и припасами. Андрей, высокий парень с рыжей чёлкой, торчащей из-под козырька, не в первый раз ведёт машину, пока он следит за пыльной пустой дорогой.

— Сегодня спокойно, — наконец говорит Андрей. — Может, и обойдётся.

Он молча кивает, и они едут дальше в звенящей тишине — в безмолвии одиноких, затерянных в пустынных пейзажах странников. Под колёсами скрипит прокалённая солнцем сухая земля. Вся в глубоких трещинах и рытвинах, она хранит в себе не

только богатства, но и смерть. Он знает, что смерти никто не ищет.

Из-за холмов показываются белые шатры лагеря на острове желтеющей травы.

— Что это?! Кто? — вскрикивает Андрей. — Их... их не должно быть здесь!

Ветер доносит треск голоса из рупора, говорящего на непонятном языке. Чем ближе холмы, тем яснее видны очертания машин, загораживающих проезд, и стоящих за ними людей с винтовками.

— Чего они хотят? — судорожно бормочет Андрей и умоляюще смотрит на спутника.

Тот тоже напуган. Ситуацию разрешает череда выстрелов. Он успевает спрятаться, прижавшись головой к коленям. Одна из пуль прошивает правую руку Андрея, что тут же безвольно обвисает, вторая дёргается вниз. Грузовик заносит влево, коробки в кузове ударяются о стенки с ужасающим грохотом. Андрей жмёт на тормоз, и машина встаёт боком, бросая сослуживцев вперёд.

Надо выбирать. Резким толчком распаивает дверь, опускается на колени, кладёт на землю пистолет, вынутый из кобуры, и сцепляет руки за головой.

Продолжение читайте по ссылке

www.club-key.ru/index.php/ru/88-raboty-noyabr-2018/2379-podborka-rabot-31-01-21

По итогам Всероссийской литературной акции «Книжкины именины – 2021»

Одним из актуальных направлений деятельности клуба стали ежегодные Всероссийские литературные конкурсы и акции «Неделя детской книги» и «Книжкины именины». В апреле 2021 г. для членов МДЛК «Озарёнок» провели акцию «Книжкины именины», все участники стали победителями. Дополнительно членами жюри было принято решение о выдаче командных дипломов и главного приза — альманаха для детей школьного возраста «Енисейка — 2021» (с публикацией «Загадки прямо с грядки» Н. П. Гавриковой). **Обладателем главного приза** стало Казанское отделение МДЛК «Озарёнок» во главе с Н. Л. Захватовой (Е. Макаров, А. Большакова, М. Биккулова, Е. Кобзева, А. Газетдинов, А. Шакиров, Е. Мурзина). Сокольское отделение МДЛК «Озарёнок» заняло 3-е место (Т. Пачина и С. Афонина из Тамбовской обл., М. Сазикова из Челябинской обл., А. Гаврикова, М. Абрамов, Е. и А. Кряквины из Сокола).



Марк Садыгов

8 лет, МБОУ «СОШ № 45» с углубленным изучением отдельных предметов, г. Уфа. Классный руководитель — С. П. Сорвина



Вадим Новрузов

6 «А» класс, ЧОУ «Гармония», г. Уфа. Классный руководитель — И. К. Шаяхметова; учитель литературы и русского языка — Р.Д. Фахретдинова, руководитель МДЛК «Озарёнок», Уфимское отделение — Н.С. Нестерова

«Гарри Поттер» Дж. К. Роулинг

Моя любимая книга — о Гарри Поттере. Я сначала смотрел фильмы о Гарри. В каждом фильме о нем я видел, как он рос. А потом я начал читать эти книги. Они о том, что юный волшебник со своими друзьями проходят разные приключения и никогда не останавливаются на пол дела, всегда достигают своих целей.

Мне больше всего понравилось, то что Гарри и его друзья никогда не бросают друг друга в беде и как они проходят разные приключения.

Я посоветовал бы эту книгу, потому что она очень добрая и поучительная. Она учит, что никогда нельзя бросать своих друзей и останавливаться на пол пути, а то у тебя ничего не получится!

Удачная охота

Мне хочется выразить своё мнение о рассказе «Удачная охота» писательницы Нины Павловны Гавриковой. В нем повествуется об охоте невероятно красивой кошки по кличке Баска, которая охотится за маленьким серым мышонком. Я проникся этим рассказом и почувствовал себя там, наблюдая за охотой Баски. Это произведение вдохновило меня прочитать другие работы данного писателя. После его прочтения я захотел написать свой рассказ в будущем. Я очень рад тому, что прочитал этот рассказ. Советую его всем, кто любит читать.

Литературные встречи в Уфе

В Уфе в школе № 119 прошли литературные встречи обучающихся 5-х классов с Н. С. Нестеровой, руководителем Уфимского отделения МДЛК «Озарёнок», магистром педагогики. В ходе праздничного мероприятия обучающимся было предложено вспомнить и прочесть любое стихотворение. Удивительным оказалось то, что сразу несколько человек наизусть смогли прочесть отрывок из «Бородино» М. Ю. Лермонтова, что дало новый толчок к обсуждению тем войны, патриотизма в литературе и современном видении мира нашими школьниками. В заключительной части встречи Наталья Сергеевна прочитала произведения членов и выпускников МДЛК «Озарёнок» Анастасии Нестеровой, Ани Лоевой, Ксении Бурлак. Ребята с воодушевлением приняли произведение, высказали положительные эмоции. Наталья Сергеевна пригласила школьников принять участие в акции «Книжкины именины» и других конкурсах.





Наталья Шарапова

Анапа

Сказка про лентяя Принеси-Подая

Не скажу вам, что за край,
Проживает там лентяй.
Имя странное, не спорю —
Принеси-Хочу-Поддай.

Утром, солнце лишь взойдёт,
Мальчик бабушку зовёт:
— Принеси блинов побольше,
Есть хочу, свело живот!

А теперь охота пить,
Можешь мне воды налить?
Пульт подай и телевизор
Помоги скорей включить...

Раздавалось что ни день:
«Принеси», «подай», «одень»,
Но однажды на пороге
Появилась чья-то тень!

Стала вширь она расти
И стремительно ползти,
Все проходы перекрыла,
Невозможно обойти.

Испугался тут герой,
Закричал визгливо: «Стой!
Кто такая?» И услышал:
— Я, дружок, за тобой!

Лени издавна служу,
Для хозяйки слуг ищу,
Ты понравишься бесспорно,
Без конца кричишь «хочу»!

В тот же миг малыш исчез...
У бабули нервный стресс:
— Как ужасный похититель
Беспрепятственно пролез?

Отложила все дела
И в полицию пошла.
— Умоляю, помогите,
Жизнь без внука не мила!

Я прилично заплачу!
Нет нигде Подай-Хочу!..
Но сержант нахмурил брови:
— Может, вам сходить к врачу?

Вам, простите, сколько лет?
Вы несёте, право, бред!
Не смекну, чего хотите?
Что подать? Какой предмет?

Слёз бабусе не унять!
— Милый, что тут не понять?
Принеси, — вопит старушка, —
Нужно срочно разыскать!

Полицейский покраснел,
Тяжело на стул присел:
— Принести вам что, гражданка?
У меня по горло дел!

Насмехаться над собой, —
Покачал он головой,
— Не позволю, так и знайте,
Возвращайтесь-ка домой!

Вышла дама за порог,
Ей помочь никто не смог,
Нет желанных результатов,
Знать, преследует злой рок.

Вот проходят день и ночь,
И вторые сутки прочь,
Глаз старушка не смыкает,
Стала жизнь совсем невмочь.

Пусть ей было не до сна,
Задремала раз она
И увидела: пред нею
Незнакомая страна!

Древний замок... царский трон...
Под хрустальный перезвон
Устанавливает монстр
Свой неписанный закон:

— Тот, кто знает только «дай»,
«Принеси», «хочу»... — лентяй!
В Лодыряндию отправить!
В самый дальний жуткий край!

Там оставить насовсем!
Возвращать детей лишь тем,
Кто готов сражаться с Лению!
Проигравшего — ждёт плен!

Монстр гневно засопел...
А бабуля, осмелев,
Закричала: «Я согласна!
Всё исполню, как велел!»

Но правитель вдруг пропал...
Кто-то бабушку позвал.
— Принеси мне шорты с майкой... —
Мальчуган пробормотал.

Счастье вновь вернулось в дом:
Внук нашёлся! Вспомнив сон,
Моментально встрепенувшись,
Издала старушка стон...

И промолвила: «Мой друг,
Мы с тобой не держим слуг!
Сам возьми, не зря даётся
Человеку пара рук!»



Иллюстрация Алисы Дьяченко

Внук, опешив, помолчал
И затылок почесал...
— Я могу! — воскликнул. — Правда!
Не смотри, что ростом мал!

С той поры, признаюсь вам,
Он всегда всё делал сам.
А бабуля удивлялась
Небывалым чудесам.

Вывод прост, к чему скрывать:
Чтобы монстров не встречать,
«Принеси», «подай» пореже
Надлежит употреблять!

Страница автора
vk.com/n.sharapova62



О журнале

Поэты и прозаики живут среди нас! Каждый день на свет рождаются новые стихи, рассказы, повести и романы. Современным авторам необходима платформа, чтобы реализовать свой талант, заявить о себе, поделиться мыслями и идеями с широкой аудиторией. Читатели, в свою очередь, хотят быть в курсе событий в литературной вселенной, первыми узнавать о книжных новинках, знакомиться с любимыми писателями и их последними творениями. Окунуться в волшебный мир книг помогают литературные журналы.

«Союз писателей» — издание с богатой и славной историей. Журнал начал своё существование в Кемеровской области и уверенным шагом прошёл по России и странам СНГ, собрав удивительный коллектив талантливых авторов, публикующих на страницах свои стихи и прозу. Журнал выходит печатным тиражом 3000 экземпляров и имеет электронную версию. Множество библиофилов во всех уголках света с нетерпением ждут интервью, рецензий, новостей из мира литературы и, конечно же, знакомства с удивительными историями, которые можно прочитать только тут.

Главная рубрика журнала содержит художественные и публицистические произведения, посвящённые определённой теме, которая меняется из месяца в месяц. Мы делаем всё, чтобы люди вновь полюбили читать и заинтересовались современной литературой, а голоса лучших поэтов и прозаиков наших дней были услышаны. Присоединяйтесь!

Охват аудитории

- Печатная версия — тираж 3000 экземпляров
- Электронная версия — свыше 5000 подписчиков

Новостные и аналитические разделы

- Литературный календарь (юбилеи, значимые, актуальные литературные конкурсы)
- Герой номера
- Диалог с писателем
- В фокусе
- Обзор книжных новинок
- Рецензии и критика
- Гоголевский вестник
- Психология творчества



Для авторов

Журнал «Союз писателей» принимает для публикации литературные произведения современных авторов, пишущих на русском языке. Рассматривается проза (миниатюры, рассказы, продолжающиеся повести и романы, а также их отрывки), поэзия (подборки стихотворений, поэмы), публицистика (преимущественно статьи на темы искусства и литературы). Возрастной рейтинг журнального издания — 12+.

Рубрики с авторскими произведениями

- Тема номера (произведения любого жанра в рамках объявленной тематики)
- Поэзия
- Проза и публицистика
- Цветные зонтики (произведения для детей дошкольного, младшего школьного возраста)
- Комната отдыха (юмор, сатира, пародия)
- Неординариум (фантастика, мистика)

Объем публикации

- Страница поэзии — 80–100 стихотворных строк
- Страница прозы — 3200–3400 знаков с пробелами

Редакция выделяет авторам, прошедшим редакторский отбор, 2 бесплатные страницы под прозу или 1 страницу под поэзию. Минимальный объем публикации — 80 строк для поэзии или 3200 знаков с пробелами для прозы (одна журнальная страница). Всего в выпуске автор может занять до 10 страниц. Есть возможность печатать большие произведения с продолжением из номера в номер.

Я ♥ СП

ФИНАЛИСТЫ ФОТОКОНКУРСА

Ольга Дингес



Дмитрий Сарвин и Лерочка

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ «СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ»
journalsp.ru

Для писем и предложений
sp@izdat-kniga.ru



ISSN 2224-0756

Страницы в социальных сетях
vk.com/journal_sp
facebook.com/journalsp

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ»
izdat-kniga.ru